

Виктор КАЛИНКИН

14+

На свободную тему

*малая проза
для старшеклассников*

Виктор Калинин

На свободную тему

Малая проза для старшеклассников

...Послушай, а стоит ли нам за город держаться? Может, переберёмся в село? Таких специалистов там с руками оторвут, вдобавок – подъёмные, жильё, земля, льготы. Выберем, где будут лес и речка. И везде за просто так – луга, воздух, гроза, и всё можно потрогать! Утром будут петь петухи, услышишь колокольчики – то пастух со стадом прошёл, сбегашь на речку, а там розовый туман... Как представлю, какие глаза у сельских ребяташек... А знаешь, как живут на селе? Там надо со всеми здороваться. И с тобой все будут. А ты слышала их песни по вечерам?.. Там наш народ, наши корни...

(«Герой прошедшего времени, или Мечтать не вредно»)

На обложке – картина «Устный счёт. В народной школе С. А. Рачинского», написанная Н.П. Богдановым-Бельским в 1895 году.

kalinkin_v@mail.ru (kalinkina.n@gmail.com)

Тверь 2021

© **Copyright:** Виктор Калинин, 2021. Все права защищены. Этот сборник (рукопись) или любая его часть не может быть воспроизведен или использован любым другим способом без письменного разрешения Автора, исключая использование цитат или иного способа, предусмотренного Законом.

В данный сборник вошли произведения из книги:

Калинкин В.А. Ничего лишнего – только проза. – Тверь: Издатель А.Н.Кондратьев, 2019. – 335 с. – ISBN 978-5-907005-41-9, категория 16+. Книга стала Дипломантом Германского Международного конкурса «Лучшая книга года» в 2020 году.

В сборник также добавлены два новых произведения.

- ❖ Виктор Калинин, автор из Твери, пишет традиционно русскую, качественную, живую прозу. Читайте – скучать не придется.

Зам Главного редактора журнала «Новый Свет»
Михаил Спивак, Торонто, Канада

- ❖ Пригласив автора на страницы своего журнала, мы не ошиблись: его повести и рассказы не прошли незамеченными как в России, так и у нас в Чехии. Читать их интересно и познавательно, слог ровный, истинно русский, содержание вызывает чувства патриотизма, гуманизма, бережного отношения к чести и достоинству. Увы, такие авторы сегодня не в тренде, но то – не их вина.

Издатель журнала «Пражский Парнас» (2005-2017 гг.)
Сергей Левицкий, Прага, Чехия

© Калинин В.А., 2021

АННОТАЦИЯ

Сборник состоит из четырёх тематических частей: о прошлом, о весёлом и грустном, о любви, о нашей памяти. Они как станции: на любой Читатель может сделать остановку.

Повести

«Сладка ли месть». Историческая драма. Повествование переносит читателя в средневековую Русь, в последний год правления князя Игоря Старого, сына Рюрика, и в следующий за ним первый год правления княгини Ольги, регентши князя Святослава. В это время Ольга совершает известные четыре мести. Последующее за ними раскаяние побуждает её к принятию христианства.

«Шелест знамён». Военно-историческая повесть. За несколько дней до Бородинского сражения 39-й Томский пехотный полк прибывает на поле и разбивает лагерь. Полк принимает пополнение. Ивану, молодому солдату, назначают дядьку, который за короткое время должен передать ему самое важное. В сражении они рядом. Их батальон – у центральной высоты сначала в резерве, затем в 1-й линии. Иван проходит тяжёлое испытание с честью.

«Ты пропой, кукушка, мне». Военная драма. В августе 41-го из Подмосковья на Северо-Западный Фронт отправляется вновь сформированный полк. На рассвете – первый бой. Молодой солдат получает ранение. Когда приходит в себя, на позиции он один. Герой в одиночку лесами и болотами догоняет своих. В пути его сопровождают как драматические, так и по-своему трогательные события.

«Так было надо». Конец 40-х. Юношу по состоянию здоровья призывают не в армию, а в школу фабрично-заводского обучения. Окончив школу, он получает направление на Очаковский строительный комбинат. Должность – бригадир. Контингент – бывшие немецкие военнопленные.

Рассказы

«Герой прошедшего времени, или Мечтать не вредно». Главный Герой – учитель в школе, бывший участник некой ответственной миссии. В предновогодние дни тайно жертвует выделенную его семье квартиру той семье, в которой, как он считает, воспитывается его сын. Поступок играет роль своеобразного очищения и меняет отношение Героя к жизни.

«Вопросы выживания». Формально в благополучной, а по факту в неполной семье между матерью и сыном-подростком установилось полное взаимопонимание и доверие. У семьи есть друг, бывший одноклассник

беспечного супруга. Герой влюблён в героиню, она в него. Оба догадываются, но не смеют признаться.

«**Скорый на Бухарест**». Начало 90-х. Одинокий пожилой человек, чтобы пережить трудные времена, решает последовать примеру героя новеллы О'Генри «Фараон и хорал», но по-своему.

«**Причуды Навигатора**». Алексей, студент, живёт с бабушкой и дедушкой. Он доверил своему смартфону быть посредником в общении с миром. Алексей нравится Любе, сокурснице. Однажды смартфон засбоил, что привело к началу живого общения между героями.

«**Холостой маршрут**». Об одном дне на охоте без единого выстрела, о тверской природе, о незабываемых встречах.

Другие рассказы, очерки и эссе объединяют темы русской природы, гуманизма и патриотизма, есть с элементами иронии и юмора.

Об авторе

Калинкин Виктор Алексеевич родился в 1950 году на Чукотке в семье фронтовиков. Детство и юность прошли в Рязани. Занимался парашютным спортом – призёр первенства ВУЗов СССР, финалист Спартакиады народов России, чемпион области, мастер спорта.

В 1972 окончил Рязанский Радиотехнический институт. С 1974 по 1999 проходил службу в Вооружённых Силах, полковник, кандидат наук.

Первый рассказ написал в 2011 году. Все произведения опубликованы в журналах и альманахах в России, Белоруссии и Узбекистане, в Чехии, Германии и Канаде, всего – более 80 изданий. Написал несколько пьес и киносценариев, один киносценарий принят в производство.

Номинант литературных премий. Награждён 15 дипломами Международных и Всероссийских конкурсов, в том числе шесть о присвоении звания «Лауреат» и три о присвоении звания «Дипломант».

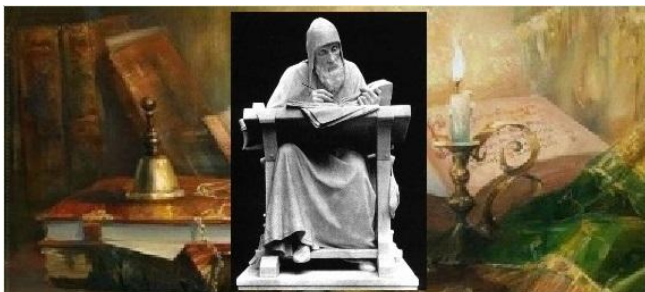
Сборник повестей и рассказов «Ничего лишнего – только проза», изданный малым тиражом на средства автора частным издательством, несмотря на скромные выходные данные, получил звание «Дипломант» Германского Международного конкурса «Лучшая книга 2020 года».

СОДЕРЖАНИЕ

I. БЫЛО НЕ СО МНОЙ, НО ПОМНЮ.....	7
СЛАДКА ЛИ МЕСТЬ.....	7
Пролог	7
1. Осенние хлопоты.....	10
2. Жить, чтобы мстить	17
3. Мстить, чтобы жить	22
Эпилог	36
ШЕЛЕСТ ЗНАМЁН.....	38
1. Поле	38
2. Противостояние.....	54
ТЫ ПРОПОЙ, КУКУШКА, МНЕ	70
1. На высоте	70
2. Ты пропой, кукушка, мне	83
ТАК БЫЛО НАДО	100
1. Огни в степи.....	100
2. На улице Рабочей.....	102
3. Очаково	106
4. Надежда.....	110
5. Яблони в цвету	117
II. КАРТИНКИ ВЕСЁЛЫЕ И ГРУСТНЫЕ	119
СКОРЫЙ НА БУХАРЕСТ	119
ЗВЁЗДОЧКА УПАЛА	123
ГАСТАРБАЙТЕРЫ	124
ЗЕРКАЛО ДЛЯ ДУШИ.....	126
ОЧЕРЕДНЫЕ МЫСЛИ.....	131
ПОДАРОК НЕБЕС	132
ХОЛОСТОЙ МАРШРУТ.....	134
ФОКС ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ	143
МИНИАТЮРЫ.....	145
Мышка	145
Механики	145
Всё в шоколаде	145
Наши солдаты.....	146
Без комментариев	146
Мгновения	147

III. НА ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД – ТАК ПРОСТО	148
БАБОЧКА.....	148
ПРИЧУДЫ НАВИГАТОРА.....	150
ГЕРОЙ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ, ИЛИ МЕЧТАТЬ НЕ ВРЕДНО.....	155
ВОПРОСЫ ВЫЖИВАНИЯ.....	159
«ОНИ ВМЕСТЕ, ШЕФ, – МЫ ВОЗВРАЩАЕМСЯ»	164
IV. ЗДЕСЬ ПАМЯТИ ПРИЮТ	166
ПОБЕДИТЕЛИ	167
ПОЛОВСКОЕ	171
1. РЕКА ДЕТСТВА.....	171
2. МАЛАЯ РОДИНА.....	173
3. СТАРИНА УХОДЯЩАЯ	174
ЭПИЛОГ	177
МЫ ИЗ РОЩИ, ИЛИ ДОБРЫЕ ШЕСТИДЕСЯТЫЕ.....	177
1. РОЩА	177
2. ГЕНА.....	179
3. СТИЛЯГИ И ШПАНА.....	181
4. ПАЦАНЫ.....	183
ПРОГУЛКИ В ОБЛАКАХ	188
1. ПЕРВЫЙ ПРЫЖОК.....	188
2. НОВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ	189
3. МЕЧТЫ СБЫВАЮТСЯ.....	191
4. БЕЗЗАБОТНАЯ ЮНОСТЬ	192
5. ПЕРВЕНСТВО ВУЗОВ	195
ЭПИЛОГ	198
ПОЛКОВНИК КОБЦЕВ, ИЛИ СТРАДАНИЯ ОФИЦЕРА ЗАПАСА	198
ПОЧЕМУ ВСЁ НЕ ТАК	201
ПУБЛИЦИСТИКА	208
СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ	208
ТЫ МОЖЕШЬ БЫТЬ ИМ	210
ФИОЛЕТОВЫЙ ДУРМАН.....	214

I. БЫЛО НЕ СО МНОЙ, НО ПОМНЮ

СЛАДКА ЛИ МЕСТЬ

(Историческая драма)

Пролог

Осеннее утро 945 года, последнего года правления князя Игоря Старого, сына Рюрика. На берег Днепра в окрестностях Киева со склона спустились три всадника: Стегги, Олле и Хенрик – воины варяжской дружины Игоря. Двум светловолосым около двадцати, рыжий Стегги лет на пять старше. Ехали без сёдел, рубахи не подпоясаны, портки свободны, ноги босы, у всех небольшие бороды. Через плечо у каждого свисала холщовая сума.

Последним ехал Хенрик. Он не отрывал глаз от гривы коня и хмурил брови, по-видимому, был в прошлом. Олле, напротив – был в настоящем и получал удовольствие, созерцая окрестные виды. Ему представлялось, как на него накатывали приятные, ласковые волны, и он жмурился, как кот. На его состояние обратил внимание рыжий Стегги, заговорил он на их родном, на шведском.

– Сейчас, Олле, ты – избранник Единого Бога. Он увидел твою раскрытую душу и приблизил её к себе, и ты, не догадываясь, чувствуешь эту благодать... Разве мог ты хоть раз приблизиться к Одину?.. Конечно, нет. Вот и я, когда был с Ингваром в Царьграде, принял христианскую веру... Не жалею, даже радуюсь этому... Хочешь, сходим в храм Святого Ильи на Ручье у Почайны? Его наши построили... Ну, как знаешь...

Стегги указал товарищам вперёд, туда, где на песчаном берегу лежала принесённая весенним разливом коряжистая, старая ива.

– Поедем на то место, там ям нет и помельче, – предложил он, ударил в брюхо коня пятками и опередил товарищей.

– Куда нам спешить, Стегги? Успеем, – крикнул Олле. – Красивые места, сердце радуется. Чудесная осень, тёплая, ясная!

– Это тебя конь согрел, и ветра пока нет, – более не прикасясь к таинству, ответил Стегги.

Хенрик перестал копаться в прошлом – он услышал нечто более интересное – обогнал Олле и пристроился у Стегги сбоку.

– Мне тоже здесь нравится, – признался он, щурясь от солнечного света. – Благодатное место. Всю жизнь бы прожил в Киеве!

– Если ты, Хенрик, здесь останешься, а я вернусь да без тебя, что тогда скажу Инге, твоей возлюбленной? – пошутил Олле. Хенрик промолчал и отвернулся.

Стегги придержал коня, поджидая Олле.

– Скажу вам, братья... – начал он, сделал паузу и посмотрел на друзей. – Судьба разбрасывает могилы викингов по всему белому свету, не считаясь с их желаниями, а потому вряд ли кому из нас суждено здесь обрести покой. – Ответом было молчание. Чтобы развеять мрачные мысли, Стегги добавил: – Последний раз едем купаться. Местные колдуны пророчат ненастье уже с этого вечера.

Не желая, он затронул болезненную тему. Поводом воспользовался Хенрик:

– И мы пойдём в поход, да? Нам обещали, как наступят холода, так сразу. Сам Свенельд обещал.

– После праздника урожая, – уточнил Стегги, – после оспожинок, их осенних свадеб.

У Хенрика готов вопрос, он и рот открыл, но Стегги опередил: – Они придут, когда день с ночью сравняется. За этим их волхвы следят.

Всадники подъехали к иве, соскочили с коней и разделись. Достали из сумок щётки, и, вскрикивая от свежести струй, завели коней в Днепр. Кони опустили головы и принялись всасывать бархатными губами воду. Дав им напиться вволю, друзья приступили к купанию коней. Закончили, вывели их на берег, подвязали уздечками к старой иве и с криками бросились в воду.

– Ну что, выходим, братья? – предложил Стегги после минутного плескания. – У меня от холода ягодицы ломит.

Парни вышли на песок, оделись, сели на коней и выехали на луг. В стороне, на склоне, за которым подпирали небо острые верхушки больших елей, приютилась деревенька. От неё долетали неясные звуки. Если прислушаться, то можно было понять – это отголоски праздничного гуляния. Хенрик повернул голову ухом к источнику звуков.

– Что это за шум, Стегги? – спросил он, показав рукой.

– А что, может, это у славян наступили те самые оспожинки, – предположил Стегги и, повеселев, воскликнул: – Урожай собрали, можно и свадьбы играть!

– Заедем, посмотрим? – попросил Олле.

Стегги развернулся, призывно гикнул, и варяги наперегонки помчались по лугу. Вылетев на сельскую улочку, придержали коней и, сопровождаемые сворой дворняг, направились к месту праздника. Не доезжая, спешили, подвязали коней к деревенской коновязи и, приветливо улыбаясь, направились туда, где гулял народ...

Как и предсказывали колдуны, погода к вечеру испортилась: подул холодный ветер, небо затянули серые тучи, пошёл косой дождь. С реки накатывали на берег высокие волны с белыми барашками, взбивая по линии прибоя желтоватую пену. По Черниговской дороге насквозь промокшие и хмельные Стегги, Олле и Хенрик въехали на Подол. Сидели они прямо и с достоинством посматривали по сторонам. Монотонные движения и выпитый мёд отяжеляли их веки и клонили в сон. Олле, разгоняя сладкую пелену, запел под нос боевую песню викингов:

– Наточим ножи о камень, Настало иное время... Подросток мужчиной станет, Доставши ногою стремя...

Не дав закончить суровое наставление, Стегги запел свою, известную во всей Скандинавии песню, жестами призывая друзей поддержать его:

– Нас накрывало волнами, швыряло на скалы, Но мы твёрдо шли вперед, Туда, куда синее небо и море зовёт...

Олле и Хенрик перевели дыхание и присоединились:

– Нас накрывало дождями-снегами, Но мы твёрдо знали то, Что дом, дом, дом...

Вздохнули глубоко и хором спели:

– А ну, брат, на вёсла давай налегай! Хэ-хэй! Налегай! А кто не гребёт, тот сам огребёт...

Рассмеялись и продолжили:

– Ой, ай-яй-яй-яй! Там, за морями, за океанами, Нас заждались у огня. Хватит уже украшать тела шрамами!

И громко, в один голос прокричали:

– Нам возвращаться пора!..

Как по сигналу, смолкли, в глазах появилась грусть... Первым тишину нарушил Хенрик:

– Стегги! А я научился их языку, – и добавил нараспев: – Красна деви-и-ца, дай воды напи-и-ца!

– Что он там говорит? – очнулся Олле.

– Просит девушку не дать ему умереть от жажды.

– И что же он такого сделал, находясь рядом с девушкой, что стал горячим?.. – Олле похлопал по мокрой шее коня, вызывая звуки влажных шлепков. Варяги рассмеялись и въехали в городские ворота.

1. Осенние хлопоты

В великокняжеском тереме полумрак, за мутными оконцами – вечерняя синь. Стол, трон без излишеств, две длинные скамьи, печь в изразцах. На столе – свечи, кувшин и чаши.

В палату с чёрного хода с охапкой поленьев и листом бересты в зубах вбежал отрок из княжьей челяди. Ссыпал дрова у печи и выбежал. Скоро вернулся с фитилём, раздул огонь и зажёл масляные лампы по краям печи. Нарезал розжиг, уложил поленья в печь, поджёг лучину и поднёс к бересте – печь загудела. Отрок присел на корточки и, заворожённый, замер.

Через дверь, ведущую в личные палаты, поёживаясь, вошёл пожилой человек. Лет ему около семидесяти, длинные седые волосы с боков и спереди собраны в косицы, одет скромно. Это – Игорь, Великий Князь Русский. С указанием этого титула им был подписан последний договор с Императором Византии. Указал пальцем в отрока и опустил, похоже, забыл, что хотел сказать... Вспомнил:

– Ты, отрок, – отрок вскочил, повернулся и застыл, склонив голову, – добавь-ка в моих палатах одну половину от закладки. – Отрок склонил голову ниже. – И вот ещё: сходи в дружины к варягам и славянам, скажи Свенельду и Кочебору, что зову их. А по пути княгине Ольге скажи, что жду и её с Асмудом... Ступай!

Отрок, забыв прикрыть дверцу у печи, выбежал. Игорь занял его место, но долго не сидел, прикрыл печь, встал, подошёл к стене, на которой весели его доспехи. Вынул меч, осмотрел лезвие. Прикоснулся к стягу с фамильным гербом Рюриковичей, атакующим соколом, погладил. За этим занятием не заметил, как в палату вошли двое: княгиня Ольга, – молодая, красивая женщина, его жена, – и варяжский боярин Асмуд, он – в летах и играл роль воспитателя юного Святослава, сына Игоря и Ольги.

– Звал, Великий Князь? – первой обратила на себя внимание Ольга.

– Ингвар, Святослава я Стегги оставил, они крепость потешную строят, – добавил Асмуд.

– Воевод подождём, я их тоже звал, – ответил, не оборачиваясь, Игорь.

Ольга и Асмуд отошли к окну... Пятью минутами позже в палату через вход для гостей вошли воевода варяжской дружины Свенельд и воевода славянской дружины Кочебор – обоим лег по тридцать – прикоснулись правой рукой к груди и склонили головы.

– Вечер добрый, князь Ингвар, – приветствовал Свенельд, именуя Игоря на скандинавский манер. Из тех, кто в тереме, один он в богатой одежде, на голове – оселедец, в ухе – серебряная серьга.

– Слава тебе, Великий Князь, – с соблюдением традиции приветствовал Кочебор.

Игорь обернулся и ответил им кивком. Подошёл к столу, занял место на троне и руками показал на места, приглашая сесть. Справа сели Ольга и Кочебор, слева – варяги.

– Друзья мои первые! Приспела осень, вот и оспожинки миновали. Урожай – в закромах, мёд – в бочках, скотина и птица – в теле. Год был мирный и хлебодородный. Земли наши обширные и богатые, но полесские, а посему знаю, что собирать богатую дань будем до первых проталин. Пока реки малые не встали, думаю, пора нам приступать.

– Воины мои давно дни считают, – оживился Свенельд. – Надоело им в огородах пачкаться, коров доить да гусей пасти. Кони разжирили, не усядешься, и мечи заржавели, а доспехи чёрной гнилью покрылись. Молодые отроки, так те, как солнце встанет, вопрошают: «Где походы, что нам князь обещал?» Вот теперь ты всех нас и порадовал!

Игорь доволен, улыбнулся и кивнул в знак одобрения. Перевёл взгляд на Кочебора. Тот сидел, насупившись, и смотрел в стол. Улыбка на лице Игоря погасла.

– А ты, смотрю, не рад, воевода?

– Да, Великий Князь, не буду скрывать, мои воины в обиде на тебя. – Кочебор поднял глаза. – Летом, конечно, вместе и мы, и варяги изгоняем из Степи кочевников, на печенегов и на греков страх наводим. Это – летом. А зимой только мы одни оберегаем от набегов твою столицу и твои уделы. – Свенельд выпрямился, руки со стола убрал, сел, подбоченившись. Кочебор заметил и перевёл на него взгляд. – Свенельд со своей дружиной каждой зимой ходит в дань, потому-то его отроки и оружием, и всякою одеждою богаты, мы же босы и наги... Что, Свенельд, можешь сказать против моего?

Свенельд положил ладонь на руку Кочебора: – Согласен я, князь Ингвар. Нельзя нам неравными быть.

Кочебор встал.

– Ты, Великий Князь, давно со своей дружиной в дань не ходил, сходи с ней да с нами, с полянами, и все будут довольны. Прикажи, пока Норин, Уж и Припять не встали, к древлянам сходить, а Свенельд за Киевом присмотрит, защитит. – Кочебор почувствовал, что в главном все согласны с ним. – Как вернёмся, он пойдёт в дань, а мы в Киеве на стенах постоим да на заставах посторожим.

– А что, Великий Князь, славянские дружины давно не собирали дань, – поддержал Асмуд и перевёл взгляд на Ольгу. – Сам не ходи, останься с

княгиней и Святославом. А воеводой над твоей княжеской дружиной поставь... да хоть меня.

– Поддержи Кочебора, наш добрый князь. И Асмуд дело говорит, – не осталась в стороне Ольга.

Игорь встал, налил в чашу из кувшина и жестом предложил другим. Сел, пригубил, задумался, ещё отпил. Другие налили себе, отпили, посмотрели на Игоря.

– Садись, Кочебор... Твои воины, воевода, не простого племени: они – дети князей удельных или князей-изгоев либо дети бояр. Бывает так, что из них кто сам боярин или сам князь-изгой, не получивший от отца удел. Из таких князей есть ты сам. А бывает в дружине гости из земель дальних, но он тоже не раб... Говоришь, воины твои «босы и наги»... – Игорь усмехнулся, – лукавишь, воевода, однако.

Кочебор покраснел, голос его задрожал:

– Моя дружина только добычей кормится, и в придачу огородов не имеет, как отроки варяжские, и за добычу единственную, чем кормится, платит кровью своей... А прикажи-ка, Великий Князь, и нам зимой погулять – весёлое дело!

– Отроки Свенельда служат Киеву далеко от дома родительского, от моря и богов варяжских. И многие из них не знатного рода, потому не стыдно им трудом подкормиться. Притом все они воины искусные, смелые, к боли и лишениям стойкие, себя не жалеют и князю своему верны до кончины. – Кочебор вновь покраснел. – А погибает их, ты знаешь, много. Вот потому и приходится Свенельду каждый год из Новгорода молодых отроков звать и добычу им обещать. А коли они все молоды, и нет у них в Киеве очагов родных, то я без надобности у стремени их не держу и, когда просит Свенельд, отпускаю.

– Спасибо, князь Ингвар. – Свенельд привстал. Игорь, сдерживая, выставил ладонь.

– Вот вам моя воля, друзья мои первые: за данью к древлянам со славянскими дружинами и с Кочебором, – Игорь обвёл взглядом сидевших за столом, – сам пойду... Ещё раз покажем князю Малому, вертлявому, как Уж, через город его петляющий, что Киев выше и сильнее Искоростеня.

Кочебор привстал: – И когда же, князь, выходим?

Игорь подумал, отбивая пальцами ритм, и объявил решение:

– Кочебор, завтра на заре в Искоростень отправь одвуконь гонца такого, кто через Гостомель, Козятичи и Малин путь знает. На второй день князь Малой будет знать, кого ему в гости ждать. А мы на другой день после гонца на ладях выйдем.

Игорь встал, склонился над столом и, опершись одной рукой, другой обозначил схему маршрута.

– Пойдём вместе вверх по Днепру до Припяти, по Припяти до Ужа и по Ужу до Залесья. – Игорь выпрямился. – Дней пять идти будем вместе.

За Залесьем разделимся. Одна дружина пойдёт по Норину на Вручий, другая продолжит по Ужу в Искоростень... Готовь гонца, Кочебор!

– Как повелел ты, Великий Князь, исполню.

– Я всё сказал, – объявил Игорь устало. – Возвращайтесь к делам своим.

Когда приближённые покинули палату, Ольга подошла к Игорю, прикоснулась к его волосам, расправила и поцеловала в лоб.

– Может, ты зря это надумал? Путь не близкий, холода пришли, а ты не молод, останься, пусть Асмуд сходит.

Игорь поднёс руку княгини к губам.

– Славянские дружины давно пора было в дань отправить, а у воеводы Кочебора опыта мало – это моя вина, придерживал... Асмуд ему не поможет, он отвык от сбора, а здесь надо быть решительным и осторожным. Свенельд на такие дела по-своему смотрит. Идти мне, больше некому.

Обнявшись, Игорь с Ольгой направились к двери, ведущей в их палаты.

Ладьи, всего около десятка, шли на вёслах вверх по неширокой извилистой реке Уж. По берегу их сопровождал небольшой табун боевых коней под охраной вооружённых всадников. Кони те нужны для князя, его телохранителей, знатных воинов, гонцов и передовых сторож, посылаемых в разведку.

Прошли древлянское сельцо Залесье и, когда справа показалось устье Норина, причалили бортами к берегу. С каждой ладьи перебросили доски, и дружинники налегке сошли на берег – привал. С третьей ладьи сошёл Игорь, со средней – Кочебор. За Игорем следовали два рынды, телохранители. Один из них нёс стяг Великого Князя с изображением падающего сокола, второй – две скамеечки и плетёную корзинку, накрытую полотенцем. Игорь показал им, где поставить стяг, рынды воткнули древко в землю и встали рядом. Князь и воевода присели. Казалось, дальнейший путь дружин очевиден, но из уст Игоря неожиданно прозвучало:

– Я пойду направо по Норину до Вручия, идти мне один день. А ты, Кочебор, с полянами пойдёшь дальше по Ужу в Искоростень, и идти тебе день с половиною.

– Великий Князь! А послушает ли меня Мал?

– Послушает. Ты княжеского рода, и можешь на равных разговаривать с князем, он не обидится.

Разговор не получился. Ели молча. Встали. Сполоснули руки и вытерли о полотенца. Игорь видел, что укрепить уверенность в воеводе ему не удалось: глаз тот не поднимает.

– Помни: не мне древляне дань платят, но Киеву! – Игорь положил руку на плечо Кочебору, тот поднял голову, кивнул, соглашаясь. – А дней через десять встретимся на этом месте. Смотри, воевода, не опаздывай!

Игорь направился к своей ладье, Кочебор, почёсывая макушку – к своей. Игорь обернулся:

– Да! Вот ещё! Как придёшь в Искоростень, расскажи князю Малому хорошие новости. – Воевода и князь сблизились. – Что хотим мы мира и для себя, и для него, а потому принимали послов Греческих. Привезли они Хартию от Царей Греческих мне, Великому Князю Русскому. Приняв оную, клялись они и мы. Одарили мы их мехами драгоценными, воском и пленниками и отпустили к Императору с обещанием хранить дружбу и Истину Союза. – И Игорь выделил особо: – Пусть знает князь Малой, что в подарках была и его доля, за что благодарю и рассчитываю впредь, а потому прошу не скупиться. – Князь обнял воеводу. – Ну, в путь!

Три ладьи повернули направо и легли в русло Норина, остальные подождали, пока не освободится вода, и пошли вверх на Искоростень. Малая часть табуна переплыла Уж и продолжила по берегу Норина сопровождать дружину Игоря.

Прошло десять дней. Со стороны Искоростеня вниз по Ужу шли на вёслах гружёные данью ладьи с дружиной Кочебора. По берегу их по-прежнему сопровождал табун лошадей, с ним – несколько вооружённых воинов. За ними, на расстоянии, держались два древлянских всадника – гонцы для связи дружины с Искоростенем: один кудрявый, другой постарше, с залысинами. Ночь им пришлось провести на земле, утром они по пояс вымокли в росе – трава и бурьян местами доставали до сёдел. Гонцы были угрюмы и ворчали, и не было рядом ничего, на чём можно было бы сорвать злость.

– Сколько нам по берегу за ними тащиться?.. Без дороги... Как бы коням ноги не поломать, а себе шеи не свернуть, – буркнул кудрявый.

– Велено их гонцами быть до Припяти, а там... какая уж на то будет княжья воля – прикажут, в Киев поедем, – просипел в ответ лысый.

Река сделала поворот, и с ладей Кочебора открылся вид на устье Норина. На том месте, где десять дней назад дружины разделились, стояли три ладьи Игоря бортами к берегу, а носами с драконами вниз по Ужу. Игорева дружина прибыла накануне и разбила стан. В центре – шатёр, над ним на слабом ветру покачивался стяг Рюриковичей.

С головной ладьи Кочебора протрубил рог. Со стоянки Игоря прозвучал ответ. Услышав трубную переключку, из шатра вышел Игорь. Ладьи Кочебора пристроились за ладьями Великого Князя. Кочебор, помавав рукой, сошёл на берег. Князь и воевода обнялись и зашли в шатёр.

К стану подогнали табун. Здесь же, невдалеке, расположили на отдых. Следом подъехали древлянские гонцы, спешили, сняли с коней сёдла, распрягли и подвели их к реке. Дали коням напиться, вывели на поляну, стреножили. Перенесли сёдла ближе к шатру – гонцы должны постоянно быть на виду – опустили сёдла на землю и на них присели. Первым заговорил мрачнее тучи кудрявый гонец:

– Где сила, там и богатство. А где богатство, там и сила. Жаль, не вернуть скоро былого величия древлянам. Ты сам-то как думаешь?

Лысый гонец в ответ растянул губы в улыбке. Кудрявый не понял кому, удивился, обернулся... сзади никого. Лысый объяснил:

– Хоть воины Игоря нас не слышат, но видят. Будь лицом светлее, улыбайся понарошку... либо отвернись. А то уж больно ты мрачен.

Из шатра вышли Игорь и Кочебор. Здесь же, у полога, остановились: Игорь, задумавшись, Кочебор – впереди, отвернувшись. Игорь подошёл к нему и развернул к себе лицом.

– Чем опечалился? Главного собрано чуть меньше, чем в летошнем годе. А мехов не добрали от того, что рано с древлян начали, миздра, ты ж видел, тёмная.

– Ты, Великий Князь, взял больше с Вручия, чем я с древлянской столицы.

– Надо было не бояться брать прошлогодними мехами. А норку и бобра можно брать этого года, их мех всегда годится. Малой должен был сам подсказать. – Вздохнул. – Ладно, доберём зимой.

Древлянские гонцы притихли. Лысый достал шило и дратву и сделал вид, что ремонтирует седло. В голосе Кочебора появились нотки былой претензии, досады:

– Люди дружинные в обиде. Ничего им не досталось, мимо прошло, всё для Киева. Ты бы дал им удел какой...

Игорь посмотрел на гонцов, поведение их показалось ему подозрительным.

– Потихе, воевода. Гонцам древлянским нельзя нас слушать, – тихо заметил он. – В Киеве весь сбор по росписи разделим. Дадим и городу, и слугам его, и дружинам. А казне как не дать? Вдруг надо будет выкуп заплатить или кого отблагодарить... Вспомни, вот были у нас послы из Византии, так мы их проводили с подарками, – и добавил с достоинством: – Когда у нас с Императором мир, мы можем за богатой добычей ходить хоть проливами, хоть по Дунаю.

Игорь отошёл, походил, попинал листву, вернулся, вполголоса продолжил:

– А удел твоим дать – это разбой! Скажут, Игорь – вор! – Подошёл ближе. – Мы не враги древлянам, если можем, делимся. Когда в Царьград ходили воевать, так древляне были с нами, и добычу они себе тоже взяли.

Кочебор горячим шёпотом спросил:

– А как же отроки Свенельда богатеют? Может, нечестен он?

Рында принёс жареное мясо, кувшин с чашами и полотенца. Князь и воевода присели на скамеечки у шатра, выпили по чаше.

– Свенельд, что поручено, то привозит и показывает. Он воровства не допустит, он боярского рода, он потомок Дира. – Перешёл на шёпот. – Знаю тайно, что ходит он в набеги на соседние земли. Обиженные не могут на Киев показать – не славяне у них разбойничали. Думают, поди, то были угры или балты? А могли быть дружины из других варягов – где их только не видели.

Кочебор забыл об осторожности и заговорил громко:

– А может, я с дружиной в набег на кривичей схожу? Дойдём до Припяти, а там мы – вверх, а ты, Великий Князь, – вниз.

Кудрявый гонец не выдержал и отметил чуть слышно: – У-у-у, пёс ненасытный!

Игорь не сдержался:

– Удумал! После твоих забав мне либо с полоцким князем воевать, либо тебя, воеводу, на кол сажать и весь нынешний сбор кривичам в откуп за разорение отдать.

Игорь отошёл, походил, вернулся.

– Князь древлянский, вижу, не всё тебе дал, схитрил. А у него и кож много, и узорочье есть всякое, тоже и серебро, и посуда. Свенельд всегда привозил. Есть у Малего и оружие, слышал я, с ним торгуют готы, угры и хорваты.

Кочебор охнул с досады:

– О-о-ох! Обманул меня Мал! Так вернуться мне, Великий Князь?

– Не даст он тебе, коли с первого раза скрыл. Это он не тебя, он Киев обманул. Надо мне идти добирать.

Кудрявый гонец вновь не выдержал и шёпотом поделился с товарищем: – Как бы князя Мала предупредить? Отсюда близко, за полдня можно управиться.

Князь Игорь решил, что иного пути нет, и распорядился:

– Перенесём всё тяжёлое с моих ладей на твои. Как закончим, ты вниз пойдёшь, в Киев, а я вернусь в Искоростень... Приступай Кочебор, не будем откладывать.

Кочебор ушёл, Игорь, оставшись один, побродил около шатра, раз-другой посмотрел на притихших гонцов, сопровождавших каждое его движение настороженными взглядами. Остановился, посмотрел в очередной раз.

– Подойдите ко мне.

Древляне оживились, бросили дела, подбежали.

– Скачите в Искоростень, скажите своему князю, брату моему, что стало известно нам, угаил он многое. Оттого возвращается Великий Князь добирать дань. – Махнул рукой. – Ну, скачите, не мешкайте!

Довольные гонцы схватили сёдла и побежали к лошадям. Обсуждая и жестикулируя, оседлали коней, сели, развернули и с места пустили в галоп.

У ладей началась возня и суета, и вскоре по всей линии их стоянки раскрутились работы. Долетали крики: «Неси», «Помоги», «На эту хватит, давай на ту». Игорь какое-то время, заложив руки за спину, наблюдал за движением, затем посмотрел на облака, уточнил, откуда ветер, оглядел тот горизонт и вошёл в шатёр.

2. Жить, чтобы мстить

Вверх по Ужу медленно шли на вёслах три лады Игоря. Искоростень близко – если встать со скамьи, то видны возвышенности в его окрестностях. И на коне можно обернуться, пока дитя малое спит после дневного кормления.

На левой стороне, в лесу за пойменным лугом, притаились всадников сто – древлянская конница. На реке, немного ниже, заметны просвет в ивняке и подход к берегу. По обе стороны от него, под кустами, лежали в засаде сотни две пеших воинов. Из леса они видны, а с воды нет. Лады Игоря за поворотом, торчат только их голые мачты и головы драконов.

В зарослях у опушки – древлянский князь Мал и два его гонца: молодой, кудрявый, и тот, с залысынами. Князь Мал посвящал молодого в свой замысел:

– Видишь подход к воде? Там – брод. Перейдёшь речку и встретишь Игоря на той стороне, мол, от меня гонец. Скажешь, князь спрашивает: «Зачем идёшь опять, забрал уже всю дань». – Мал, предвкушая успех, облизнул губы. – Вот если бы Игорь сошёл бы да на твою сторону, было б важно! Мы бы его отсекли от дружины. А в общей схватке его ненароком убить могут...

Гонцы выехали на тропу и поскакали к броду, перешли на правую сторону и поднялись на высокое место перед берёзовой рощей. Кудрявый спешился и положил на траву щит, пику и шлем. Окинул взглядом товарища: – Слезай-ка и ты, не обидь Великого Князя. – Лысый возражать не стал, кряхтя, сполз на землю и снял шлем.

Когда до ладей можно было докричаться, кудрявый гонец спустился к реке.

– Ого-го-го! Встречай гонцов! – Замахал руками. – Э-э-эй!

С первой ладьи ответили сурово:

– Чего-о-о! Что за беда?

– Слова гонцы привезли Великому Князю от брата его, от князя Мала. С первой ладьи прокричали на вторую: – Гонцы от князя Мала к князю Игорю. Кричи дальше! – Со второй ладьи крикнули на последнюю: – Гонцы к князю Игорю. – С третьей послышалось: – От князя Мала будто.

Ладьи пересекли брод и прижались к правому берегу. Воины ухватились за ветви и причалили бортами к кустам. На последней ладье поднялся дружинник.

– Здорово будешь, древлянин! – Гонец кивнул в ответ. – Великий Князь по твоему берегу верхом едет, ему так складнее. Ищи там, – воин махнул рукой назад.

Гонец повернулся к товарищу: – Ну-ка, глянь, нет там верховых?

Лысый с места не увидел, взобрался на коня, привстал на стременах и подался вперёд: – Да не так уж и далеко!

На пойменных лугах всегда найдутся старицы, заливные озёра, камышовые болотины и прочие неудобья, потому и табун, и Игорь с телохранителями отстали от судов. А шли они, как того желал Мал, по правому берегу.

Гонец поднялся к товарищу, увидел верховых, сел на коня и выехал им навстречу. Но на ходу Игорь его слушать не стал, показал на бугорок, где стоял второй гонец. Там рынды спешили, отодвинули лысого и установили стяг Рюриковичей с «соколом». Гонец передал коня товарищу, тот отвёл лошадей в сторону. Игорь сошёл с коня, присел на траву и подозвал гонца. Кудрявый подбежал, склонил голову и опустил на колено. Игорь внимательно осмотрел его, затем второго – тот склонил голову.

– Ваш князь, брат мой младший, не встречает оттого, что на войну собирается? И просит меня, чтобы помог ему? Так, отрок?

– Нет, Великий Князь! – ответил гонец. – Мы в мире живём. Спасибо Киеву.

– А кто ж тебя в броню одел? Когда князь Малой отправлял вас, он знал, что где я, там нет войны. Выходит, обо мне забота – печенег в засаде на пути сидит. – Игорь повысил голос: – Сидит? Отвечай!

– Нет, Великий Князь! Безопасен твой путь.

Игорь поднялся с земли, подошёл к гонцу.

– Подними голову! – Посмотрел ему в глаза. – Встань! – С сожалением отметил: – Выходит, воюет мой брат, и опасен мой путь. – Игорь вернулся к стягу. – Говори, что привёз!

Гонец перевёл дыхание.

– Великий Князь! Привёз я слова князя Мала. – Гонец набрал воздуха и произнёс: «Зачем идёшь опять? Забрал уже всю дань».

Игорь отошёл от гонца и с улыбкой направился к его товарищу.

– Понял я так, что князю Малому надо узнать, где Игорь с дружиной, да? – Улыбка исчезла. – Поскачешь и в другой раз скажешь, что иду с миром к другу, но за долгом, – распорядился Игорь и добавил: – Товарищ твой останется гостем, он обещал мне безопасный путь... А теперь, борзой пёс, лети к своему хозяину!

Игорь вернулся к гонцу, тот вновь склонил голову.

– Великий Князь! Не гневись, я только раб. – Гонец поднял глаза. – Вчера древляне держали совет и решили так: «Если повадится волк к овцам, то вынесет всё стадо, пока не убьют его. Так и Игорь: если не убьём его, то он нас всех погубит». – Гонец опустил глаза. – Князь Мал с дружиной близко.

Игорь, не проявляя беспокойства, обратился к телохранителям: – Всем выгружаться и доспехи одевать. Беги! – приказал он ближайшему и крикнул вдогон: – Жду всех у «сокола!» – и второму рынде: – Неси оружие и броню.

На поляне остались Игорь и гонец. Игорь осмотрелся.

– Эх, на узкой воде не развернуться. А развернутся, то стрелами да копьями всё одно побьют! Да и не пристало Великому Князю бегать, верно, сынок?

Из-за кустов на левой стороне Ужа раздался дикий вой, кусты затрещали, заходили ходуном – это пешие древлянские воины встали, и в ладьи полетели стрелы и сулицы. Часть древлян кинулась через кусты в реку, другая, что осталась за кормой последней ладьи, побежала к броду, и напала сзади и с правого берега. Пешее войско окружило ладьи и отрезало Игоря от дружины. Избиение быстро началось и скоро закончилось. Яростные крики сменила брань, обычная при дележе добычи. Под стягом застыл Игорь. Сзади, на расстоянии – гонец.

– Нет больше твоей славной дружины, Великий Князь... Прости, Игорь. – Гонец помялся и крикнул: – Два года назад я был в твоём войске, когда ты ходил на Царьград. С тех пор желаю стать твоим воином!

Из леса с опозданием выехала на луг и помчалась к броду конница древлян.

– Быть тому! С этой минуты ты – мой воин! – объявил Игорь, наблюдая за конницей. Гонец сделал к нему шаг. Игорь поднял руку: – Стой там!

Конница древлян вышла к реке. Игорь, торопясь, достал из-за ворота оберег, разорвал цепочку и бросил оберег гонцу. – Поезжай в Киев, княгине передашь и скажешь, что взял тебя в дружину... И ещё – пуще глаз пусть бережёт для славных дел Святослава, Великого Князя Русского.

У реки конница разделилась: одна часть занялась разграблением, другая пустилась ловить табун, малая часть направилась к броду. Впереди той части конницы, что перешла реку и мчалась к Игорю – князь Мал, с ним – древлянский воевода Гудиша. Не доезжая, спешили, подбежали.

Древляне схватили Игоря за руки. Гудиша бросился к стягу, подрубил древко, сорвал и с другими древлянами принялся топтать «сокола».

– Хватит прыгать! – крикнул Мал своим, затем Гудише: – Сними меч с него.

Древляне образовали широкий круг, в центре – Игорь, он неподвижен, руки – на груди. Мал обошёл, осмотрел от сапог до седых волос и заговорил со злобой:

– Вот ты и попался, старый волк! Если бы сам в дань ходил, то столько лет не прожил бы... Нет, не прожил... – Усмехнулся. – А я-то думал, ты сразу в Искоростень пойдёшь. Ан нет! Однако со второго раза вышло. Прав был Свенельд.

– Ты что же, вор, совет у него спрашивал?

– Ты сильно гордый! – повысил голос Мал и добавил тише: – А вот угадал он, что ты, коли привык к большой дани, другую не потерпишь. – Усмехнулся. – И ещё угадал, что добирать сам придёшь.

– Про тебя я знаю. – Игорь нахмурился. – А его-то корысть в чём?

– К дани ты нас с Олегом примучил. Ты-ы-ы! – Мал сорвал голос, откашлялся. – Потому я клятву дал отомстить, и Перуну в жертву холопа твоего принёс. Год держал пленника в яме и дождался!

Мал челноком походил перед Игорем, успокоился, вспомнил вопрос.

– А про Свенельдову корысть сказать могу только... чьего рода он, знаешь?

– Ну, варяжского... Сказывают, что Дира, – пожимая плечами, с презрением ответил Игорь, не глядя на Мала.

– Вот то-то и оно! Потому и мстит за боярина, коему он потомок.

Игорь усмехнулся, качнул головой.

– Если варяги начнут по всякому поводу мстить один другому, то мстить скоро будет некому, – усмехнулся Игорь и твёрдо заявил: – К давнему убийству варяжских бояр я не причастен!

– Твоим именем Олег совершил его! – поставил точку древлянский князь.

Мал отступил от Игоря и сбросил плащ. Пригнувшись, пошёл по кругу, всматриваясь в лица древлян.

– Ну, братья, какую смерть для Игоря выберем? Ищите страшную, да такую, чтобы никому он не встретился в неведомой стране Семаргла.

Древляне с суровыми лицами уставились в землю.

– Живым закопать!

– Живым сжечь!

Мал покачал головой и высказал сомнение:

– А вдруг встретишь его в неведомой стране?

– Псам голодным на растерзание отдать!

– А где ж здесь псов-то взять? – Мал присел и развёл руки.

Гудиша начал догадываться.

– Надо разорвать, чтобы не соединился. – Почесал бороду. – А если ноги к двум коням привязать да пустить их в разные стороны?

Мал остановился, лицо оживилось.

– Это – дело! А ещё? Да так, чтобы без коней. – Вновь пошёл ходить кругами, остановился. – А сделаем мы вот что! Две берёзы согнём до земли, привяжем к макушкам за руки да за ноги и разом берёзы те отпустим! Его на части-то и разорвёт! Где голова останется, там помучается недолго... И то хорошо. А части, – ещё раз присел, разведя руки, – так те уж не смогут соединиться, и Игоря не будет ходить по неведомой стране.

Древляне одобрительно загудели. Довольный Мал посмотрел по верхам, нашёл, что хотел, и махнул рукой в ту сторону: – Давай, братья, гни вон те две.

Часть древлянских воинов полезли по стволам к макушкам, привязали верёвки, сбросили концы и слезли. Потянули, склоня вершины, и, склонив, привязали обе вершины одной верёвкой за ствол у комля соседнего дерева.

Мал покрутился, посмотрел на тех, кто рядом. – А вы вяжите верёвки к рукам и ногам.

Древляне привязали к рукам и ногам Игоря верёвки, оставляя длинные концы.

– Не погань, князь, ни имени своего, ни рода-племени. Поберегись, Киев не простит такого злодейства.

Мал молчал, ходил, поглядывал на приготовление, останавливался, казалось, сомневался, но тут же встряхивал головой и снова продолжал ходить, поглядывая и шумно сопя.

Игоря подвели к склонённым вершинам, свалили на землю и привязали свободные концы верёвок к вершинам, растягивая тело. Мал крикнул:

– Ты готов, старый волк?

– Смерти никогда не боюсь!

Мал поднял руку и бросил вниз, будто отсёк что, следом вязко ударил топор, взлетели с вихрем вершины, пронзительный крик, протяжный стон... Тишина. Над Малом закружили золотые листья. Древлянские воины собрались в кучу позади него и мрачно уставились на содеянное. Мал поднял руки, закричал в небо:

– Эге-ге-ге-э-э!.. Ого-го-о-о!.. Знай, Перун, я верный раб твой на веки вечные! – Повернулся к воинам и распорядился: – На этом месте, где стою, выройте могилу по пояс, снимите с деревьев и в ней положите Игоря, рядом меч его. Накройте плащом и похороните, а над ним насыпьте

холмик. – Посмотрел на ладьи у брода. – Дружину придайте земле в поле от реки подальше. Как управитесь, по всем тризну справим.

Возбуждение покинуло Мала, он сел на бревно, его охватила дрожь. Гудиша поднял плащ, набросил князю на плечи, сел рядом.

– Племя Рюрика расплозлось по миру от Новгорода до Чернигова и Смоленска... И аж до Мурома! – Посмотрел на Мала. – Не простят они... Нам-то с Киевом не справиться.

Мал, соглашаясь, кивнул, сдвинул брови, наморщил нос и помотал склонённой головой. Гудиша увидел, что князь его понял, и прошептал:

– Пока есть время, надо посольство к Ольге отправить с богатыми дарами, да объяснить с нашей выгодой, как было всё.

Князь Мал решительно выпрямился.

– Поспешу в Искоростень, поговорю с боярами и старейшинами, волхвов призову. – Положил руку на плечо воеводе и встал. – А ты делай, что я велел.

Мал указал на тех древлян, кого возьмёт с собой, все сели на коней и поскакали к броду. Гудиша встал, подошёл к дружинникам, вздохнул и распорядился:

– Начинайте погребение, храбрые воины. Сделайте по обычаю и помните волю князя нашего.

Гонец сбросил оцепенение, сел на коня и свиду равнодушный направился шагом в сторону от брода. Отъехав, убедился, что на него никто не обращает внимания, и перевёл коня в галоп. Гудиша обернулся на топот и проводил всадника пустым взглядом.

3. Мстить, чтобы жить

По лесам и полям, окрашенным в цвета зрелой осени, переходя с шага на галоп, мчался гонец. Давал коню отдохнуть, и снова – в седло и вперёд. Щит – за спиной, шлем у луки седла, пика то – поперёк, то петлёй – за носок сапога, как у кочевника.

Выехал на дорогу. Позади – закатное солнце. В первой же деревне остановился на ночлег. Спать улёгся на сеновале, конь – под рукой. Утром вскочил на коня и помчался навстречу рассвету. По пути попадались странники, бабы с детьми, редкие телеги. Иной ходок, завидев вооружённого всадника, бежал с дороги в поле, оглядываясь... И вновь – за спиной закатное солнце, ночь на сеновале...

В полдень по Черниговской дороге на измученном коне гонец въехал на Подол. На Почайне, рукаве Днепра, шла разгрузка ладей Кочебора. Вереница людей и телег протянулась вверх, к воротам Киева. Гонец пристроился за дружинниками и въехал в город. У ворот

великокняжеского двора поговорил со стражником, стражник пропустил его во двор и дёрнул за верёвочку, уходящую в терем.

Гонец подвязал коня, здесь же сложил оружие, сел на лавку и обхватил голову руками. По лестнице спустился отрок из княжьей челяди. Подошёл к гонцу, они поговорили, и отрок вернулся в терем. Гонец вытянул ноги, запрокинул голову, прикрыл глаза.

Во двор вошёл Кочебор, бросил взгляд на гонца, прошёл, остановился, оглянулся, подумал. Решил не тревожить, пересёк двор, помахал кому-то в окне и поднялся по ступеням в терем.

В теремной палате у окна – девка из княжьей челяди. Вбежал Свенельд, подкрался к ней и обхватил тонкую талию.

– Позови княгиню, красавица, – прошептал на ушко и ладонью пониже спины побудил к исполнению.

Свенельд в нетерпении. Подошёл к окну, кивнул кому-то на дворе, опёрся о подоконник и долго смотрел вверх по Днепру. Быстрым шагом вошла Ольга.

– Неужто Игорь!

– Должно быть так, княгиня. Кочебора на дворе сейчас видел.

Вошёл Кочебор. Свенельд обнял его и подвёл к Ольге. Кочебор махнул рукой до пола.

– Княгиня ясная, рад видеть тебя в добром здравии!

Ольга улыбнулась.

– Мы тоже тебе рады... Где Игорь наш? – У входа появился отрок, встал у двери. Ольга заметила: – Тебе что?

– Гонец от древлян, княгиня.

– Пусть подождёт... Угости его и коня прими. – Отрок выбежал. Ольга повторила вопрос:

– Где Игорь? Говори же.

– Он в Искоростень вернулся, княгиня.

– Зачем он там, а ты здесь? – удивилась Ольга и заняла место рядом с треном.

– Позволь, княгиня, расскажу от начала. – Ольга кивнула. – По Ужу дошли мы до Норина. Здесь Великий Князь наказал мне идти в столицу, в Искоростень, а сам решил свернуть на Вручий. Когда я смутился, Игорь сказал так: «Наш Малой есть князь, ты тоже, хоть и изгой, и для меня оба равны, оба – слуги Киева. Но в этот раз Малой должен в тебе Киев видеть и почитать, потому как ты – посол Киева». – Кочебор сделал паузу. – Когда мы на обратном пути соединились, обнаружил Великий Князь, что Малой схитрил. Стало быть, Малого надо укорить и образумить, причём немедленно. Оттого сам Великий Князь пошёл в Искоростень, меня же с общим сбором отправил в Киев... Думаю, дней через семь Игорь будет с нами.

– А воинов с ним много? – проявила беспокойство Ольга.

– На трёх ладьях.

– Ладно, подождём... Вели гонца позвать.

Кочебор направился к двери, выглянул, вышел, послышался шлепок, за ним: «Не ковырай в носу, бездельник. Зови гонца», следом – удаляющийся топот. Кочебор вернулся.

Ольга обратилась к Свенельду:

– Князь Мал горяч бывает, верно? Кабы не быть беде.

– Горяч бывает, но благоразумен. Было, древляне отказывали в дружбе Олегу, потом Ингвару. А причина – дикость лесного народа. Теперь знают, быть младшим братом у Киева – честь любому князю.

Вошёл гонец. Он без оружия, в походной одежде, грубой, частью стёганой, чтобы смягчить удары под кольчугой. Склонил растрёпанную голову, сделал два шага и опустился на колено.

– Славься, Великая Княгиня!

Слова гонца встревожили Ольгу.

– Великий в Киеве – князь Игорь. Встань, подойди. Не похож ты одеждой на гонца.

– Гонец он, помню, – подтвердил Кочебор.

– С чем приехал ты от брата нашего, князя Мала? – спросила Ольга. – Встань, говори!

Гонец встал, посмотрел на Свенельда, Кочебора, на Ольгу и опустил взгляд.

– Я больше не гонец Мала, я бежал из его дружины. Приехал в Киев по воле князя Игоря, и по его же воле я – воин киевской дружины. Со мною слово Игоря и эта, – достаёт оберег, – дорогая тебе вещь.

Ольга вздрогнула и закрыла лицо руками. Свенельд принял оберег и передал Ольге, та открыла лицо, взяла и поднесла к губам.

– Князь Мал не друг Киеву! На сходе решили знатные древляне убить Игоря. Волхвы одобрили. Тогда поспешили устроить засаду у Искоростеня. Я оказался рядом в тот час, когда подошло войско древлян и началось избивание Игоревой дружины в ладьях и на берегу.

– Ингвар погиб в бою? – спросил Свенельд.

– Нет, князь Мал казнил его.

– Как он осмелился лишить жизни сына Рюрика!? – Кочебор подскочил к гонцу, ухватил за ворот, рванул, пытаясь свалить с ног.

– Как умер Игорь? – сухо спросила Ольга. Кочебор шумно выдохнул и отпустил гонца.

– Мал приказал две берёзы согнуть, конечности к ним привязать, потом берёзы отпустить. Приказал похоронить с мечом. Этого уж я не видел и незаметно в Киев ускакал... То место помню.

На лице Ольги – ужас. Свенельд сделал к ней шаг, но Ольга справилась с первым чувством.

– Благодарим тебя. Дадим имя в дружине новое, оно будет Претич, и оружие лучшее, и коня доброго, – распорядилась Ольга и попросила Кочебора: – Идите в дружину, передай волю Игоря и скажи, что Претич – наш верный друг.

– Всё сделаю, Великая Княгиня.

Кочебор положил руку на плечо гонца, тот вспомнил, что не всё сказал.

– Ещё я знаю!.. Там же одумался князь Мал, теперь хочет мира, пришлёт послов. Наперёд их я на два или на три дня прискакал. – Поднял руку. – Великая Княгиня! Ещё Игорь сказал: «Пуще глаз своих береги Великому Князю Святославу для славных дел».

– Что вспомнишь, Претич, приходи... Ступайте.

Кочебор с гонцом вышли, остались Ольга и Свенельд. Свенельд задумался: «От предков диких Мал недалеко ушёл... Но не известно нам, что сотворить ещё успеет... Как поторопить его пройти путь до могилы?» Ход его мыслей нарушила Ольга:

– Придумай, верный друг, как встретим мы посольство. Я выйду, буду скоро, приду, расскажешь.

Ольга вышла. Свенельд сел за стол и, подперев голову, задумался.

В палату вбежал варяжский дружинник. Свенельд, продолжая думать, вышел навстречу.

– Случилось что, Стегги?

– В дружине узнали о смерти Ингвара. Варяги в тревоге – как при юном Святославе да не будет им почёта? Кто у кормила власти встанет, пока юный князь не достигнет совершенных лет? – Стегги решительно добавил: – Свенельд! Варяги желают, чтобы ты просил руки у Ольги и стал владыкой временным, каким Олег был у Ингвара.

Свенельд близоруко прищурился.

– Им может быть только Рюрикович, и Олег приходился ему дядькой. Но если по вашей прихоти я стану владыкой, то вижу один исход – война с Рюриковичами и гибель моя и дружины всей. – И заключил: – Надо нам, не щадя жизни, княгине Ольге содействовать, тогда всё будет по-прежнему, а дальше – поглядим. Не допустить в Киев чужого князя, кто бы ни был он, и Святослава сохранить – вот главное! Ступай, Стегги, успокой варягов.

– Ты нам глаза открыл и пальцем показал. Всё явно здесь, как чёрное на белом.

Стегги вышел. Свенельд сел на прежнее место, задумался. Вернулась Ольга и села напротив. Лицо её осунулось, веки припухли.

– Придумал что?

– Киев не может оставить без мести подлость знатных древлян. Их замысел, всеми ими одобренный, сгубил Ингвара. – Ольга чуть заметно

кивала. – Есть у варягов обычай: знатных людей отправлять в царство тьмы на ладье. Послы, конечно, придут на ладье, но нам ладью ту не поднять. Тогда мы сделаем ладью лёгкую, чтобы можно было нести, а под днищем – колёсики. Нарядим её цветами и лентами. Попросим послов пересечь, чтобы на горы киевские поднять. Принесём да в яму сбросим и закопаем.

– Колёсики-то на что? – выдохнула Ольга.

– А тут уж... Как принесут ладью туда, где послам замириться и пировать будет обещано, то поставят её на стол перед прикрытой ямой. Тут же передние ножки у того стола выбьют, и ладья, как с горки, в яму съедет... Ну, дальше-то всё ясно.

Свенельд закончил, улыбнулся. Тишина... Ольга встала.

– Пусть будет так!

– Где яму выкопать, Великая Княгиня? – не показав удивления, спросил Свенельд.

– В теремном дворе, чтоб тайну сохранить, – ответила Ольга и добавила тише: – Думаю, то будет не последнее ко мне посольство... Приступай.

Как рассчитал гонец, прошло два дня, и в Киев прибыло посольство от древлян. В теремную палату вошли Свенельд и боярин в дорогих мехах. Свенельд вышел на центр, повернулся на пятках и громко позвал: – Ты где прячешься, красавица? – У боярина взлетели брови. Свенельд рассмеялся.

В палату вбежала девка из княжьей челяди. Свенельд указал на неё: – Вот она, красавица наша... Красавица, скажи княгине Ольге, что боярин, посол древлянский, просит явиться пред её очами. – Девка убежала. Свенельд начал ходить замысловатыми зигзагами по палате, бросая взгляды на посла. Боярин огладил бороду, поправил усы, откашлялся в кулак.

В торжественном наряде вошла Ольга. Боярин, потрясённый красотой и величием, низко поклонился, вывернув ладони навстречу.

– Княгиня Великого Киева! Быть тебе в веках самой прекрасной звездой, цветком благоуханным!

– Слышу, Свенельд, гости добрые пожаловали? – спросила Ольга с лёгкой наивностью.

Боярин опередил Свенельда и важно заявил о себе:

– Пожаловали, княгиня.

– Так говори ж, зачем.

– Мы, двадцать самых известных послов древлянских, пришли, чтобы повиниться в смерти мужа твоего, Игоря. – Боярин низко склонил голову.

– Ну что ж, винись, боярин.

– Затмила наши очи обида, что дань мы уплатили всю, а надо ещё, а взять уж негде. Игорь нас не послушал, стал забирать остатки. Тогда-то и нашлись людишки злые и убили они мужа твоего и нашего Великого Князя, – повинулся боярин и поспешил добавить: – Разбойники те найдены и уже наказаны.

– Никто не воскресит мне супруга, – печально пропела Ольга и смахнула слезу. – Ты повинулся, боярин. Что ещё сказать хочешь?

Боярин, сбросив тяжкий груз, расправил плечи.

– Знатен наш князь Мал, и удельных князей у него много, и все те князья хорошие, берегут они Древлянскую землю, цветёт она и благоденствует. – Откашлялся. – Просит тебя наш князь – он вдов – будь, княгиня, супругою его.

– Ах! Не ждала, – Ольга показала замешательство, – но мне приятна ваша речь. – И объявила, вселяя надежду: – Сегодня отложим, но завтра окажу послам древлянским всю положенную честь и ответ дам. А теперь возвращайтесь в ладью свою. Утром люди мои придут за вами, а вы скажите, что не хотите ни идти, ни ехать. Тогда они вам ладью подадут, а вы скажите им: «Так уж и быть, несите нас в ладье!»... А сейчас ступай, боярин, завтра мы встретимся здесь, на дворе моём теремном.

Боярин поклонился и довольный вышел. Ольга сжала локоть Свенельда:

– Мне страшно, Свенельд. Правильно ли я поступаю?

– Правильно, Великая Княгиня. А ты представь, что Малой станет твоим супругом. Что будет со Святославом, что с памятью Ингвара? Да хоть без супружества, а жить-то дальше как? Простить и утереться? – Предупредил: – Обычай заставляет наказывать, иначе не только дружина, весь народ от тебя отвернётся, дразнить и плевать в спину будут, и Святославу Великим Князем никогда не стать.

Настало утро следующего дня. У раскрытого окна на резной стульчик присела Ольга в чёрном одеянии. Слышно было, как по улице приближался весёлый народ, а затем под окном, во дворе, заиграли дудочки, зазвенели бубенцы, застучали бубны. Вошёл Свенельд, встал рядом с Ольгой, сказал негромко:

– Несут.

– Да. Народ кричит и песни поёт, – в тон ему ответила Ольга.

Свенельд обошёл Ольгу и встал сзади. Осторожно положил руку княгине на плечо и выглянул в окно.

– Встречай, княгиня! – с теремного двора прокричал, судя по голосу, тот боярин, древлянский посол, что был накануне вечером. – Ответа не последовало. Шум веселья стал тише. – Сваты уже во дворе твоём. – Ответа нет ни со двора, ни из терема. – Окажи честь друзьям князя Мала,

как вчера договаривались!.. А то как они да развернутся, люди они непростые, знатные и гордые...

Ольга и Свенельд продолжали смотреть на двор, не показывая себя в окне. Раздался стук по дереву. Ольга вздрогнула. По настилу затарахтели колёсики, следом ударил грохот разрушения: бу-ух! Со двора донеслись крики. Ольга поднялась со стульчика и подошла к окну. Внизу шум приумолк.

– Довольны ли вы такою честью?

– Не направляй на нас гнева княжеского! – крикнул боярин. – Гнев праведный, но растрачиваешь ты его понапрасну – мы не повинны в смерти Игоря, ибо князь Мал повинен!

Со двора долетали крики и удары... Ольга закрыла окно, подошла к трону и медленно села. Свенельд побледнел, отошёл от окна и прислонился к стене. Ольга напряжена, глаза закрыла, губы сжала, руками вцепились в подлокотники... Вошёл Кочебор, на княгиню глаз не поднял.

– Закопали, Великая Княгиня, землю уплотняют... Чисто, будто и не было.

– Ступай. Сегодня делай, что сам пожелаешь, до утра не позову.

Кочебор, пошатываясь, вышел. Свенельд оттолкнулся от стены, подошёл к трону.

– Надо гонца отправить к князю Малу.

– Настал мой черёд виниться? – эхом отозвался вопрос Ольги. Свенельд пояснил:

– Сказать, что ждём от древлян мужей более знаменитых, ибо народ киевский не отпустит свою княгиню без торжественного и многочисленного посольства.

Ольга посмотрела Свенельду в глаза, приподняла чуть подбородок и, отведя голову в сторону, прищурилась.

– Чувствую, ты наперёд много страшной мести задумал.

– Задумал, Великая Княгиня. И нет у Киева пути назад, пока стоит Искоростень.

– Отправляй сегодня же... Пойду к себе. Надо – позову. Ступай.

Свенельд покинул палату. Ольга встала, подошла к окну, кусая платок. Зарыдала беззвучно, затряслись плечи, послышался глухой, сдавленный крик... Успокоилась, с прерываниями вздохнула... Вошёл отрок. Спросил робко:

– Княгиня, к тебе Претич.

– Зови.

Вошёл Претич. Ольга жестом позволила говорить.

– Княгиня, хочу сказать тебе про Свенельда.

– Что ж ты можешь знать о нём? – удивилась Ольга. – Ну, говори.

Претич, собравшись с духом, начал:

– Князь Мал, зная, что Игорь умрёт, ему признался, почему засада удалась. Он того часа ждал давно, но Великий Князь не ходил в Искоростень. И в тот раз тоже не пошёл, выбрал Вручий. Тогда подсказано было Свенельдом, как заманить его в Искоростень.

– Откуда знаешь, и что ж они придумали?

– Я недалеко стоял и слышал. А придумано было так: дань Кочебору не давать, тем Игоря обидеть и вызвать гнев, чтоб сам вернулся.

– Но Свенельд с нами. Ему какая выгода? – удивилась Ольга.

– Там говорилось, вроде он потомок Дира.

– Мы знаем... Да, могла остаться у него в душе обида за предков. Но Свенельд мог не знать о коварстве князя Мала... Или мог обратного желать: чтоб Игорь наказал Мала. – Ольга привела мысли в порядок и сделала вывод: – Верю, что не придумал ты, и, сказав нам, поступил правильно. Но впредь молчи, и больше – никому! – Помолчала. – Не верю, что Свенельд враг мне и Святославу, что враг он Киеву... Ещё что скажешь? – Претич показал, что добавить нечего. – Тогда ступай.

Претич покинул терем, Ольга, опустив голову, направилась в свои палаты.

Прошло десять дней. От верхних застав пришло известие, что на ладье в Киев идёт второе посольство древлян. У раскрытого окна стоял Свенельд и смотрел на Днепр. Рядом на стульчике боком к окну – Ольга. Ей не интересно наблюдать за движением ладьи, она погружена в переживания. Молчание прервал Свенельд:

– Парус убрали, идут на вёслах... Тебе послов сегодня видеть не следует. На пристани их встречают мои люди.

– На этот раз не будет мести?

По лицу Свенельда пробежала тень.

– Мы для послов баню натопили. Там, на берегу, им скажут, что княгиня наказала так: «Вымывшись, придёте ко мне»...

– Всё-таки будет, – прошептала Ольга. Встала, спросила: – Что ты им на этот раз приготовил?

– Как начнут послы мыться, снаружи люди мои двери подопрут и баню подожгут. – Ольга промолчала. Свенельд развёл руки. – Вот и всё! – Поднял брови. – Или прикажешь послов принять?

Ольга отошла от окна и заняла княжеское место, Свенельд встал рядом.

– Нет... Что ты наперёд ещё задумал? – Как и прежде, Ольга говорила вполголоса.

– Пора нам идти навстречу древлянам. Сидеть долго в Киеве не получится. Надо наведаться на могилу Ингвара и сотворить тризну по нему и по его дружине.

– Там близко Искоростень, значит, встречи с древлянами не миновать.

– Опередить их надо. Пошлём гонца. Он скажет им твои слова: «Иду к вам. Приготовьте много мёда и ждите меня на том месте, где умер Великий Князь. Поплачу на его могиле и сотворю тризну по мужу моему».

– Пусть будет так... А дальше что?

– Мы отправимся налегке с небольшой дружиной. На могиле поплачем, насыплем холм, как подобает Великому Князю, и совершим тризну... Сделаем так, чтобы наши пили мало, а древляне много, чтоб захмелели к вечеру. А там мы должны будем их всех убить. – Помолчал. – Иначе они придут в Киев.

– Горестно мне, что ещё отцы и матери, жёны и дети не знают о доле тех мужей, что мы предали смерти. А здесь, в этом тереме, уже уготовлена участь для многих других.

– Древляне нас на этот путь поставили, и назад нам дороги нет. И так будет, пока жив Искоростень.

– Посылай гонца!

Ольга сняла головной убор, платок, распустила волосы.

– Подойди ко мне... Видишь, поседела я... – Свенельд подошёл, осмотрел локоны в руках Ольги, переместился за спинку трона. Взял другие локоны в руки, хотел поднести к лицу, на полпути прикрыл глаза... и опустил.

– Вчера увидела... Видишь, не везде, но много. Вот... и вот... и вот. – На глазах её слёзы. – Хочу, чтоб прекратилось это, и забыть навсегда. – Заплакала. – Хочу улыбаться, хочу со Святославом быть.

– Жалею и плачу за тебя, царица... Люблю и жалею, о себе не думаю. – Взволнованный Свенельд стал мерить палату широкими шагами. Взял себя в руки и решительно заявил:

– Пока Святослав малых лет, Великой Княгиней должна быть ты. Иначе не с этой стороны, так с другой и тебя, и всех нас сотрут.

Но в эту минуту важным для Ольги было иное. Отрешённо глядя в сторону, начала:

– Вот уж сколь ночей не могу спать в Киеве на костях мужей древлянских. Мерещится всякое. Надумала, – повернулась к Свенельду, – а ты распорядись: пусть начнут строить городок Ольгин на Днепре у перевоза, где застава наша. Через год должен быть готов детинец, в нём – терем мой и двор для сторожевой дружины. – Облегчённо вздохнула, будто уже исполнено. – Там, в Ольгином городке, со Святославом жить будем. – И закончила ласково: – Прощай, побуду до утра одна.

Свенельд низко поклонился и покинул палату. Спускаясь по лестнице, кусал губы и бил кулаком по перилам, заблестели глаза, он

быстро провёл по ним тыльной стороной ладони, толкнул дверь и вышел невозмутимый на теремной двор.

Конец лета следующего, 946-го года. Весной войско Киева разбило рать древлян и прошло по Деревской земле, принуждая мятежников к покорности. Киев в очередной раз примучил древлян к дани. В осаде остались Вручий у Кочебора и Искоростень у Ольги.

На высоком месте среди воинских шалашей, палаток и шатров – поляна, на ней великокняжеский шатёр. Рядом на высоком древке колышется стяг Святослава с соколом. Здесь же – дружинники-варяги и среди них Стегги, Хенрик и Олле. Выглядят не так свежо, как осенью прошлого года: у одного нет передних зубов, у другого розовый шрам на лице, у третьего кисть руки забинтована.

С этой поляны хорошо видны бревенчатые стены и башни Искоростеня. На них поглядывала Ольга, делая несколько шагов, останавливаясь, разворачиваясь и повторяя вновь. Из шатра, отбросив полог, вышел Свенельд. За ним выскочил воин и, не задерживаясь, помчался исполнять поручение. Воевода вдогон крикнул: – Ещё передай боярам, чтоб готовили зимнюю одежду для войска.

Сделав очередной поворот, Ольга подошла к Свенельду.

– Все города Древлянской земли – Вручий не в счёт, думаю, он скоро падёт – все склонили головы перед Киевом. Когда же эти одумаются? – спросила она.

– Боятся, что пощады не будет. Так всегда бывает. Вот наступят холода, а у них из нового урожая ничего-то и нет. Съедят лебеду, собак да кошек, сами ворота откроют.

К шатру на спотыкающемся коне подъехал всадник, сполз, подошёл, пошатываясь.

– Княгиня! Покорился тебе Вручий!.. Кочебор добычу и пленников готов отправить в Киев... Ждёт, что скажешь ты.

– Пусть отправляет две части в Киев и одну – в Ольгин городок. Ещё скажи, пусть грузит на телеги съестное, корм всякий, и идёт к нам с войском. – Ольга посмотрела на Свенельда, тот кивнул, одобряя, и добавил:

– Прикажи, княгиня, направить две сотни рабов под Искоростень.

– И это скажешь, а с рассветом – в путь! – Ольга отпустила посланника и крикнула дружинникам у стяга: – Дать гонцу с конём отдых до вторых петухов и товарища в дорогу!

Стегги выбрал из своего окружения воина и направил к гонцу. Воин подставил своё плечо, взял у гонца уздечку и повёл к палаткам. Ольга проводила их взглядом и решительно распорядилась:

– И нам надо, не откладывая, в Искоростень гонца отправить.

– Стегги! – подозвал Свенельд опытного варяга, тот подбежал. – Быть тебе посланником княгини в Искоростень. Слушай и запоминай... Говори, княгиня, что хочешь сказать древлянам.

– Спроси, Стегги, на что надеются, что ждут они. Скажи, что своим упорством они ничего не добьются. Все города древлянские сдались мне и согласились платить дань. Уже мирно возделывают их люди свои нивы и земли. А Искоростень отказывается платить дань. Он, спроси, что готов умереть с голода? – Ольга сверилась взглядом со Свенельдом: – Гонец это передаст, а мы подождём, что они скажут.

Свенельд добавил к посланию:

– Скажешь, узнали мы сегодня, что последним Вручий ворота нам открыл – один остался Искоростень. Скажи, мы ждём послов от них. Оружие оставь, садись на коня и поезжай к воротам. – Свенельд достал лёгкую белую ленту три локтя в длину, пядь в ширину. – Вот тебе знак посланника. Как останется до стен на полёт стрелы, поднимешь его и не опускай. Подъедешь к воротам, помашешь и крикнешь «Посланник Великой Княгини!». Немедля возвращайся с ответом. Гони!

– Всё помню, всё передам, княгиня.

Стегги отошёл к другим варягам, снял оружие и побежал к коновязи, сел на коня и поскакал к воротам Искоростеня.

– Как должны мы поступить с Искоростенем, когда ворота нам откроют? – спросила Ольга.

– Сжечь, сравнять с землёй и повелеть впредь никому не селиться на его месте. Все жители станут нашими пленниками и рабами, – сурово ответил воевода и закончил спокойно: – Так поступил бы всякий на твоём месте.

– О народе деревском скорблю, – с печалью промолвила Ольга и встрепенулась: – Где наш Великий Князь, где Святослав мой?

– Он с Асмудом по стану ходит. Ему нравится быть с воинами. Любит простую пищу, сказки, песни. Они ему игрушки делают: где дудочку, где лук со стрелами. Учат силки ставить, потом добычу жарят. Схватки разыгрывают, берут к себе в седло и скачут.

– Подрос он, загорел. Просит серьгу в ухе. Говорит, хочу, как у Свенельда. – Дотронулась до его рукава. – Он любит тебя. Слов ваших знает много и имена богов.

– По крови Святослав – викинг, сын нашего народа русь. Пойдём, поищем Великого Князя, скучаю что-то.

Варяги у шатра оживились. Заговорили на родном языке:

– Дожить бы нам с тобою, брат Олле, до тех дней, когда Святослав возьмёт нас с собою в поход.

– И на привале рассказать ему, каким он славным парнем был... А помнишь, Хенрик, как начинал он первое сражение с войском древлян?

– Да-а-а! Выстроились две рати одна против другой, и не скажешь, за кем победа будет, и кому благоволит Господь.

– А когда почти сошлись и стали бранными словами ругаться, Святослав, быв в одном седле с Асмудом, из рук его копьё принял и бросил в древлян. Оно и пролетело-то всего между ушей коня и упало к его ногам...

– И воскликнули тогда воевода Свенельд и храбрый Асмуд: «Князь уже начал, последуем, дружина, за князем».

– У-у-у! Как взревело наше войско, и робость отступила пред презрением смерти. Никогда не забуду тот час, мой брат Хенрик!

– У меня мурашки побежали по телу, а как пустил коня, так все они пропали.

– Ты спас меня в тот день. Помнишь, Хенрик, я потерял коня, его копьё пронзило. Их пеших было трое, я только отбиваться успевал. Тут подскочил ты и с той хитростью, какой учил нас Стегги побеждать неискусных деревенщин, отсёк ноги первому, махнув мечом под его щитом, затем второму. А третьему я сам!

– Брат Олле, знаю, и ты в беде не оставишь. В единстве наша сила!

К поляне подскакал Стегги, посланник в Искоростень:

– Послы идут! Зовите Ольгу! – Хенрик побежал искать Ольгу. Стегги спешился, передал коня коноводу и надел оружие.

На поляну вышли безоружные бояре древлянские. Встали спиной к спине, озираясь. Появилась Ольга, за ней – Свенельд. Ольга без предисловий обратилась к древлянам:

– Что скажете, древляне? Не тяните, обойдёмся без пустых, ненужных слов.

– Здравствуй, княгиня! Мы бы рады платить дань Киеву, но ты же хочешь мстить за мужа, – начал старший боярин.

– Когда вы приходили в Киев, я отомстила за убийство мужа дважды. Третий раз, – когда сотворила по Игорю тризну. – Ольга оглядела каждого. – Теперь не хочу мстить, хочу мира и подчинения. А после уйду прочь, не буду вам мешать править в Древлянской земле.

– Что хочешь ты от нас? Мы рады дать и мёд, и меха, – боярин заметно повеселел.

– Вы изнемогли в осаде, потому не стану возлагать на вас тяжкую дань. Знаю, что нет у вас лишних ни мёду, ни мехов, но... дабы сохранить обычай, немного попрошу... дайте мне от каждого двора по три голубя да по три воробья. – Ольга ещё раз оглядела всех и каждого. – Если вы согласны, то возвращайтесь в город и соберите дань.

Древляне засуетились. Скрыть радости не могли, а при таком исходе и не хотели. Бояре пошли к себе, вдруг Ольга вспомнила:

– Постойте! Где князь ваш Мал?

Боярин повернулся и с застывшей печатью радости на лице ответил:

– Он давно бежал либо к литвинам, либо к германцам. И там, и там есть его корни. И имя его среди них Мальдитт.

Ольга показала жестом, что древляне могут удалиться. Древляне покинули поляну. Свенельд подошёл к Ольге:

– В чём твоя хитрость, княгиня? Есть ли в ней наказание за непокорность? Без наказания нельзя, доброту твою завтра же забудут.

– Есть, Свенельд! – Свенельд приготовился слушать. – Как принесут, раздашь птиц воинам и прикажешь привязать ниткой к каждой птахе трут и завернуть его в небольшой платочек. А как стемнеет, прикажешь трут поджечь и пустить птиц на волю. – Перевела взгляд на город. – Голуби принесут огонь в голубятни, а воробьи – под стрехи. И всё загорится: голубятни, клетки, сараи и сеновалы... – Свенельд прервал Ольгу и продолжил:

– И не будет двора без пожара, а потому не погасить, и сгорит весь Искоростень. Побегут люди из города, а воины твои будут их хватать. Городских старейшин заберём в плен, прочих людей, кто меч поднимет, убьём, иных отдадим в рабство войску и Киеву. Остальных оставим трудиться на земле Древлянской и платить тебе дань.

Стояли рядом, смотрели на город. Ольга прикоснулась к плечу Свенельда.

– Эта месть не так сильно угнетает меня – меньше в ней крови.

– Почитаю тебя, княгиня, не так за красоту, сколь за мудрость твою, – признался Свенельд. Ольга отвернулась от мрачного города и подошла к шатру, Свенельд откинул полог, Ольга вошла, следом – Свенельд.

Солнце прикоснулось к горизонту, но не удержалось и скатилось за землю. Краснобокие облака остановились. Ниоткуда появился туман и заполнил низины. В стане Ольги замерцали огоньки костров. В сумеречное небо потянулись струйки дыма. Как повелось с начала осады, наступало время тишины. Однако среди киевских воинов росла тревога – из-за стен Искоростеня доносились признаки оживления, шум и крики.

К шатру подбежал Стегги, позвал:

– Княгиня, воины обеспокоены.

Вышел Свенельд и, придерживав полог, помог выйти Ольге.

– Что случилось, Стегги? – спросила Ольга.

– Великая Княгиня, шум стоит за стенами. Воины твои обеспокоены, не готовится ли врагом ночная вылазка?

– То древляне спешат дань собрать. Скажи воинам, тот шум нам не опасен, что скоро мы снимем осаду.

Стегги удалился. Свенельд напомнил Ольге о разговоре в шатре:

– Ты говорила о кумирах, помнишь?

– Да, – вздохнула Ольга. – Кумирам нашей веры много жертв я принесла, одна и со старцами. Так много, что горы киевские напитались кровью. Но наши боги не успокоили мою душу, они кричат, я слышу: «Дай мне! И мне!» – Заговорила с надрывом. – Извелась я. Они не кажутся мне добрыми, боюсь их.

Свенельд слушал и, соглашаясь, кивал. Он давно готов был подсказать ей, где следует искать выход.

– В варяжской дружине есть христиане. Ходят они к Богу в церковь Святого Ильи, что на Подоле, на берегу Почайны. Аскольд и Дир построили её. Бывал я там... Скажу тебе, что те варяги мне по душе. Коварства в них меньше и злобы, а честности и доброты больше.

– Ту церковь знаю. Прошлым летом в ней наши варяги-христиане присягали на верность договору с царями Греческими. – Ольга приблизилась к Свенельду, прошептала: – Друг мой, прими веру христианскую, потом мне расскажешь, чем отличается она от нашей.

– Если вдруг приму христианство, варяги отнесутся к этому спокойно. А славянская дружина не одобрит. Вот почему, княгиня, мне, воеводе киевскому, надо оставаться с ними в одной вере. И тебе тоже, пока Святослав мал. А в чём разница веры я тебе и так расскажу. Вот слушай...

К шатру подошли, запыхавшись, бояре древлянские.

– Княгиня! – Боярин показал назад. – Там в корзинах, в клетках да в тусках вся дань, что ты просила.

– Вот вы и покорились мне и Великому Князю!.. Завтра отступлю от Искоростеня и вернусь в Киев. Ступайте к себе, древляне.

Древляне поклонились в пояс и поспешили в Искоростень.

– Так что ты сказать хотел о христианской вере? – напомнила Ольга.

– Это вера в Единого Бога. Он создал мир и нас... О том, что он есть, поведал нам Иисус, его сын и посланник... Богу нужно только одно, чтобы люди жили праведно, не грешили и любили друг друга. И как кто проживёт земную жизнь, так тому в Царстве Небесном воздастся... А главное – у человека есть душа. Бог слышит её и, если она страдает, он поможет спасти её.

– Страдает душа моя!

– Пока Святослав мал, христианство не принимай. Есть много в Киеве людей, кто не понимает веры христианской. Они скажут, Ольга стала юродивой, не станем её слушать.

– Не выдержу я!

– Знаком я с настоятелем той церкви. Мы вместе тайно посетим его, и он тебя исповедует. Без крещения можно. Ты наедине с ним и только ему

одному расскажешь, от чего душа страдает, кому ты страдания принесла, а кто тебе, кого обманула, кого не простила. Он скажет добрые слова, помолится за тебя, и твоя душа начнёт успокаиваться. Потом ещё тайно сходим.

– Ох, быстрее бы!

– Стемнело. Пойду, расставлю войска в засадах у всех ворот и ниже по Ужу. Скажу, когда поджигать и птиц пускать. А ты, княгиня, плохое забудь и постарайся уснуть.

Ольга ушла в шатёр. Свенельд подозвал Стегги и его варягов. Встав в круг, они обсудили замысел, сели на коней и, разделившись на две группы, отправились в противоположные стороны объезжать войска.

Эпилог

Летняя ночь опустилась на Днепр и горы киевские. В Печерском монастыре смолкли службы, прекратились работы, под своды проникла нежная прохлада и умиротворяющая тишина. В одной келье горела свеча – это над составлением повестей временных лет трудился монах Нестор. Он ничем не отличался от своих собратьев, переступивших его годы: он также скромн, сед и худ, на нём такое же чёрное одеяние и клобук.

В крошечной келье – узкое окно, на стене икона, топчан, стол шириной в локоть, рядом небольшая кафедра, полки, на них книги и свитки. На столе – книга. И на полу книги, некоторые раскрыты на закладках, но все аккуратно сложены. В отдельной кучке – сломанные перья. Старец глубоко вздохнул, он неторопливо перечитывал черновик своих повестей:

– ...И пошла Ольга с сыном своим и с дружиной по Древлянской земле, устанавливая дани и налоги; и сохранились места её стоянок и места охоты. И пришла в город свой Киев с сыном своим Святославом, и пробыла здесь год.

Нестор оторвал взгляд от страницы: – Всё мною записано верно, так оно и было.

Нестор встал, походил по келье, полистал книги с закладками, прокрутил свитки. Сел и, глубоко вздыхая, продолжил перечитывать черновик: – В год 6455-й от сотворения мира или 947-й от Рождества Христова отправилась Ольга к Новгороду и установила по Мсте погосты и дани... и по Луге – оброки и дани. И ловища её сохранились по всей земле, и есть свидетельства о ней, и места её и погосты. А сани её стоят во Пскове и поньне.

Нестор почесал бровь и решил дописать, взял перо и продиктовал себе: – И по Днепру есть места её для ловли птиц, и по Десне, и сохранилось село её Ольжичи до сих пор.

Нестор отложил перо и продолжил чтение: – И так, установив всё, возвратилась к сыну своему в Киев, и там пребывала с ним в любви.

Поморщившись, выпрямился и прокомментировал: – Всё записано верно, так оно есть и было.

Нестор встал, перенёс черновик летописи и чернильницу на кафедру и, потоптавшись, за ней пристроился.

– О-хо-хо-хо... сколь тяжкий труд... Однако в следующие восемь лет я не ведаю, что было, следов мною не найдено. – Продолжил чтение: – В год 6463-й от сотворения мира или 955-й от Рождества Христова отправилась Ольга в Греческую землю и пришла к Царьграду. И был тогда царь Константин, сын Льва, и пришла к нему Ольга. – Нестор закрыл глаза и прочитал по памяти: – И, увидев, что она очень красива лицом и разумна, подивился царь её разуму, беседея с нею, и сказал ей: «Достойна ты царствовать с нами в столице нашей».

Открыл глаза и продолжил чтение: – Она же, поразмыслив, ответила царю: «Я язычница; если хочешь крестить меня, то крести меня сам – иначе не крещусь». И крестил её царь с патриархом.

Остановился, подумал, взял перо и продиктовал себе: – Просветившись же, она радовалась душой и телом.

Отложил перо и продолжил чтение: – И наставил её патриарх в вере, и сказал ей: «Благословенна ты в жёнах русских, так как возлюбила свет и оставила тьму. Благословят тебя сыны русские до последних поколений внуков твоих»...

Подумал и дописал: – Она же, склонив голову, стояла, внимая учению, как губка напояемая.

Продолжил чтение: – И было наречено ей в крещении имя Елена, как и древней царице – матери Константина Великого. И благословил её патриарх, и отпустил. После крещения призвал её царь и сказал ей: «Хочу взять тебя в жёны». Она же ответила: «Как ты хочешь взять меня, когда сам крестил меня и назвал дочерью? И сказал ей царь: «Перехитрила ты меня, Ольга». И дал ей многочисленные дары – золото, и серебро, и паволоки, и сосуды различные.

Дописал: – И отпустил её, назвав своею дочерью. Подытожил: – И здесь записано мною всё верно. Завтра можно переписать в летопись начисто. – Глубоко зевнул. – Давно уж спа-а-ать пора-а-а.

Встал, вытер перо, наклонился и, кряхтя, собрал мусор. Подошёл к иконе, перекрестился, шёпотом прочитал молитву, поклонился, перекрестился, ещё раз поклонился. Снял клобук и рясу, налил в чашу воду, вымыл лицо и руки, вытерся и погасил свечу. Открыл окно, лёг на топчан, вытянулся, положил руки вдоль тела и протяжно зевнул.

– А завтра поутру перепишем эти повести минувших лет в первоначальную летопись мою и продолжим собирать.

ШЕЛЕСТ ЗНАМЁН

(Военно-историческая повесть)

В год 180-летия со дня Бородинской битвы познакомился с записками майора Левенштерна, с его подвигом, который история приписала другому человеку. К 200-летию решил написать об этом, но получилось не о бароне, а о солдатах. Думаю, что правильно.

1. Поле

*«Может, завтра в чистом поле нас на ружьях понесут,
И в могилу нас зароят, память вечную споют...»*

На лужайке у обочины Новой Смоленской дороги, у распахнутой настезь палатки расположилась под охраной донских казаков группа офицеров. К ней приближалась, пыля сапогами, очередная колонна русской пехоты, утомлённая монотонным движением под лучами полуденного солнца. Выждав, пока пройдет головная рота, за ней в сопровождении охраны знаменщики с зачехленным стягом, от группы отделился старший и обратился к офицеру, мерно покачивающемуся на понуро шагавшей лошадке:

– Господин подполковник! Прошу вас к нам в палатку: мне поручено довести указание по уточнению маршрута. Назовите ваш полк, подчинение и ваше имя, пожалуйста.

Подполковник свернул на обочину, спрыгнул с лошади, отдал честь и ответил:

– 39-й Томский пехотный 24-й дивизии генерала Лихачёва 6-го корпуса генерала Дохтурова. Командир полка подполковник Попов, – затем спросил: – Господин полковник, не будете возражать против присутствия моего адъютанта?

Полковник кивнул, занятый занесением данных в журнал. Попов вошёл в палатку, в её благодатную тень, за ним – полковой адъютант, молодой, неунывающий поручик Свиридов. Полковник, закончив писать, бросил журнал на стол и обратился к офицерам:

– Господа, пожалуйста, если желаете, – вода родниковая. Будьте осторожны: зубы ломит... Прошу к карте... Мы здесь... впереди – мост через речушку Война, приток Колочи, далее – мост через Колочь. За ним пройдёте две версты, свернёте направо и должны достигнуть вот этого поля, что с трех сторон охватывает роща. Там будут другие полки вашей дивизии, думаю, встретят, всё покажут. Готов ответить на ваши вопросы.

Командир полка спросил адъютанта, имеет ли он вопросы, и, не задерживая, отправил вперед, чтоб найти то место, встретить колонну и быть проводником на проверенном пути. Затем, не удержавшись, задал вопрос:

– Нас ожидает генеральное сражение?

– Да, если не произойдёт ничего чрезвычайного. Место выгодное. Колодь протекает с юго-запада на северо-восток от Старой Смоленской дороги до Новой. Имеет высокие берега. Наш господствует. Местность изрезанная, за левым флангом лесная, заболоченная, для обороны удобная: обходы затруднены. Наполеон идёт следом по обеим дорогам и находится в двух днях пути. Лучшего рубежа для обороны не найти, и войск для её построения на этом пространстве достаточно...

Ближе к вечеру полк, не сделав за день ни одного привала, голодный, измученный прибыл на место, и его батальоны разошлись по участкам, назначенным для обустройства лагерей. Батальонов в полку было два: 1-й и 3-й, а 2-й, запасной, остался на Волыни. Солдаты-сибиряки сложили ранцы в ряды, составили ружья в «кóзлы» и, смеясь и толкаясь, оживились, разминая плечи и шеи. Напились воды и дружно, зная каждый свою роль, разобрали с телег палатки, лопаты и колья, фашины, котлы и связки поленьев, оставшиеся с последнего бивуака. Работа привычная: собрать дров, натаскать воды, выкопать и огородить отхожее место, поставить палатки караулу, господам офицерам и унтер-офицерам. И в последнюю очередь – для нижних чинов, т.е. для себя: спешить им некуда. Обоз откатили к опушке, лошадей стреножили и выпустили на травку.

Лагерь Томского полка закрывал вход в протяженную бухту, таким можно было представить то поле в окружении белоствольных берез. В этой заводи уже приступили к разбивке лагерей другие полки той дивизии: Уфимский, Ширванский и Бутырский. С их стороны ветерок доносил сольное пение, брэнчание балалайки и дымок, возбуждающий аппетит.

Офицеры, назначив команды и работы, отправив больных в лазарет, а своих денщиков с лошадьми к берёзкам за овражком, собрались в кучки вблизи караулов у зачехлённых знамён и закурили трубочки. Тёмно-русый, невысокий, с длинным носом поручик, вытирая платком изнутри кивер, откашлявшись в перчатку и поправив усы, высказал предположение:

– Кажется мне, это наш последний бивуак.

– Типун тебе на язык, Пётр Константинович. Почему ж это? Я люблю привалы, – играя взглядом, весело возразил высокий кудрявый блондин.

– Владислав! Я хотел сказать, что будет сражение, что «заманивание», наконец, закончилось. Считаю, от Смоленска идём без серьёзного дела. Триста вёрст за три недели!

– А вот так-то лучше, мой друг! И дело будет, и за победу шампанского выпьем на следующем бивуаке. А так, как ты перед этим изволил сказать, а сказал с грустью, то так нельзя, так не годится, – и, обращаясь ко всем своим товарищам, добавил: – Смотрите, господа, солдаты наши тоже повеселели, будто и не было жаркого дня на ногах. Они чувствуют, от них не скроешь... Видели, наш батальонный ускакал к полковому командиру? Думаю, принесёт долгожданную весть.

Капитан, он уже не молод, вдовец и дочь невеста, набивал табачком тёмную трубочку из вишнёвого корня. Посматривая с отеческой любовью на своих товарищей, решил поделиться услышанным:

– Поручик Свиридов сказывал, теперь я вам. Был он здесь часа за два до нас и на обратном пути проехал по предполагаемой позиции нашей армии на правом фланге. За этой рошей видите, в просветах макушка видна – то высота. Возможно, она будет центром. За ней от Старой Смоленской дороги до Новой протекает речка Колоочь. Наша сторона выше той, что оставляется неприятелю, – и, не имея другого, чем можно ещё поделиться по поводу рельефа, добавил: – Весь наш корпус здесь, а егеря – в поле и на той стороне стерегут неприятеля. Несколько вперёд то, кажется, Раевский. А там слева, вон те и те, то – Паскевич, где табуны, то – Оренбургский драгунский.

К офицерам подъехал на рыжей кобыле кругленький офицер, их батальонный командир майор Крутых:

– Господа, кто дежурный офицер? Вы, подпоручик? Палатка для караула и знамени давно готова, а вы здесь отдыхаете. Делаю вам замечание! Прошу всем быть в моём царском шатре через десять минут.

Офицеры проводили его взглядом до палатки, которую он в шутку назвал шатром. Капитан, Фёдор Кузьмич, обращаясь больше к себе, негромко высказался с нотками сочувствия:

– Плохо ему в седле... Хороший командир, но ему всё труднее: возраст, полнота. А дело знает превосходно! Жаль, карьера не удалась, как, например, у некоего столичного хлыща. Переведут такого из гвардии в пехоту со всеми пороками и связями... Так наказывают не его, а нас. И солдат страдает... Господа, палатку нам поставили: идёмте, смоем дорожную пыль.

В палатке батальонного командира уютно: в центре стол, лампа, вокруг стульчики, вдоль одного края скамья, вдоль другого кровать, скрытая пологом. Вся мебель походная, а потому лёгкая, разборная. Офицеры расселись, и майор Крутых начал:

– Господа офицеры, совещание проходило не у подполковника Попова, а у нашего дивизионного начальника генерала Лихачёва. Но с Иваном Ивановичем мы успели поговорить по дороге и немного в штабе.

Друзья мои, мы прибыли на местность, где главнокомандующий намерен дать генеральное сражение. Неприятель давно его жаждет, он на подходе, послезавтра будет здесь. Уже были стычки казаков с разездами Мюрата. Как утвердят диспозицию, выйдем в поле знакомиться и учиться действовать... О строительстве нами своих фортификационных укреплений не говорилось: выходит, мы – резерв...

Закончив обсуждение бытовых и иных дел, майор Крутых предложил офицерам высказаться. Выждав полминуты и глядя на усталые лица, продолжил:

– Господа, доведите до унтер-офицеров главное. Затем примите в роты солдат пополнения, их по пять-шесть будет. Прикрепите каждого к «дядькам», опытным, чтобы те успели новобранцам передать главное. Лучше назначьте тех, кто с Суворовым в походы ходил, например, из той гренадерской роты, что к нам присоединили в Галиции, таких, как Артём Прохоров: он Измаил брал и наш земляк... Что?.. – майор повернулся к юному подпоручику. – Да, да! Вы правы, Александр Семёнович: это первое пополнение... Господа, вопросов нет?.. Коли нет у вас, есть у меня...

Майор Крутых выдержал паузу, сдвинул брови и обратился к белокурому офицеру:

– Господин поручик, при нижних чинах, пожалуйста, без брани. Для солдата отец родной и свой мужик – вещи разные. Вы уж впредь постарайтесь... – но, заметив, как склонённое лицо поручика стало наливаться пунцовой краской, посчитал нужным успокоить, смягчил тон и выражение на лице: – Ну-ну, Владислав Аркадьевич! Не переживайте сверх меры: все мы грешны, все были молоды, всё проходит, и это пройдет.

Покончив с регламентом, батальонный командир оживился и на мажорной ноте объявил:

– Господа, через час жду вас всех на чай! Будет и ром! Свободны, друзья мои!

Красавец! Видно, что гренадер! Высок, широк в плечах, на груди солдатский Георгий и медаль за Измаил. Глаза весёлые, усы и бакенбарды пышные, голова по кругу острижена, а волосы и там, и там чёрные с яркой проседью, да вот только неровный, грубый шрам на щеке. На голове новая нестроевая мягкая фуражка без козырька, мундир справный зелёный с красными отворотами и – особый шик – белые штаны, заправленные в короткие сапоги, с напуском накрывают голенища. Это и есть Артём Прохоров – назначенный дяденька для одного из молодых солдат пополнения. Когда старый с молодым отошли в сторону, Артём повернулся к новобранцу, жилистому, тоже «под горшок» стриженному

безусому крестьянскому парню. Помолчал, осматривая и как бы примериваясь, затем протянул большую, мягкую ладонь:

– Здорово, земляк. Откуда и чей будешь?

– Иван – Лазуткина Василия из Марьяновки сын младший.

– Вишь ты! А я из Панино! Это ж рядом, за речкой! И кому приветы?

– Захарову Игнату, Прохорову Артёму, Кирюхину Егору, Радюшину Павлу. Вроде, всё. И подарки привёз.

– Эхма, время-то бежит! Игнат, мы с ним в гренадерах были, остался убитым в Швейцарии. Павел нашего полка, Томского – под Смоленском. Егор здесь, после навестим. А от кого Прохорову? Артём – это я.

– Вот хорошо-то! Здравствуйте, дядя Артём.

– Да уж здоровались мы, сынок, – вздохнул Артём, но сам решил, что так будет лучше, и обнял парня.

– Приветы и подарки от старшего брата вашего Дмитрия и от тётки моей Пелагеи, до венчания Худякова была. От неё кисет, – и парень закружился на месте, ворочая плечами, чтоб снять ранец с притороченной к нему шинелью.

– Давно в солдаты забрали? – Артём отбросил с лица набежавшую тень, достал из штанов зелёное яблочко, обтёр и протянул парню: – На, поешь антоновского. Поди, и не пробовал после дома-то.

– На Красную горку и забрали, как отгуляли, так сразу. И пошли ножки наши по лесам, через горы каменные. Во Владимире отдохнули, получилось нас в рекрутской партии две роты, и пошли заново. Кругом уж не то: леса попадались, а так всё – поля да овраги. Велика Россия! Так и дошли до Можайска, там одели в солдатское, ружья дали, месяц поучили немного...

– Ну, ладно, после поговорим, – прервал Артём и дружелюбно продолжил: – Пока сам настоящим солдатом не станешь, так и зови меня: дядя Артём. Это не по-родственному, а из-за того, что назначен. Все мы солдаты: не зови «вы», а зови по-нашему, по-товарищески. А на войне солдатом быть враз научишься... Прикинь, Ванюшка, отстоим поле, и ты с французом посчитаешься, да хоть с одним, и товарища в бою не бросишь, а меня вдруг убьют – зачем тебе новый дядька? Сам будешь русский солдат, других учить сможешь!

– Не надо, дядя Артём! Только встретились.

– Фу ты, дурашка, я ж придумал... А как рыбалка дома? Ладно, ещё расскажешь... Ставь в эти «кОзлы» ружье, бескозырку достань... мы так новую фуражную шапку называли, а кивер и ранец здесь положи, рядом с моими. Нет, погодь: ружьё не ставь, понадобится. Заряжено?

– Нет, не заряжено: на марше не было велено...

– Зарядить надо, чтоб готовым быть всегда. Рассказывай, как заряжать будешь.

– Сейчас... Заряжать буду так: возьму ружьё на левую руку, отворю полку, достану патрон из сумки... С конца, где без пули, скушу бумагу, высыплю малость пороху на полку и прикрою. Поставлю ружьё у ноги и ссыплю порох в дуло, вложу пулю с той бумагой, выну шомпол и загоню пулю до самого низу. Нажимать сильно и стучать не буду. Уберу шомпол. Готово!

– Эхма, парень, шомпол-то надо наперёд сделать вниз тем концом, что вытаскивал, а потом можно и пулю загонять!.. Ну, не ершись. Понял я, что ты просто сказать подзабыл. Ну, давай, заряжай свою палочку-выручалочку, а я покурю да посмотрю.

Иван, шепча, приступил к заряданию, по сроку закончил и произнёс громко: «Готово!». Артём довольный похлопал малого по плечу, слезил в свой ранец, достал железную коробочку, из неё жирную заржавленную тряпочку. Заговорщицки подмигнул, смазал ею Иваново ружьё и велел поставить рядом со своим в «кóзлы», вытер пальцы о сапоги:

– Молодец! Теперь у тебя палочка-стукалочка! Ну, присядем. Мы с тобой не работаем, у нас поважнее дело: стану я тебе солдатскую науку боя рассказывать. У господ своя, а у нас, брат, своя. Суворов, царство ему небесное, сильно знал её люблю!

Офицеры в назначенный час собрались у палатки батальонного командира, дождались дежурного офицера и весёлой гурьбой, прокричав снаружи: «Разрешите, ваше превосходительство!» – указав тем обращением на настроение и своё отношение к командиру, откинули полог и, гремя шпагами и шпорами, вошли в палатку.

Командир, полнеющий, с животиком, невысокий мужчина, радушно встретил их:

– Приветствую, господа! Располагайтесь... шпаги – сюда. Фёдор нам все приготовил: хозяином буду. Чаёк попозже, а сейчас угощу вас... Имею ром чудесный, колониальный. Когда с французами после Гильзита замирились, а с австрийцами приказано было поссориться, достал по случаю ящик. Хорошо, тогда крови союзников бывших не пролили. Сейчас проливать приходится! Вся Европа с ним. А вот турок и шведов вовремя умирили, иначе... – так занимал гостей хозяин палатки, пока те рассаживались, разбирались с приборами и закусками и, наконец, когда увидел, что взоры всех обращены к нему, объявил тост: – Господа! Чтобы выстояли! За победу! За русского солдата!

– Господин майор! Позвольте участвовать: тост прекрасный! – детским прерывающимся голосом попросил подпоручик, сегодняшний дежурный офицер. А у него и усов-то нет, так, пушок!

– Ох, незадача: вам-то, Александр Семёнович, нельзя. Ладно, беру на себя. Но только один раз, а после с чаем насладитесь. Добавлю к тосту по случаю приостановки: и за здоровье Государя нашего!

Изрядно уставшие офицеры, не скрывая удовольствия, опрокинули стопки со спрятанным в их глубине жаром неведомого Карибского моря, присели, закусили.

Минут через пять командир, желая оживить беседу, лукаво улыбаясь, обратился ко всем, а следом к кудрявому блондину, любителю крепких слов:

– Друзья мои, забудем на вечер субординацию... Владислав Аркадьевич! Помнитс, в Галиции по вечерам вы много внимания уделяли кому-то в ближайшем местечке. Скрыть не удалось. Расскажите какую-нибудь нескромную историю. Дни завтрашние могут оказаться весьма неблагоприятными. Не стесняйтесь, повеселите и нас с Фёдором Кузьмичом, и молодёжь славную, товарищей ваших.

– Что вы, господа, там как раз ничегошеньки-то и не было. А было вот что: ездил я – назовём эту прелестницу Катенькой – к Катеньке...

– Знаем мы эту Катеньку, не спрячешь, друг мой, своих проказ. Я тоже бывал у этого музыканта, – откинувшись на спинку стульчика и покручивая ус, подзадорил товарища поручик с длинным носом.

– Пётр Константинович, о том ты сам поведаешь, если после охота будет, – сказано было тихо, вкрадчиво, и, вернув голос, рассказчик продолжил: – Так вот... Папенька уже приступил к исполнению своего коварного замысла, по ходу которого по вечерам мы с ней оставались на пару-тройку часов в доме одни. В последний вечер, помнитс, Катенька музицировала, я подпевал. Не умею, а деваться некуда: романчик завести ох как хотелось! Вот беру ноту и обхожу её, вижу открытую шейку, локон. Хоть и напевает, но чувствую, напряжена дьявольски. Господа, крепкий эпитет принес с собой ром, тысяча чертей!

Палатка сотряслась от здорового смеха так, что Фёдор, который хлопотал снаружи у самовара, улыбаясь, зажмурился, покачивая лысиной.

– Продолжайте, Владислав Аркадьевич! – ласковым взглядом ободряя, попросил батальонный командир.

– Продолжаю. Горит во мне всё, дрожу, наклоняюсь ниже, ближе. Мысль одна – прикоснуться губами, поцеловать нежно и провести чуть в сторону. Приём испытанный, господа, впечатление производит... Обнимаю за плечи, руки опускаю спереди за вырез. Ведь, что дивно – не противится, а должна бы, коли дЕвица. Обнимаю обнажённую грудь, чувствую всю... – Далее рассказчик продолжил описание взаимных томлений и неожиданным финалом завершил своё нескромное повествование. – Такие-то дела, господа. Превратности... Ну, твой черёд, Пётр Константинович!

– Нет, увольте! Лучше я о другом, о чистом... но всё о ней же, о любви.

Обстановка в палатке достигла кульминации в хорошем расположении духа. Выпили по второй стопочке чудесного рома. Добрый друг весёлой компании, ранее призванный к продолжению, заёрзал на месте, желая принять эстафету:

– Позвольте начать! Хорошо, я не длинно. Дело было на Вольни. Год шёл то ли восьмой, то ли девятый. Помещик там жил, пан. Познакомились на ярмарке, потом на охоту приглашал. Он не молод, сед, детей нет. А жена, господа, красавица! Повадки, походка – лебедь белая. Талия осиная, пальчики тонкие, мраморные, а ножка, как у серны. Но взгляд, скажу вам, порочный. Она знает это и прячет его, опускает..... Как мило, чудесно было, когда мы открылись друг другу и, представьте такое...

Здесь рассказчик употребил несколько нескромных выражений, замолчал, погружаясь в печаль... спустя короткое время признался:

– Простите, сердце растревожил, любил, знаете... – собрался и завершил по-гусарски: – А панский наследник, полагаю, уже бегаёт и из рогатки в папёнку старого стреляет!

– Пожалейте вы мне непорочного Александра Семёновича! – воскликнул Фёдор Кузьмич: – Хотелось бы его после войны к себе в Екатеринбург пригласить, познакомить с дочерью... Что скажете, Александр Семёнович?

– Увидеть бы сначала: предупредили нас только что Слава, извините, Владислав Аркадьевич и Пётр Константинович, какие бывают барышни.

– Обижаете, любезный. Поедите и увидите... Хорошо, что не отказываетесь погостить. Впрочем, смотрите, вот у меня ладанка... Сейчас сниму... Жена это, но похожа безупречно...

Офицеры аккуратно передали по кругу драгоценный портрет, удивляясь красоте любимой женщины седого капитана.

– Да, господа, мы ещё успеваем веселиться и озоровать даже в походах. Солдату, мужику, тому труднее. Старослужащие, верно, на зимних квартирах ещё возьмут своё, некоторые семьями обзаводятся, – произнёс командир, кончиком ножа вычерчивая на тарелочке невидимый узор...

Пока Артём искал удобное место для продолжения беседы, Иван сходил к ранцу и принёс маленький узелочек:

– Это тебе, дядя Артём, от брата Дмитрия оберег с ликом Святого Николая. Говорил, пусть не снимает. Ждём, говорил, год остался. Женим, ещё сказал, избу поставим.

Артём не ответил, только желваки заходили. Взял, развернул, расстегнул мундир, расправил шнурок, просунул голову, разместил на

груди и застегнул выпуклые медные пуговицы с пламенеющей гранатой: эмблемой не Томского, а того первого своего гренадерского полка. Иван это заметил, решил подначить:

– Дяденька, а что на пуговицах? Каша в горшке загорелась, что ли?

– То граната разрывается, дурень! Осмелел больно! Не шути больше о том... Начнём урок, Ваня... Первая твоя обязанность в бою – исполнять, что велят, и беречь их, командиров наших. В жизни они всякие, но в бою мы без них, как дети, а по совести – овцы. Испытал уже: придёт мальчик, а всему, что мы кровью познаём, обучен. Они там, в столице, книжки читают, им генералы уроки учат. Береги командира, он тебя к славе приведет, а иначе пропадёшь. Если идёшь в атаку, а офицер в близком ряду, не теряй его, своё дело делашь, а посматривай и выручай. У тебя ружьё, штык, а у него шпага – баловство, да и сила не та: они ж баре. Ещё ты уметь должен: потерялся в бою, не знаешь, что и как и где товарищи, гляди поверх голов, ищи своё знамя и дуй к нему – не пропадёшь... А знамя береги: мы за него в ответе. Ты грамоте обучен?

– Да. Матушка учила, и в приходе. Арифметику знаю, множить могу, а делить так и не выучился: мудро сильно.

– Ну так вот, как развернут завтра знамя, запоминай, что на нём... Знамёна ещё стягами зовут, значит, нас стягивать, собирать... Ты сиди пока, я встану и рядом похожу: сильно спина болит... Смотри, скоро как темнеет: через недельку-две уж осень.

Артём поднялся, распрямился, покрутил головой, вглядываясь в темноту и соображая, что за дела в батальоне, отметил главное: ужин, должно быть, готов. Кивком показал Ивану, что надо вставать и идти. По пути прихватили ранцы: в них ложки, кружки, с ними и котелки, а у Артёма – заветные коробочки и узелочки:

– Чаю с мятой накушаем! Любишь, поди?

В их лагере тоже забренчала балалаечка, и тоненько кто-то пел. Свой костёр долго искать не пришлось, их заметили, окликнули. Солдаты ели распаренные сухари с нарезанным салом и луком, подвинулись, освободили место. Унтер подошёл и плеснул в их кружки по две крышки водки:

– Глядим, вас нет и нет, ну, сами-то и выпили. Думаем, не детки, не обидитесь. Давай, ребята, с Богом.

– Ребята, знакомьтесь – нового пригона Иван Лазуткин из Марьяновки, земляк наш, – и Артём подождал, пока все у костра обменяются рукопожатиями, а мужику то важно, как собачкам обнюхаться. – Ваше здоровье, мужики!.. Эх... знатно!

Унтер, чтобы получше рассмотреть, приблизился к Ивану:

– Теперь и ты, Ванюшка, сперва вроде как осиротел, а тут с нами новой семьей обзавёлся. Ох, надолго, брат, может, на всю жизнь... Добрые

в семье-то одни дядьки, а тётки у нас злющие, косы точут... Шутю, Вань! Мы их – за порог! Не хмурься, паря, у нас хорошо, увидишь. Привыкай, спрашивай.

– На завтра, что говорят? А где воду брали? – Артём облизал ложку и сунул за голенище. Поднялся с живота на колени, поставил перед собой ранец и стал готовиться к чаю. Рядом крутились в хорошем расположении духа – видно то было по хвостам – два деревенских кобеля. Чёрный, крупный, седая шерсть в репейниках, сунул мокрый нос в ранец и лизнул Артёма в ухо. Не отвлекаясь от дела, тот отодвинул ласкового пса в сторону и добавил:

– Нам тоже, Вань, до сна надо сходить и набрать.

– Другов лучших мяткой не побалуешь?.. Спасибо, Артём Степаныч! – душевно поблагодарил унтер, ссыпал с ладони в кружку щепотку мяты, присел, взял палочку, поворочал угольки. – Воды-то хватит, а погулять, так Петро проводит: сам и копал. У той опушки, на углу – рывина, в ней родники стекают в ручеёк, пастушок сказывал, то Огник. Чисто стёклышко, но овраг точит... Так вот, мы там, Григорий с Петром, ямишу выкопали и к ней – канавку: к утру чистой воды будет много. А рядом лазарет и ему польза. И французу дадим сопелку утереть!.. А француз, говорят, ещё не подошёл. Баталия – дело важное и завтра навряд, что будет. Коли то, – потеха одна...

Унтер зажмурился от едкого дыма, ещё поворочал угольки, побряхтел и продолжил:

– Офицеры сказывали, спозаранок будить не станут: егерям не привыкать ночь на линии под кустом лежать да армию стеречь: днём отоспятся. Велят своим ремонтом заняться, замки смазать да штыки наточить, а тебе, Артём – молодого учить... Чтоб рубахи чистые не трогали, а у кого нет, чтоб постираться. – Бросил палочку в костёр, выпрямился и, глядя в небо, обратился ко всем: – Ну что, служивые, споём нашу печальную да на звёзды русские поглядим, пока можется...

Утром подполковник Попов попросил поручика Свиридова собрать офицеров здесь же у лагеря на полянке. Недалеко с десяток солдат, разбившись на две ватаги, сняв мундиры, босые играли в чехарду, перепрыгивая друг через друга. С их стороны ветер приносил крепкий запах пота и давно немых тел, смех и говорок деревенских в прошлом мужиков и парней. Молодые офицеры морщили носы и посмеивались. Подошёл Попов, прищурившись, втянул воздух, укоризненно посмотрел на тех, кто продолжал улыбаться, отвёл офицеров в сторону от ветра, показал, чтоб стали полукругом и, заложив руки за спину, заговорил, пошагивая:

– Солдат не виноват, что поставлен в такие условия. Господа, как закончим с вами, по очереди сводите батальоны поротно к ручью помыться, но только место уж выберете пониже лазарета... Господа офицеры! Земля слухом полнится, и стало мне кое-что известно. Там на высоте, полагаю, вы знаете где, – показал рукой, – назначен центр позиции. Чтобы вы могли предвзято оценивать будущие события, предлагаю пройти и осмотреть местность...

В роще ротные опередили старших и, поджидая их, остановились на предполагаемом месте боевого порядка полка. Офицеры завели беседу, поглядывая на высоту и называя её меж собой курганом. Там кипела работа: чавкали кирки, скрежетали лопаты, скрипели колёса, долетали смех, разговоры. Иной раз – крики: кто-то позвал, кто-то откликнулся, кто-то обругал. Судя по тому, что там стояли снятые с передков орудия, всего штук двадцать, готовилось укрепление для батареи. Работали не только артиллеристы: им помогали ополченцы и солдаты. Артиллерийский обоз и зарядные ящики были поставлены на сотню шагов ниже батареи и огорожены телегами, а перед телегами выставлены рогатки. Охрану по углам несли часовые с тесаками. Укрепляли и протяженные пологие боковые склоны: выкапывали неглубокие траншеи, и из той вынудтой земли выкладывали брустверы, устанавливали полевые орудия...

Подпоручик быстро подвёл итог своим наблюдениям, обратил к товарищам юное лицо и звонким голосом прервал их:

– Петя, Слава, Фёдор Кузьмич! Господа, не хотите ли пари: нам будет назначено стоять пехотным охранением.

– Нет, Александр Семёнович, мы не будем участвовать в пари: то, что Вы сказали, это же очевидно, – погасил его пыл капитан. Сделав более значительным выражение своего лица, продолжил, стараясь в коротких паузах раскурить табачок: – Скорее, мы – резерв... и кровь наша прольётся не на эту дикую гвоздичку (чуть тронул носком сапога невысокий бледно-розовый полевой цветок)... а прольётся там, где неприятель достаточно озверел и дожимает наших...

Подшли полковой и батальонные командиры. Попов обозначил офицерам полукруг, занял его середину спиной к высоте и, шурясь от утренних лучей, продолжил разговор:

– Полку, очевидно, будет предписано встать во 2-й линии, думаю, здесь, где мы сейчас. Отсюда до высоты (обернулся)... шагов триста-четыреста. Предположительно, мы – резерв корпуса на левом фланге Баркляя рядом с центром русской армии. Думаю, частной задачей, которую будем решать самостоятельно – это не допускать обход батареи с флангов и защищать ее вход сзади, а при появлении угрозы прорыва

неприятеля на передний бруствер опрокинуть его... Пойдемте, поднимемся, господа...

Офицеры расположились у бокового бруствера батареи. Попов, знавший карту, приступил к знакомству офицеров с местом будущей батареи:

– Чуть слева, где кусты петляют, то Семёновский ручей. За ним впереди и дальше – Колоочь. Справа – Бородино, позади него – Горки, Кутузов там. Слева – Семёновское. Дальше, к Старой дороге – Шевардино, видите, на высоте большой редут строится... Смотрю я, а избы уже пошли на фортификацию... Да... Скоро останутся церкви да печи, как после пожара. Что ж, наверное, выхода нет.

– Дядя Артём, а кого из полководцев ты видел?

– Суворова, Багратиона... Барклай нашего, тоже смел, но с нами близко не бывает.

– А Суворов?

– Тот сильно прост, а делами – богатырь сказочный! Он маленький, сухонький, седенький хохолок на лбу. Солдат любил. Ел, что и мы, спал, как мы, а молодой был, так в атаку – тоже с нами. Турок гонял знаменито! А героя обнимет, расцелует и всем расскажет. И не забудет, как фамилия и по батюшке!

– А тебя целовал?

– Когда мы с гор спустились, строй обходил, в глаза смотрел, как я тебе сейчас, и руку жал... – помолчал... улыбнулся: – На, подержись через меня с Александром Василичем!

Иван благоговейно пожал руку, а Артём продолжил урок:

– Биться надо, будто ты заговоренный. Чуть оробеешь – пропал и с отчаянной высоты, на какую дух тебя поднял, скатишься, как по ледяной горке! А потому, если страх в тебе, гони его, стыдись и о Боге думай, он укрепит. О своих домашних думай: что им твои земляки-товарищи про тебя расскажут, когда вернуться... А неприятель, как и ты, оробеть может, а чуть испугается, окрепнуть духом не давай!.. И у меня страх бывает... Да! А то-о!

Артём подошел к Ивану ближе, обнял и продолжил:

– А без товарищей в бою не победить. Кто, кроме них, поможет? А где они? Как в бою найти? Расскажу... Первое дело: в строю рядом с твоим плечом и сзади. А ты им всем помогай и переднему. Второе дело: один остался, оглянись, узнай своего, подбеги и стань рядом или позови, он рядом станет и поможет отбиться. Третье дело: если рядом вовсе никого, ищи знамя своё...

Артём добавил значительные нотки и, глядя в глаза Ивану, приступил к изложению главного, что, по его мнению, может помочь выстоять:

– С кавалерией одному сладить трудно, а бежать – не дело, быстро сзади налетит и на лоскуты нарежет. А когда один встанешь, он всё вокруг тебя ездит и норовит так зайти, чтоб ты ему был под правую руку, и рубанет с размаху. А ты ныряй под левую руку и ближе и коли штыком, куда достанешь. И коня не жалея. Конь взбесится, может его сбросить или закружит. А если встанем в круг, ему неудобство и с боков защиты нет. Вовсе правильно – в каре строиться. Знаешь как?.. Во-о-о! Мы так турка одолевали. Те скачут по кругу, зубы скалят: «Алла, Алла». Нам ничего сделать не могу, а мы их пулей, наскочат – штыком...

Артём повздыхал, оглядывая себя, посмотрел на тучку:

– Эхма, сапоги-то никуда стали. Пока дождя нет, пойдём к Мартыну, он знатный сапожник...

Мартын сидел у палатки и, зажав коленями «лапку», постукивал молоточком по подошве кривого сапога. На мастеровом солдате фартук, в губах – гвоздики, на шее – дратва, на глазах – очки, подаренные по случаю солдатами.

– Здорово, ребята! Присаживайся, Степаныч. Кто с тобой?.. Ты любишь с молодыми нянчиться... Хорошо, когда такое дело. Тоже люблю с учениками секреты показывать... Скоро доработаю...

Артём с Иваном уселись на травку. Немного погодя Артём снял сапоги, расстегнул мундир и лёг на спину, скрестив руки за головой. Иван повторил, но скоро перевернулся и вытянулся на тёплой земле, уткнув нос в траву между рук. Запахло пряностями, по щеке побежали суетливые букашки, зазвенели крылышки... Где-то у самого неба напевал Мартын, вздыхал и сам с собой разговаривал... всхрапнул Артём...

– Ну, рассказывай, – услышал сквозь потную дрему Иван.

– Ага... уснул, однако... Вот, Мартын, новые подметки надобны. Сделаешь?

– А то нет! Сейчас и сделаю, материя есть... Сделаем так, что до Парижа приведут... Давай!

Мартын взял первый сапог, ножичком отделил худую подметку, снял коричневую прокладку, зачистил, что осталось. Слазил в сундучок, затем в торбочку, достал твёрдую толстую кожу и два листа бересты. По старой подошве отмерил, вырезал и приступил к ремонту.

– Берёста-то зачем? – шепотом, чтоб не мешать Мартыну, спросил Иван.

– Ты что-о!.. А вот вспомни, в чём батьке на сенокос воду и молочко носил?.. Верно, в туесочках. А из чего они?.. Верно. И не течёт, и прохладненькое весь день, и не киснет! А почему? Знай, есть сторона, через которую молочко дышит, а течь не может, вот важно-то! Так и в сапогах наших: и скрип знатный, и не протекает, и освежает! Думай,

сколько народа и сколько вёрст да по полям, да по лесам, да по болотам, да по камням и всё в них! А возьми портяночки-то! Просты, а цены им нет: и ногу не собьёшь, и перемотать на целое, и просушить, и постирать. А про шинельку и говорить не стану... Пуговики сзади расстегнёшь, половинку под себя, а другой укроешься и ножки усталые к костру...

Следующим утром от конных разъездов поступили сведения, что французская армия на подходе. После обеда стала слышна далёкая перестрелка егерей с авангардом. В дивизию прибыл квартирмейстер и сообщил, что диспозиция утверждена и приказано частям указать их расположение. Томский полк разреженными колоннами просочился меж берёз и вышел на место, где у вбитого флажка его ожидал квартирмейстер. Колонны выровняли. Офицеры вышли из строя, посадили солдат на траву и собрались на правых флангах.

Майор Крутых пояснил своим боевой порядок:

– Справа, вон те, что в 1-й линии, то – наши: уфимцы и ширванцы, а с нами во 2-й – бутырцы. Весь наш корпус здесь, кроме егерей, те – в поле. А там слева, вон те и те, то – Паскевич. А на кургане – Раевский.

Капитан, Фёдор Кузьмич, обратился к батальонному:

– Господин майор, позвольте поделиться мнением... На этом месте весь перелёт по батарее будет наш. Думаю, на совещании с дивизионным начальником надо то учесть и подвинуть: нас – за Уфимским полком, а бутырцев – за ширванцами.

– Спасибо, Фёдор Кузьмич, но сначала, думаю, надо будет оценить истинную угрозу от перелётных снарядов. Если мы поспешим, то при первой же фланговой кавалерийской атаке на курган малый полк, коим наш является, будет окружён и не сможет содействовать. Под угрозой окажется центр всей армии. Вечером я доложу ваши предложения. Мой вариант – выдвинуть батальоны ближе к батарее, в мёртвую зону...

Перед сидящими солдатами лицом к ним застыли под знаменем знамёнщик и два его солдата-помощника: рослые, красивые мужики. Налетавший сзади ветер заставлял полотнище крутиться на древке и шлёпать солдат по лицам. Порой, устав волноваться, оно накрывало голову кого-либо из них и успокаивалось, ластилось, прижавшись. Никто в группе не мешал ему и делал вид, что их то не касается.

Иван какое-то время разглядывал знамя, запоминая цвета, рисунок и надписи. Затем откинулся на ранец и долго безмятежно смотрел в такое же безмятежное небо, жуя сухари и запивая их водой. Вдруг дёрнулся и заговорил, не поворачивая головы:

– Смотри, дяденька, журавли... спутались, куда лететь. Вон там курлычут, напротив кусочка того облачка, – оглянулся на Артёма и показал рукой: – Во-во... ага, эти!..

– Глазастый ты, Вань, но не о том думаешь. Ты видишь то, от чего расстройство на сердце и одна тоска, – вяло начал разомлевший Артём, но, очнувшись, не сдержал раздражение: – Ты всё мне портишь. И так после тебя только о доме думаю. Давай лучше думать, как страх победить, а за ним – и француза. Не дело с тоской в бой идти!

Среди офицеров выразилось беспокойство сначала в 1-й линии, за ними – во 2-й: все показывали на три облака пыли, появившиеся у горизонта. Солдат подняли, колонны загудели. Вскоре стали различимы три больших потока, идущие прямо, напролом, сверкая десятками тысяч штыков, касками и прочим железом, как искрящимся полотном. Перед каждым, видно было, перемещались с одной стороны на другую конные упряжки с артиллерией, выбирая ровный путь лошадям, орудиям и фурам. Потоки начали растекаться вправо и, особенно, влево. Немного погодя в районе деревни Шевардино, где строился большой редут, стороны сблизилась и открыли орудийную пальбу. Временами трещали ружейные залпы, частила перестрелка, а в грохоте орудий появлялись затишья – то пехота у редута сцепилась. Дело продолжалось до глубокой ночи, пока Бонапарт не исполнил своё намерение выправить линию русских войск так, как он того желает...

Весь следующий день прошёл в перестрелках егерей и во взаимных погонях и стычках конных разъездов. После полудня, выполняя приказание Кутузова, по войскам торжественно пронесли икону Смоленской Божьей Матери, спасённую из этого города...

После заката Артём вызвался набрать воды в Огнике. Он, Иван и ещё два солдата вышли к опушке. Никто не возразил против того, чтобы через рощу пройти на позицию. У своего колышка присели...

– Глянь, Вань, не темно, а уж видно, костры далёкие горят – француз кашу варит!.. И дым-то по полю стелется, будто туман... Красиво у нас, правда?.. И чего он припёрся?.. Слышь, кричат: поди, мадеру пьянствуют, прохвосты!..

Скоро на высоте зажглись факелы: этим вечером Раевский, чьи полки должны защищать высоту, начал перестраивать её в неприступную крепость...

Со стороны обоза пропел петух. «Часа два... есть ещё время...» – поручик повернулся на правый бок и в который раз забылся коротким сном... Замелькали родные места, тихая радость стала заполнять сердце.

Он взбежал по ступеням родительского дома и распахнул дверь, а навстречу ему матушка раскрыла свои объятия!

– Петенька, дорогой мой! Как хорошо, покойно мне теперь будет. Всё я одна: батюшка твой, Константин Ильич, ушёл, меня всё зовёт, а забрать не приходит. Так устала, поскорее бы нам с ним встретиться. А Пантелей, бурмистр наш, такой толстый стал, такой толстый и совсем меня не слушает. Ты его поругай, скажи: «Воровать – грех!»

– Матушка, только напьюсь и пойду дальше, иначе полк свой не догоню. А кто в гостинной?

– Как! Это же твоя Ольга с Коленькой. Неужто не узнал, забыл? А к папёнке разве не сходишь? Ведь ты так и не простился с ним...

Поручик начал карабкаться по высокой стене. До Ольги было ещё далеко, он угадывал, где она, только по белому пятну. Забрался на самый верх кладки. Посмотрел вниз: с обратной стороны была такая же отвесная стена. Закружилась голова. Нет пути ни вперед, ни назад! Им овладел страх, он охлаждал тело, особенно спину. Почувствовал, что непомерно тяжёлой стала голова и тянет она его в бездну, а поднять её он уже не в силах. То был ужас...

Поручик открыл глаза и успокоил скачущее сердце. Сел, развернулся, сунул ноги в сапоги, встал, набросил шинель, прихватил трубку, откинул полог и вышел наружу. Запрокинул голову: в чёрном небе быстрой искоркой тихо промчалась звёздочка... Набил трубку, нагнулся к костру, нашёл под золой уголек, положил его сверху на табак, как только раскурил, стряхнул.

Уж третий день будет, как сердце его растревожено... Сможет ли он побывать на Вольни и увидеться с Ольгой? Нет у него ответа: скоро неизбежное столкновение с врагом, а за ним, может быть, вечность. Долг он исполнит и не даст страху овладеть им, прогонит, и мужество призовет, не потеряет, и честь свою, и честь предков не уронит. Он в том уверен...

Далеко за полночь в палатке захрапели. Иван поворочался, поворочался да и заснул... Увидел себя, как он в одиночку таскает бредень по пруду. А удачи всё нет: в мотне только сережки ивы, утиный помёт да ракушки. Откуда-то мать ему крикнула:

– Сынок! Отнеси-ка обед отцу, – и подаёт узелочек и туесок со сметаной.

Иван оставил бредень и понёс обед в поле, где отец выкашивал свой надел. Туесок оказался тяжёлый, размером с ведро! Все время, пока шёл он, от кузницы слышался звон, но странно было, что он не удалялся, а приближался. Когда звон тот за спиной достиг невероятной силы, Иван оглянулся и оцепенел от страха: ноги отнялись, и он не мог бежать, чтоб спрятаться. Его догонял всадник, несущий ужас: на голове в разные стороны торчали перья, на груди и на спине бились, звеня и клацая,

подвязанные бороны с блестящими железными остриями, в руках крутились цепи для молотьбы. Доскакав, всадник остановился. У коня от морды повалил дым и жар, а смотреть выше, на само чудище, было жутковато. Иван обежал коня справа, взял в руки ухват и пристроил его у чудища на поясе, снял того с плоской спины коня и опустил на землю. Чудище вспыхнуло и завопило:

– Осмелел больно, дурень!..

Иван, как был в исподнем, весь в поту, босой выскочил из палатки. У костра сидели унтер и ещё один солдат. Те не удивились и продолжили беседу. Немного погода унтер предложил:

– Ванюшка, покурить не желаешь? Угощаю.

– Нет, благодарствую, не научился. Пойду, может, ещё малость сосну.

Но отойти он не успел: унтер с солдатом бодро встали, подав глазами знак Ивану – к костру с шинелью внакидку и с трубкой в кулаке подходил, устремив взор в землю, поручик другой роты. Все трое повернулись в его сторону и вытянулись. Поручик, будто натолкнувшись на препятствие, остановился в пяти-шести шагах, встряхнул головой, посмотрел им в лица, задержал взгляд на Иване, искал, на что присесть, и устроился напротив. Поправил шинель на плече и обратился вполголоса:

– Что ж не спите, ребята? Надо отдыхать, день будет трудный... Садитесь... Выкурю я здесь с вами трубочку... – и еще раз оглядел каждого. Теперь их лица были куда приветливее тех сосредоточенных, с багровыми и зловещими бликами от костра снизу. – Ну, как думаете, одолеем француза?

– Не спится нам от маетности, ваше благородие. А стоять будем до конца, должны одолеть, только об том не всякому познать доведется... Один-то победе порадуется, а другой с незащитой раной всё будет вопрошать с неба: «Ну, как вы там, устояли, православные?..»

2. Противостояние

«Не отчаивайтесь!»

Сии грозные бури обратятся к славе России!»

Встали в сумерках. Достали чистые рубахи. От водки отказались. Пили чай, ели не все: не шла еда. Разобрали ружья, вытирая руками обильную росу. Построились в колонну. Увеличили интервалы и прошли через рощу. Остановились у своего флажка.

Вскоре с высоты, завершив работу, побежали вниз с тачками и инструментом ополченцы, разошлись по боковым склонам солдаты. Несколько партий ополченцев потянули наверх фуры с зарядами, с ядрами, картечью, гранатами.

Когда рассеялся туман, а солнышко из-за правого плеча уже подавляло утреннюю свежесть, неприятель начал обстрел русских позиций у Семёновского. Последовали ответные залпы, и весь левый фланг заревел, затрещал. Над ним стало быстро подниматься и разрастаться облако дыма. Солдаты притихли и закрестились. Послышались залпы и частая артиллерийская пальба неприятеля спереди и справа. На высоте раздался оглушительный трескучий грохот, ему ответили полевые орудия, расставленные в боевых порядках пехоты по склонам, и... загремело по всей линии. Приблудившиеся к батальону деревенские собачки завизжали и, не найдя защиты у суровых солдат, поджав хвосты, на махах кинулись в рошу.

Вольный ветер сорвал дым с высоты вниз, прокатил его по полю, пронёс рваными кучами сквозь батальоны и спрятал среди берёз. Солдаты вдохнули и понюхали порох. У кого-то сердце затрепетало, у кого-то укрепилось. На вершине заматались кивера прислуги, замелькали банники, полетели команды, через минуту выделились ритмичные движения, указывающие на то, что орудия накатывались на амбразуры. На короткое время всё притихло... короткий крик... залп! Ветер, дождавшись своей очереди, подхватил свирепый дым, успокоил и понёс к батальонам, накрыл им, приласкал и опять бестолково растерял среди берёз. И всё повторилось, и ещё раз, и ещё... к звукам канонады добавился ружейный треск со стороны Бородино – признак первого прямого столкновения сторон... затрещало слева у Семёновского...

Во 2-ю линию стали все чаще и чаще прилетать гранаты и ядра. Всякий раз, отмечая попадание ядра в колонну, доносился шлепок, в небо взлетал вопль, за ним – крики: «Носилки!», «Сомкнись!» Место, куда попадала граната, показывали, если близко, то толчок и свист горячей трубки, следом – взрыв, дым. Когда в батальон влетело первое ядро, воздушным напором Ивана отбросило на соседа, за спиной хрястнуло и глухо ударило о землю, и он почувствовал на шее мокрое и тёплое, сползающее за воротник. Провёл рукой и увидел вымазанную в крови ладонь. Повернулся к соседу – у того на щеке алые брызги и они же на перевязи патронной сумки. Сосед заметил взгляд и усмехнулся в усы:

– Коли бы трошки на тебя... Не робей, паря, всегда так. Туда не смотри, придёт время...

Мимо колонн Томского полка на рысях прошли в сторону Семёновского четыре эскадрона кирасиров.

– Ей-ей, земля трясётся, дяденька!

– А ты думал! То не твоя сивка-бурка, в одном три будут! А сколько их! А железо на каждом! Издалека пуля не возьмет! Это тяжёлая кавалерия, кирасиры! И у француза есть. Их сабелька, что меч: поставь на землю, мне по грудь. Как махнет он, так вместе с ранцем до самой попы. Позавчера я тебя учил, как его победить: спину не подставляй, подбегай под левую руку и ближе, бей штыком, куда сможешь. Конь взбесится, а ты живой и твой праздник!

– Всё про то думаю... даже сон привиделся.

Оба перекрестились и замолчали, но скоро опять:

– Дядь, кто-то к нам полем идёт!

– Почему так?

– Куропатки сперва прямо на нас и мимо. Тот поднял.

Поручик уловил в роте обрывки разговора пустого, лишнего и ему непонятного, вышел из строя и в промежутке между шеренгами нашёл говорившего:

– Что у тебя, Прохоров?

– Лазуткин, ваше благородие. Говорит, на нас полем идёт кто-то.

– Как же он узнал? – спросил поручик и посмотрел на молодого солдата.

– Заметил, ваше благородие, что француз куропаток на нас спугнул. Душа у Лазуткина светлая, не зачерствела ещё.

Поручик сдвинул кивер на затылок, показав белые кудри, повернулся одним ухом к кургану, закрыл ладонью другое и прислушался, пытаясь за частой артиллерийской пальбой отыскать нужные звуки. Артём тоже сосредоточился, но по-своему: прикрыл глаза и начал раскачиваться с носков на пятки. Иван не выдержал и посекретничал:

– Зайчишка махонький! И тоже оттуда и туда, в зад махнул. Робею, мутит что-то...

– Буде! Помолись-ка лучше, – не изменяя положения, резко, но тоже шёпотом прервал его Прохоров.

– Да, похоже, он прав: за курганом барабаны, но пока... – поручик продолжал говорить, но эти слова никто не услышал: их накрыл треск очередного залпа с высоты.

Произведя несколько залпов и не вступая в рукопашную, первую атаку на батарею отбили: по инициативе Раевского за вечер и ночь высота была превращена в первоклассный редут: полутораметровые парапеты, двухметровый ров, на подходе волчья ямы. Теперь это перестало быть секретом для французов и непременно отразится в их планах.

Уставшим стоять солдатам, наконец, было разрешено сесть и покурить. В роте юного подпоручика среди усаживающихся солдат раздался смех. Подпоручик подошёл и обратился к солдату, который топтался на месте и никак не мог опуститься:

– Кислицын, велено было сесть. Что тебе мешает?

Солдат замер в той позе, в которой его застал вопрос, медленно повернулся к подпоручику, вытянулся и раскрыл, было, рот, но вместо него, утирая слёзы и сдерживая душивший смех, азартно ответил другой солдат:

– Ваше благородие, Кислицын напихал себе под мундир от груди до самой той штуки броню, вот она ему и мешает согнуться-то.

– Что за броня? Не пойму я вас, ребята.

– Да то подмёткины кожи, вашбродь. Он теперь стал, как тот кабан на гону перед свадьбами. Такой складный калган получился, что штык не возьмет.

Подпоручик, краснея, попробовал приказать:

– Кислицын, нечего тебе здесь делать, ступай в лагерь! Ты уже не так ловок, да и страшно, верно? Ты, Мартын, нам всем в походе более нужен: кто ещё сапоги поправит?

– Ваше благородие, душа не позволяет без ребят остаться. Что им без меня, что мне. Будем биться с французом, вместе победим или ляжем. Не гоните, вашбродь! Покой потерю до конца дней своих...

– Ну, так уж и быть, оставайся с товарищами. Снимай ранец, мундир и отправься.

Солдатам это понравилось, забалагурили дружно:

– Мужики, носы зажимай: кабанчик наш оправляться будет!

– Мартын, где стоишь, там и делай!

– А следом туда и садись: теплее будет!

– Француз к нам опосля не сунется: такая картечь получится, что за версту обойдет!

Батальонный командир со стороны с улыбкой наблюдал за разговором, поздравил находившегося в замешательстве подпоручика:

– Отойдёмте немного, – и успокоил так, как подсказывал ему опыт: – Не обращайтесь внимания, такое настроение солдата дорогого стоит. Они же любят друг друга.

На кургане, не переставая, велась стрельба по пехоте, по кавалерии, по батареям, по резервам, поджигали избы. О зарядах не думали. Время перевалило за девять. Из резерва Томский полк ни разу не был востребован. Но вот слева от высоты за пеленой дыма стали слышны барабаны и флейты. Через какое-то время – ружейные залпы, за ними – сплошной треск, вот он затих, немного погодя – свирепые крики, истошные вопли и раскачивающийся шум. Знакомые звуки смутили солдат: слева схватились в рукопашной, почему их не бросают на подмогу...

К батальону подскочил полковой командир, закрутилась под ним усмиряемая лошадь. Попов прыгнул на землю и скомандовал, перекрывая шум:

– Батальо-о-он! Нале-е... Во! – перебежал на середину фронта и выхватил шпагу: – Ребята, за мной, на выручку! С нами Бог! Бегом!.. Ура-а-а!

После перестроения Иван оказался впереди Артёма. Выбежав из пелены дыма, увидел спины работающих штыками и прикладами французских гренадеров, мечущихся, топчущихся под барабанную дробь и трели флейт. Те оглянулись на крик, солдаты успели заметить их испуганные лица и ударили в штыки. Оказавшиеся между гренADERами и томским батальоном французские полковые музыканты: мальчишки барабанщики и флейтисты со старым тамбур-мажором, прекратили игру и кинулись врассыпную.

Какое-то время Иван видел перед собой только спины и ранцы своих товарищей, но скоро движение внутри горячей массы вытолкнуло Ивана на француза. Штыки их встретились, стукнули, заскрежетали. Иван почувствовал силу гренADERа, сердечко покатилося вниз, но он смог завернуть ружьё штыком к земле и прижать. Оба застыли, чувствуя чужие жар и дыхание. Сзади громко:

– Вверх и в голову!

Иван отскочил и от земли взмахнул ружьём, целясь в голову, попал в челюсть, штык скользнул и воткнулся в щеку. Француз на мгновение потерял равновесие, отпрянул, зажал рану и, не сводя с Ивана глаз, начал пятиться, спотыкаясь, пятиться, вдавливаясь ранцем в свои шеренги.

– Орёл! Такого гренADERа одолел! – и Артём, отодвинув Ивана, выбрался вперед.

Французы дрогнули и побежали, а вслед батальону, отрезвляя, полетела команда: «Сто-о-ой! Наза-а-ад!»...

На месте короткой схватки покачивался, гримасничая, Попов. Подбежали офицеры. Попов поднял голову, на лице кровь, волосы слиплись, правая рука повисла плетью:

– Хотел быть до конца... с вами... простите... Господа офицеры... передаю полк майору Крутых... Свиридов... в дивизию к генералу Лихачёву... доложить.

Майор подозвал солдат и велел сделать из ружей носилки, отыскал шпагу и убрал в ножны командира. Солдаты уложили Попова и побежали к роще. Им наперерез уже мчались, петляя, ополченцы с носилками, усердно исполняя свою главную задачу.

Батальон беглым шагом вернулся на место, развернулся фронтом на высоту и застыл потрясённый: перед ним извергался вулкан: высокий дым, облако пыли, звуки схватки, бегущие вниз по склону русские солдаты и артиллеристы... Послышались чужие крики, затрепетали французские

знамена... Оцепенение прервал разгорячённый всадник в форме конногвардейца. Появился он вдруг и, не слезая с лошади, торопясь и волнуясь, обратился к командиру, срывая голос:

– Майор Левенштерн, адъютант генерала Барклая. Именем главно... главно... командующего приказываю подготовиться к атаке! – и, дожидаясь, пока батальон перестроится в линию ротных колонн, звонко крикнул, глядя на обращённые к нему лица: – Ребята! Вижу священный огонь в ваших сердцах! Беречь дыхание: кричать «ура» начнём по моей команде. Вперёд!

Развернулся, взмахнул саблей и повёл коня к вершине, удерживая боком к высоте. На середине солдаты по знаку закричали «ура» и ударили в штыки...

Французская пехота праздновала «на крови» неожиданный успех среди разбитых орудий, в дыму, в пыли. Приказа, как развивать тот успех, не было, и она, пока продолжалась неразбериха, закрывала собой путь другим полкам, стоявшим внизу перед рвом. Стремительно приближавшиеся русские колонны заметила с опозданием, но не запаниковала и стала спешно сбиваться в плотные ряды у дальнего бруствера.

Впереди, куда неотвратно нёс его бег, у той черты, где вновь его ждали и суд, и крест, поручик видел только синие мундиры, белые перевязи, красные эполеты и чёрные козырьки, напряжённые лица, чужие глаза и чужие штыки. Ряды у роковой отметки, до которой оставалось шагов тридцать, сомкнулись, с той стороны послышался задорный призыв, по всей линии – смех и, обрывая его – пронзительный крик. Разноцветная толпа вздрогнула и, зарокотав, покатила навстречу батальону.

Поручик ощутил, как по затылку рассыпались острые колики, и тут же ударил его хлётко, будто подстерегал, и впился жадно взгляд смуглого французского капрала с косичками на висках, бравого южанина, настроенного на победу. Поручик непроизвольно замедлил бег, желая почувствовать, что он не одинок. Набежавший француз с ходу ударил его штыком, промахнулся, отступил, качнулся вперед, назад, в сторону и сделал несколько красивых выпадов. Становилось тесно, француз наседали: у него широкий шаг и длинные руки, и не удавалось никак достать его шпагой. Вот он проткнул штыком руку выше локтя, а когда следующий выпад направил в живот, поручик согнулся, гася удар, и не успел даже понять – схватка длилась секунды – получил ли он ещё рану, как между ними появился молодой солдат, но не его, а другой роты. Тот самый, пронеслось в голове, что этой ночью в одном исподнем стоял у костра. Солдат яростно закричал, размахивая во все стороны ружьём: «А ну, пошёл отсюда, пошёл! Разыгрался, чёрт! А ну, не балуй! Пошёл!» Ударом с его головы сорвало кивер и бросило поручику на грудь. Но француз

отступил, а поручик почувствовал, уже слабея, как солдаты подхватили его под руки и потащили прочь.

Какое-то время он слышал шум схватки, затем сменившие его гул и натуженный писк, чувствовал слева рядом громкое, сиплое и частое дыхание солдата. Никогда раньше не мог он позволить себе быть так близко к мужику. Дыхание обжигало висок, оно не было приятным, но не вызывало отвращения, напротив – благодарность и любовь. Поручик, мотая опущенной головой и видя только мелькавшие с обеих сторон солдатские сапоги, ловил убегающие мысли: «Простые мужики... угрюмые и суровые... но истинно добрые и благородные сердца! Я всегда буду любить их!» – и тут же потерял сознание...

У противника – десятки лиц, кто твой самый страшный враг? В эту сторону размахнуться и... ударить! Отбить, и тут же – в другую. Схватить за грудки, свалить, упасть, грызть... Вскочить, отпрыгнуть, развернуться и ещё раз ударить, ударить и отскочить. Колоть и орать... колоть и орать... В стремлении разорвать друг друга в клочья обезумели люди, знающие не понаслышке, что такое любовь и доброта, но превратившиеся волею вершителей судеб в зверей...

Иван налетел на фельдфебеля своего полка. За ним на ящике сидел раненый французский офицер. Голову склонил, лохмат, бледен, рваный мундир в крови, болтается шитый золотом воротник, свисает с плеча пышный эполет. Фельдфебель удерживал пленника, намотав на кулак его трехцветный поясной шарф, ещё три солдата стояли в линию и крутили головами, оберегая добычу. Ломая схваченный судорогой рот, похвастал:

– Взяли!.. – и следом, сдвинув брови, бросил: – Ну-у!? Чё встал, раззява!?

Иван попытался вернуться в свалку, но впереди толкались большой кучей солдаты других полков. Пыл стал угасать, на вялых ногах он отошёл к орудию и опёрся на лафет. Осмотрел свои исцарапанные руки, хотел выпустить из ладони приклад, но вновь ухватился за него: оказавшись одинокой, рука затряслась, заходила ходуном... «Ах ты, мать честная! И кивера нет!» Оглядел себя – дрожат колени, левое светится сквозь порез... Поднял голову и посмотрел по сторонам, на то, что недавно было батареями, людьми, лошадьми, и с каждой секундой в его глазах отражался всё больше и сильнее ужас произошедшего и увиденного...

В центре укрепления радовались победе генералы штаба, пришедшие на подмогу с батальоном Уфимского полка, они обнимали адъютанта Баркляя де Толли, а тот, не веря воинскому счастью, только улыбался, прижимая к груди раненую руку.

Внизу за рвом шевелилась густая масса пехоты под французскими знамёнами. Слева и справа на дистанцию штыкового удара выходила

русская пехота, в тыл – драгуны. Французы, избегая разгрома, ринулись назад. Драгуны отсеки русскую пехоту от бегущего в панике врага и вернули на позиции. На батарею влетели упряжки конной артиллерии для замены разбитых орудий и потерянной прислуги, вбежали ополченцы за ранеными. Вершину и укрепление начали занимать полки дивизии Лихачёва.

К Ивану подвалил, хватая оскаленным ртом воздух, Артём, ткнул кулаком в грудь:

– Прогнали!.. Сам потерялся, винюсь, – отдышался и прокричал: – Слыхал? Наш-то Золотарёв... фельдфебель, генерала пленил!

– Видал, подумал, то офицер... Дядя, что ж это так?.. Все ж мы – мы и они, все ж мы люди... Дядя, а ты не ранен?

– Кровь не моя! ...много всякой пролилось. Да и тебя такого близко к храму не подпустят, – и Артём рассмеялся, показав белые зубы, обнял Ивана за плечи и весело, как хитрую загадку, по-стариковски прошепелявил на ухо:

– А покажи-ка, солдатик, мне убогому, где знамя твоё?.. – и довольный взъерошил тому волосы. – Молодец, знаешь! Бескозырку-то одень! Повернись-ка, достану... Ну, пошли собираться, стягиваться...

В сутолоке, переступая через тела, лафеты, прошли к выходу, вытянулись, уступая дорогу входящему в укрепление генералу Лихачёву, их дивизионному начальнику...

Белокурый поручик прошёл вдоль шеренг своей роты:

– Прохоров! Хорошего солдата воспитал. Молодец, Лоскуткин! – и, пройдя далее, похвалил ещё: – Чуркин! Твой, видел я, отменный будет воин, нет у него страха!

К трём часам дня Бонапарт, считая, что на левом фланге победа одержана, всю мощь бросил в центр. Выстрелы орудий на батарее звучали реде, и стало казаться, что любой из них будет последним. К извергаемому вулканом дыму и пыли добавился огонь: французская граната разбила бочку со смазочным дёгтем, пламя поднялось ввысь и побежало по склону. Французская дивизия, стоявшая у подножья, бросилась в атаку. Когда пехота приблизилась ко рву, стороной пошли несколько кирасирских эскадронов, оставляя батарею слева, демонстрируя удар по русскому кавалерийскому резерву. Следом – польские уланы.

Прорвав 1-ю линию, эскадроны внезапно повернули и двумя массами устремились на высоту: одна в промежуток между войсками и укреплением, чтобы войти на батарею с тыла, другая на колонны с флангов. Батальоны не успели перестроиться в каре и бежали,

преследуемые уланами. Кирасиры и французская пехота с двух сторон ворвались на батарею. Дивизии Лихачёва суждено было «истечь кровью»... Тысячи голосов подхватили чужие песни о родине и свободе: на батарее – «Марсельезу», на склоне – гимн легионеров Домбровского.

Майор Крутых понял, что произошла катастрофа, успел перестроить батальон в каре и с развёрнутым знаменем начал медленно отступать, отбиваясь от уланов. Он волчком крутился в центре и не переставал выкрикивать команды:

– Задние, заряжай и стреляй! Знамя – на середину! Офицеры – на середину!.. Ряды сохраняй! Раненых – на середину!.. За пику хватай, тяни!.. Ребята, бей коней! Молодец, Вареников!.. Ныряй под пику и – в брюхо... на земле добьём, с седла задние пулей достанут...

Навстречу томскому каре из оврага выходили и строились для атаки на высоту русские гренадеры. На них, как осы, налетели уланы, но, увидев, что таит в себе тот овраг, откатили и помчались на высоту, где вдоль бруствера накапливались кирасиры. Гренадеры, крича «ура», пробежали мимо каре, ещё шагов двести, по ним ударили кирасиры, с флангов – уланы, гренадеры не успели перестроиться и обратились в бегство. Толпа побежала к спасительному оврагу, смяла стоящее на пути томское каре, в разрыв ворвались уланы, не все: многие были заняты расправой над гренадерами. Правая, большая часть каре успела сомкнуться. Ворвавшиеся в промежуток уланы не смогли вдоволь натешиться: мешал собравшийся строй у них за спиной.

Юный подпоручик в очередной раз отбил шпагой упорно толкаемую в его грудь пику, мелькнула оставленная им зарубка на бордовом древке позади красно-белого флажка. Понимал уже, что долго так продолжаться не будет, что его положение похоже на безнадежное стояние одинокого, безоружного, голого перед злобным голодным медведем... и он услышал, как из его мальчишеской груди на высокой ноте начал вырываться стон...

Нервно поигрывая саблей у стремени, улыбаясь, на Ивана наезжал в диковинном с квадратным верхом кивере, надетом набекрень, длинноволосый всадник с вислыми до подбородка густыми усами. Готовый подставить под удар ружьё Иван держал его перед собой обеими руками и ёрзал на пяточке в ожидании страшной минуты. Когда между ними оставалось шага три, улан привстал на стременах и взмахнул клинком. Иван отпрыгнул вправо, вперёд, успел заметить удивленный, нахмуренный взгляд, и, зажмурившись, ткнул штыком... коня в шею, тотчас горячее брызнуло ему в лицо и на мундир. Конь взвился, Иван увидел перед собой синие штаны с красным лампасом и с бешеным выплеском накопившейся ярости вонзил штык в бедро. «А-а-а, пёс!.. Ку-у-урва!» – закричал улан. Конь захрипел и упал на спину, придавив

всадника. Перед глазами замелькали подковы и стёртые подошвы сапог, а сверху и спереди – вдруг дым, сверкнул огонь, выстрел, толчок в грудь... Покачнулся, опустил голову и посмотрел, где обожгло, увидел: мундир щедро облеплен раздавленными вишнями, а там, где прижались подбородком, ниже справа – дырочка... вот в ней заблестело, и стало расти на глазах чёрное пятно...

Стрелявший улан вставил пистолет обратно в седельную кобуру, с темляка рукою подхватил саблю, занёс её над головой и направил коня на Ивана. Но тот, когда сверкнула молния, уже падал как подкошенный и под рассечённой пустотой опрокинулся навзничь, подвернув под себя ноги и откинув голову на спину подпоручика, павшего лицом в траву. И кровь их на лепестках той дикой гвоздички смешалась...

Улан, накренившись, рассматривал Ивана. К нему, подпрыгивая на одной ноге, стеная и охая, подковылял раненый товарищ и, обессилив, вцепился в гриву коня. Улан ухватил его за пояс, втянул в промежутки перед седлом, оглянулся ещё раз на Ивана, развернул и повёл коня в обход высоты навстречу колоннам, вброд через Колоочь и уже за ней, минуя скопления войск, по полю скошенной ржи – в свой лагерь.

Большая часть каре находилась на полпути к роще, где выстраивались отступившие войска центра. Лево́й, меньшей части, наконец, удалось избежать резни и собраться в кольцо из двух-трёх десятков солдат.

Мимо группы к вершине стороной проезжали порознь или малыми кучками выходившие из боя уланы, чаще, растерявшие пыл – эти молча, бросая косые взгляды – а те, кто сохранил тот пыл – эти, крича и угрожая саблями, пиками, кулаками, бранясь, но на меткий выстрел не приближались. Но находились, кто нарочно опускал пику и направлял коня на солдат, но когда те поднимали ружья, тотчас отворачивал и свысока посмеивался.

Занявший место в кольце гренадер в высоком золочёном головном уборе с кисточкой, с роскошными рыжими бакенбардами, прислушиваясь, поддакивал: он улавливал среди доносившихся ругательств знакомые слова. Крикнул, переиначил последнюю фразу в свою пользу, чуть присел и прокричал её проезжавшему улану, отступав вдогон особый артикул так, что его правая рука, до локтя оголённая, вылетела из рукава, упруго ударившись на гибе о левую, вскинул подбородок и презрительно выпятил нижнюю губу. Улан, откинувшись назад, рассмеялся и, принимая вызов, в своём состязательном жесте обхватил переднюю луку седла, покрутил, изошрённо выругался и, удаляясь, вполоборота добавил незлобно: «Врацам фкрутцэ, пся крев (скоро вернусь, собачье отродье)».

– Всё, ребята, хватит, сомкнись!.. Просто так не отбиться, бежать к нашим надо... Старики, давай, заряжай по две пули, штыками другие

поработают, – Артём говорил быстро, при этом крутился на месте, толкаясь, и нервно оглядывал израненное поле. Что-то не давало ему покоя, и он, бормоча и передёргиваясь, как от кислого, отошёл от своих, часто и коротко взмахивая кулаком у бедра, с ожесточением вгоняя в землю невидимый кольшпек. Рванулся, было, в одну сторону, в другую и увидел, наконец, в стороне то, что искал:

– Ах ты, беда-то какая... – всмотрелся, потрогал... – Ребятюшки! Живой он!

Артём опустил ружьё, быстро снял патронную сумку, тесак, ранец, мундир, оторвал от рубахи рукава и собрал в комок. Встал на колени, освободил на лежащем ранцевую грудную перемычку и втиснул под мундир тот тампон. Заправил плотно и, приводя себя в порядок, крикнул наблюдавшим за ним солдатам:

– Помогите кто!.. Хоть ты, Егор!.. Ванюшка, очнись, родной!..

«Артём», – покойно подумал Иван, услышав знакомый голос в ночи.

– Иван, вставай, вставай, бежать надо... Молодец... Рану зажали... Давай ножками, давай!.. Егор, руку-то его себе на шею забрось!.. Сильно не бегите, круг сохраняй... Знамя у нас! Выше подними!.. Может, наши заметят, выручат... Задние! Как поскачут вдогон, кричи: встанем, биться будем... да поможет нам Бог... Вань, голову не запрокидывай, прямо держи... Ножками давай, давай, пропадём...

Поле пестрело телами, отовсюду неслись стоны и крики. Некоторые раненые сидели или стояли на коленях, опершись на руки, некоторые ползли. Два-три солдата подбежали и присоединились к группе.

А на краю оврага, что был уже далеко позади, выстраивалось полэскадрона уланов. Выравнивали шеренги, успокаивали дыхание, заряжали пистолеты или, спешившись, торопясь, подтягивали подруги. Перед рядами на горячем коне, ронявшем от удил обильную пену, гарцевал нарядный офицер. Он громко кричал, подзывая тех, кто продолжал самозабвенно, выпучив глаза, петь «Ещё Польска не сгинела», отправлял всадников к тем, кто был дальше, те мчались к опьяневшим от боя кучкам и вместе возвращались.

Наконец, ясновельможный пан, обернувшись к своим, протяжно подал команду – всадники опустили пики, и строй ошестинился флажками – взмахнул саблей, ударил шпорами коня, тот присел, рванулся вперёд, и уланы с боевым кличем бросились в погоню.

Беглецы заметили:

– Артём, скачут!

– Стой! Всё, братцы... Сомкнись! Давай, Егор, Ваню здесь положим... Знамя выше! Получше разверни-то! Старики... по две пули!..

Артём обернулся и посмотрел на приближавшиеся с нарастающим воем и топотом шеренги пригнувшихся всадников, на вынесенную ими вперёд неровную, пляшущую цепочку бело-алых флюгеров у

наконечников пик. Не глядя, выхватил из сумки два бумажных патрона, сунул в рот – должны быть под рукой – прикусил. Зажмурился и прошептал сквозь зубы, обращаясь к одному только небу:

– Спаси и сохрани, укрепи... не оставь, родной ты наш... – Артём открыл глаза и мыслью, обжигающей мозг и тело, бросил вызов навстречу своему неизвестному противнику: «Ну, давай, борзый лях! Зараз мы ещё посмотрим, кто – кого».

И в том строю вдруг конь гнедой споткнулся, и пика зацепила землю, вырвалась из рук всадника и другим концом ушла к небу, но успел улан ухватить её за петлю и потащил за собой, оглядываясь и торопясь на скаку выправить...

Спереди закричали несколькими голосами:

– Братцы, драгуны на подмогу скажут, выручили! С нами Бог!

Уланы тоже заметили и, задрав пики, начали расходиться веером, разворачиваясь.

– Давай, мужики, пали ляхам в зад! – прокричал Артём.

Солдаты, оказавшиеся в первых рядах, догадались и опустили на одно колено. Сбившейся барабанной дробью прогремел залп. Артём встрепенулся, вскинул ружьё, выстрелил, шлёпнул Егора по плечу, показав, что попал, вынул патроны из рта и швырнул в сумку...

Когда мимо промчались, казалось, цепляя стремянами, драгуны, и улётся поднятый ими вихрь, гренадер нарочито шумно выдохнул и опустил ружьё на травку. Исподлобья оглядел всех, неожиданно хлопнул себя по коленкам, молодецки закинул руку за голову, другой подбоченился и выписал первое коленце, притопывая и приседая с разворотом. Бодро выпрямился уже весёлый и озорной, распахнул объятия, встряхнул головой и повторил всё раз, другой, раззадоривая себя разудалым гиканьем...

Егор уселся на траву и опустил голову между ног. Кряхтел, кряхтел, ухал, качался, всё же не смог сдержаться и... заревел навзрыд:

– Пропади ты пропадом, царёва служба! – снял кивер и принялся колотить им об землю.

Гренадер остановился и прислушался, утираясь рукавом. Поводил взглядом по сторонам, поднял с земли ружьё, подошёл к Егору и, наклонившись, вполголоса строго укорил:

– Ты чё, балда пехотная, офицеры дознаются, на каторгу пойдешь... А потом, дремучий ты старый лапоть, мы сейчас не царю служим, а Рос-си-и-и!

– Сыночка своего мог так и не увидеть, – простонал Егор: – Меня ж забрали, с дитём я был... С батеи егерями были у барина. Барчук бобрам плотину порушил, я обругал, он – к барину, тот высек и в рекруты отдал.

– Такая наша жизнь... Спросить бы ещё у тех, чья душа нынче отлетела, те б сказали, – посочувствовал ему Артём и, вспомнив своё, повеселел: – А давай лучше Ваню спросим, какие приветы привёз он Кирюхину Егору. Вань, слышал?

Иван хотел сказать, но закашлял кровью.

– Ладно, Ванюшка, тише, тише.

– Дядь Егор... внучок у тебя на Рождество родился... Егорка, – и Иван откинул голову на траву.

Егор заулыбался, оборачивая ко всем счастливое и чумазое в разводах лицо. Внезапно он почернел и поднял голову к небу:

– Господи, за что ты меня так наказываешь!..

Помрачневший Артём горестно вздохнул, огляделся, увидел знамя, и в его глазах вновь вспыхнул огонёк:

– Быть тебе, Фрол, с Георгиевским крестом!

– Брось, чего там... аккурат, пятый я, кто сегодня это древко держал.

– Э-э, нет, Фрол! А кто ещё вспомнит простого Петра да Ивана, из чьих рук ты знамя поднял? Вот и будешь по праздникам поминать друзей этих павших до конца дней своих. Как вынешь из сундучка крестик, изба засияет, а ты слезу утрёшь, и ребята там тебе улыбнутся...

С внешней стороны солдаты закричали кому-то:

– Эй, деревня, давай сюда! – и своим: – Расступись: за ранеными пришли.

Протиснулись ополченцы с носилками. Один из молодых будто обиделся, но возразил дружелюбно:

– Какая мы «деревня», мы посадские из Рязани.

Другой посадский мужичок подошёл, глянул на лежащего Ивана:

– Донесём ли: в крови ж весь – истечёт!

– Ты давай не свисти: то его забрызгали из жил французский улан да конь его. Поспешай, братцы, дорог он нам...

Ополченцы, показав мокрые чёрные спины, помчались, скособочившись и топоча, к роще, за ней – в лазарет.

– И нам следует поторопиться, некогда отдыхать, – и Артём забросил ружьё за спину.

К солдатам, пыля, скакал от линии отступивших войск всадник. То был адъютант полка Свиридов. Осадил коня, продолжая придерживать кивер. По тому на кого и как смотрели, переглядываясь, солдаты, поняли, что главные в эту минуту – он и Прохоров. Поручик, считавший до сих пор войну увлекательной экспедицией, ни разу не был в настоящей схватке и ни разу не заглянул в глаза врагу. С изумлением и с долей непонимания смотрел он вниз на обращённые к нему грязные лица. Подкрадывалось и уже заявляло о себе чувство восхищения русским солдатом и своей собственной ничтожности, но не было времени

разбираться в этом: всё будет потом, а в эту минуту оно подсказало соскочить на землю:

– Кто старший в команде? Солдат, товарищи на тебя указывают.

– Прохоров 39-го Томского, ваше благородие!

– Полк ждет вас у того мыска. Не задерживайтесь! Заминка окончится, вмиг раздавит.

Свиридов вставил ногу в стремя и, перекинув другую через круп, сел в седло. Лошадь под ним заходила, грызя удила. Но, не сказав главного, он не мог покинуть это место:

– Слава вам, герои! Знамя при вас, честь ваша и наша при вас! – развернул лошадь и пустил её мелкой рысью к мыску: пропало желание мчаться в упоении по полю битвы...

Ивана внесли в санитарную палатку, пропитанную запахом солдата на войне: кострами, дёгтем, сапогами, потом и кровью. Медики в белых фартуках, окружив столы тремя-четырьмя кучками, стояли и, склонив головы, делали свою работу. Санитары перенесли Ивана на освободившийся стол и уложили на влажную простыню.

– Ну, солдат, как тебя зовут? Постарайся... Пишите, сударыня: Иван Лазуткин, Томский... Записали? Потерпи, осмотрю я тебя. – Доктор со стёклышком в глазу и с цыганским ликом перевернул Ивана на живот и начал ощупывать, мять спину.

– Барин! Нет там ничего! Я грудью шёл, ваше благородие!

– Знаю... Пишите: слепое ранение в грудь... Знаю, там нет места, где трусу спрятаться... А мне надобно выход осмотреть: если пуля близко, достанем тебе на память, на поправку здесь и пойдёшь... Рана высоко... Кашлял кровью?.. Значит, лёгкое зацепило, будем надеяться, не опасно... Кто был против вас?.. У уланов при седлах есть пистолеты... Если б он тебя пикой, здесь бы не лежал. Молчи-молчи... Сударыня, готовьте к операции, водки дайте...

– Очнись, солдат, – услышал Иван. – Ну, как, стало легче? Мы у тебя из спины пулю вытащим. Больно будет, не очень. А ты поругайся. Мы всем разрешаем. А потом отдохнёшь, поспишь. Ну-с, приступим... Чего ж ты терпишь? Зубы сломашь, герой!.. Ругайся же!

– Маменька не велит, – с трудом произнёс Иван.

– Сударыня, палочку ему в зубы!.. Молодец!.. Сколько мы героев повидали с вами сегодня. Никогда не забудется... Всё, солдат! Мы своё дело закончили, зашьём тебе рану и ты – вольный... Мачты бы делать из таких богатырей, чтоб ни перед какой бурей не гнулись!.. Смотри, солдат, в этом узелочке пуля на память, рядом кладу... Выздоровливай, герой!

Санитары, забирайте! Посадите, и под спину ещё подушку. На месте дать ещё водки: ему надобно поспать.

Вечерело... Каноада стала затихать, а мысли приобретать ясные очертания. Повернул голову – татарин рядом, в одной руке перебирает чётки, другая забинтована и высоко поднята, как перебитое крыло, почувствовав взгляд, обернулся, оживился:

– Конь на меня с обрыва упал, косточки поломал, и пуля в ногу была. Рашид я Валиев, а ты?

Иван попробовал ответить: «И-и-и-и... И-и...» – и понял, что ему не то, что говорить, кашлянуть, хмыкнуть, вздохнуть трудно. Подышал, прислушиваясь к боли, и заговорил медленно, негромко, с паузами:

– Иван... Лазуткин... В грудь...

В начале рядов закричали, отыскивая нужного солдата:

– Ива-ан! Ваню-юшка-а!

Из разных концов отозвались Иваны. Тогда голос позвал иначе:

– Лазу-utki-ин!

Иван завозился, захлопал ртом, как карась на берегу, но крик из его груди не выходил. Рашид догадался, сел на подстилке и поднял здоровую руку, замахал, закричал:

– У меня твой друг! Мы вместе тут!

Те только услышали, как уже бежали по тропинке, перепрыгивая через голые ноги особо рослых раненых в крайнем ряду:

– Иван, племяш, как ты? Вижу, вижу, помолчи. Грудь-то болит? А мы раненых на поле собираем и приносим: после боя обычное дело. Слышь, утих он, бой-то, как гроза: налетела, напугала и утихла, – Артём повернулся к Егору и признался в сокровенном: – Веришь, Ванюшка мне племянником мог стать. С Полюшкой, с тёткой его, когда молодые были, любили друг друга. Давно: считай, двадцать два минуло, как Исмаил брали... Во-о!

– Дядя Артём!.. Не пойму, тот улан... кричал, вроде, по-нашему: «Пёс, курва»... О том всё думаю, – слабым голосом спросил Иван.

– Не терби душу: лях то, жолнер их. У француза его тьма. Он тебя гулящей бабой обругал, а по-нашему ты б услышал «собака» и «б-дь». За бой этот ещё медаль получишь, унтер божился, что скажет командирам. Наш-то поручик тоже видел, помнишь, цел и он... Не беспокойся, свидимся: все раненые в полк возвращаются. А нам, коль устояли, на завтра очередь на француза идти. Посмотрим, как он держаться будет: под ним земля-то чужая, даже угла своего нет. Должна она его сбросить... А мы с тобой да со всем народом – самые богатеи: вон какая у нас Родина великая, а в ней наша колыбелька. Так, Егор? Как не подраться за неё...

От автора:

Генерал-майор Вольдемар фон Левенштерн в мемуарах («Русская старина», 1900-1902 гг.) описал атаку Томского полка на батарею Раевского и свою роль. На батарее фельдфебелем полка Золотаревым был взят в плен генерал Бонами. Позже батарея была захвачена дивизией Жерара, кирасирами Коленкура (брат министра иностранных дел Франции, погиб на батарее) и уланами Рожнецкого.

Генерал Лихачёв получил множество ран, и он единственный, кому на батарее французы, изумлённые его храбростью, сохранили жизнь. На поле боя Лихачёв был представлен Наполеону, но отказался принять свою шпагу из рук врага.

За участие в Бородинском сражении подполковник Попов был награждён орденом Св. Анны 2-й степени с мечами, майор Крутых – Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом.

ТЫ ПРОПОЙ, КУКУШКА, МНЕ

(Военная драма)

*Всем нашим пацанам, не вернувшимся
с той войны*

1. На высоте

Северо-Западный фронт, август 41-го. Леса и болота, и снова они же: болота, леса... На дорогах разбитая техника...

Из посёлка торфоразработчиков на высокую дамбу выскочили мотоциклы с немецкой разведкой. Не снижая скорости, круто развернулись, выбросили перед собой длинные горбатые тени и замерли в стремительном полёте, подгоняемые лучами заходящего солнца. Половина назначенного им маршрута пролегла лесом, другая – краем болота, а конечный пункт – перекрёсток дорог перед следующим лесным массивом. Промчались по лесному участку шоссе, выехали на открытую местность и остановились. Отсюда до перекрёстка километра три, слева начинается болото, справа – пустынная равнина с редкими зарослями кустарника и мелкого березняка.

Разведчик с головного мотоцикла, привстав с заднего сидения, минуту всматривался в бинокль в кромку леса, едва видимого в вечерней дымке. Прищурился, улыбнулся и пошевелил губами – он нашел вдали нечто интересное для себя. Обернулся к другим и задорно им что-то прокричал, стоя, будто на стременах – в душе он представлял себя во главе конного разезда прусских уланов на красивой войне. Опустился в седло, закурил и широко махнул рукой вперед.

Сопровождаемые надрывными криками чашек проехали на малой скорости ещё километр-полтора. Аккуратно, чтоб не сорваться с высокой дамбы, развернули мотоциклы назад к посёлку. Романтик взобрался на один из них, поводит биноклем по горизонту и подозвал товарища. Тот кивнул, быстро спустился с насыпи, сполоснул руки в лужице, вытер о себя, поднялся и со слов старшего начал наносить данные на карту... Со стороны леса чуть слышно протарахтела длинная пулемётная очередь, следом несколько пуль чмокнули в болото, и две-три с недолётом щёлкнули по полотну шоссе. Разведка свою задачу выполнила и отправилась в обратный путь, не мешкая...

На центральной площади посёлка в здании правления, что пряталось за бетонной спиной вождя мирового пролетариата, расположился немецкий штаб. Офицер разведгруппы вбежал в здание, с изящной лёгкостью козырнул седому полковнику, развернул на столе карту и

доложил обстановку. Полковника более всего заинтересовал фланг противника, примыкающий к болоту. Цель завтрашнего наступления – тот самый перекрёсток, взятие которого обеспечивало прорыв танков к железнодорожному переезду. На карте через болото проходит пунктирная извилистая линия. Если ударить с этой стороны, противник у леса будет вынужден оставить позиции и сдаст перекрёсток.

Минут через пять в штаб привели двух местных жителей. Полковник подозвал к себе офицера-переводчика, очертил фрагмент карты палочкой, поводит ею по пунктиру, вполголоса объясняя цель предстоящей беседы, кивнул в сторону местных и присел, с любопытством разглядывая невысоких заскорузлых деревенских мужичков. Молодой напуган, прячет взгляд, мнёт кепку. Пожилой, напротив, выражает готовность и подчинение: прижал ладони к бёдрам, вывернув локти наружу, и не сводит с офицеров глаз, задрал подбородок. Переводчик с картой в руке начал с него. Все вопросы старик выслушивает, повернув к нему голову и наклонив её к плечу, а отвечает, подняв и повернув к полковнику.

– Посмотри-ка сюда, старик. Это ваша деревня, шоссе, болото. Понимаешь?

– Никак нет, ваше благородие, не обучен, – не глядя на карту, без заминки ответил старик.

Мгновенная реакция вызывает у переводчика недоумение. Офицеры перебросились несколькими фразами, затем переводчик еще раз обратился к старику:

– Господин полковник спрашивает тебя: это дорога? Пройти по ней можно?

– Ваше превосходительство! Боюсь, совру – сколь уж лет на болото не хожу, – нашёл оправдание старик.

– Когда отвечаешь, говори: господин полковник!

– Не могу знать, господин полковник! По картинкам не обучен!

– Серая скотина, – вполголоса произнёс переводчик.

– Так точно, ваш-бродь! – как на смотре, гаркнул дед, съел переводчика глазами и прихлопнул каблуками кирзачей.

Полковник всё это время с интересом наблюдал за поведением мужика, затем выслушал скупой перевод. Между ним и переводчиком вновь состоялся короткий разговор, и обратились теперь уже к молодому парню:

– Ты – комсомолец?

– Я, как все. Меня заставили. А иначе хозяйство отобрали бы и отправили на поселение, – голос задрожал, глаза забежали: хочет, чтобы верили.

– Ты должен знать, что Великая Германия превыше всего ставит умного, преданного рабочего человека, который на правах сильного будет владеть миром. Наши праздники тоже с красными знамёнами и демонстрацией! Те же цели, но всё честно и справедливо, без иллюзий. Скажи нам, что это за дорога через болото?

– Зимник, господин полковник! – успокоился: вопрос без подвоха и опасным не кажется.

– Что это значит?

– Старая зимняя дорога, господин полковник! Ездили по ней только зимой на санях. А летом можно пройти, чтоб не увязнуть. Лошадь без телеги пройдет. Нынче сухо: не весна и не осень – за час пройти можно. А от шоссе к его началу по этой просеке доберётесь за двадцать минут, а с грузом – за полчаса, точно. По карте я понимаю, географию в школе проходили, – уже осмелел, в интонации появилось искреннее стремление угодить.

Дед посуровел, подбородок опустил и из-под косматых бровей смотрит в глаза своему вождю на переходящем Красном Знамени. Что в его взгляде: вопрос, надежда, оправдание, укор?.. Полковник выслушал перевод, не стал скрывать, что доволен, и обратился к старику. Дед вздрогнул и вновь преобразился. Переводчик – а может быть, он вовсе и не переводчик – понял, что его работа удалась, и позволил от себя кое-что добавить:

– Нам известно, что ты – председатель. Колхозы и прочая власть сохраняются. Ожидай прибытие представителей германской администрации. А пока добросовестно исполняй свои обязанности, трудись, как прежде: по-ударному. Вижу, ты верный солдат своего государя-императора – выведешь к трём утра на центральную площадь двенадцать лошадей с упряжью под вьючный груз.

Полковник подвёл беседу к завершению: со словами встал, взял со стола пачку сигарет и передал переводчику. Тот выслушал его и обратился к вчерашнему комсомольцу:

– Ты – умный, смелый и волевой человек. Утром пойдешь с нами, проводишь на ту сторону и заберёшь лошадей назад. Это твоя первая награда – превосходные германские сигареты, чудесный турецкий табак. Хватит вонючую махорку сосать – начинай жить по-новому! Более не задерживаем вас, господа мужики – до трёх свободны оба... Хальт! Отставить! Семья того, кто не явится в назначенное время на площадь, будет расстреляна. Ступайте...

Тем же тревожным августовским вечером у железнодорожного переезда из вагонов выгрузился стрелковый полк и всю ночь ускоренным маршем догонял убегающий багровый закат, оттесняя на обочину

встречный поток беженцев. Ближе к утру шоссе вывело колонну из леса, и полк соединился со своей дивизией, образовав её правый фланг. Под вспышками далеких зарниц сделали короткий привал, командиры посовещались, и полк разделился: первый батальон остался прикрывать позиции «сорокапятков», установленных вечером в поле у перекрёстка, а два свернули вправо на просёлок. Минут через пятнадцать разделились и эти: головной, не останавливаясь, продолжил прямо, а три роты второго и сводная миномётная рота свернули с дороги влево, миновали небольшую деревню, преодолели пологий подъем и заняли на рассвете наспех вырытые кем-то окопы на лысой возвышенности – успели! Наскоро выставили внизу слева передовой пост – отделение с пулемётом «максим». Бойцы быстро окопались в кустарнике на склоне и затихли.

В тылу, позади высоты, остались деревенька, просёлок, за ним – лес. С трех сторон спереди – обширное моховое болото, через него с запада на восток к высоте выходит зимник.

Двумя часами позже по зимнику к краю болота приближалась колонна немецкой пехоты, всего батальона два. Впереди – головной дозор, слева и справа – два боковых охранения, за дозором повзводно – основные силы. На тяжёлом маршруте шеренги в колоннах превратились в три-четыре петляющие вереницы. Солдаты устали: они сосредоточены, утомлены, качаются, падают, смотрят только под ноги и молчат.

Дорогу головному дозору показывал молодой парень, вчерашний комсомолец. В середине колонны шли лошади, гружённые боеприпасами и миномётами, переднюю вёл дед, председатель колхоза. Парень показал офицеру ориентир впереди на краю леска и что-то спросил у него, махнув назад. Офицер кивнул. Парень побежал к лошадям и принял узду у деда. Тот отошёл в сторону, подождал и пристроился за последней лошадью.

Головной дозор и боковые охранения начали втягиваться в лесок. Участок леса перед высотой был не так уж и велик, и головной дозор скоро вышел на опушку у подошвы высоты. Передовой пост русских, торопясь, обстреливал авангард немецкой пехоты. Немцы, отстреливаясь, отошли, завязалась перестрелка, к ней подключились боковые охранения.

Над болотом полетели команды: «форвертс», «шнелль». Из-за высоты донеслись чуть слышные хлопки – выстрелы минометов. Первые мины упали с перелётом, на болото. Пехоту подгонять не пришлось, она спешно бросилась к леску.

Парень, что есть сил, потянул лошадь за узду и дико закричал: «Давай, дура!» Ноги его заплетались, свободная рука цепляла мох, губа отвисла: им овладела паника. Недалеко разорвалась мина. Рука парня потеряла узду, и он по инерции полетел вперёд и вниз, упал лицом в жижу на тропе, разорванной десятками сапог. Часть его тела ниже пояса задёргалась, верхнюю парализовало, а вокруг ушей закуружили пузыри.

Дед рванул к парню, схватил за ватник и отбросил лицом вниз на ближайшую кочку. Схватил лошадь за узду и поспешил отвести обоз в лесок. Сзади остались судорожные, короткие вздохи вперемежку с кашляющим визгом.

Сделав три-четыре пристрелочные серии, батарея на высоте перенесла огонь в лес и перешла на «беглый огонь»: разрывы мин стали сплошными. Немцы в лесочке рассредоточились и отправили на фланги два пулеметных расчёта.

Внезапно обстрел прекратился, за ним стихла и перестрелка. Передовой пост перебежками вернулся в свои окопы на высоте.

Немцы указали деду, куда отвести обоз, распрягли, сняли груз. Показали, где поставить лошадей, сами приступили к подготовке миномётной площадки. Выслали в обе стороны разведку, связались по радио с тылами, разожгли костры и занялись приведением себя в порядок.

Дед, торопясь, отвёл лошадей, подвязал и, никого не предупредив, побежал на болото к тому месту, где он оставил парня. Тот лежал в прежней позе: лицом в кочку. Между лопаток из ватника торчала чистая вата. Дед перевернул парня на спину. Вид был ожидаемый: выпученные глаза, рот разверзнут, грудь в крови. На вдавленном месте кочки, где была грудь – пачка немецких сигарет, залитая кровью.

Дед с гримасой боли на лице огляделся вокруг и закричал, тормоша парня: «Андрейка! Я похороню тебя, обещаю! – Всклипывая, добавил: – Б-дь! Что ж я мамке твоей скажу-у...»

Продолжая тихо выть, стянул с Андрейки брючный ремешок и подвязал убитому челюсть, попытался закрыть глаза. Перевернул Андрейку лицом вниз, спрятал его руки под тело и принялся отрывать пластами мох и забрасывать голову убитого. Закончил, перекрестился, покрутил головой, запоминая место. Не доверяя себе, достал серый платок, привязал его к чахлой сосёнке и побежал к лошадям.

У коновязи деда поджидал офицер с солдатом, наблюдал, как тот бежал по болоту, напоминая своим видом клеща: коренаст, кривоног, криворук, лицом дик. Когда дед подбежал и встал навтыжку, офицер брезгливо заговорил по-немецки: «Где тебя черти носят, старая обезьяна?.. Впрочем, ты мне больше не нужен». Офицер повернулся к солдату: «Покоя не будет, когда за спиной такие уроды, верно Шмитт? – Солдат кивнул. – Невыполнение приказа... Убери его».

Солдат взял деда за плечо и рывком потребовал развернуться. Толкнул в спину, направляя к болоту, толкнул ещё и ещё. На ходу снял с плеча карабин. За ними равнодушно наблюдали отдыхающие солдаты. Метров через пятьдесят солдат без предупреждения выстрелил деду в затылок. Подойдя к своим, он скривил губы, сморщился и ладонью

свободной руки сделал короткое горизонтальное движение – жест, отмечающий завершение неприятной работы.

Жаркий воздух застыл. Наевшись дыма и пыли, бурое облако не собиралось так скоро покидать позиции наших рот. Это отчасти выручало тех, кто под облаком. Однако портило, раздражало и отвлекало внимание Ивана горсть камушков и сухой земли за голенищем и другая горсть за воротом и между лопаток – пару минут назад за его спиной разорвался снаряд, забросав окоп землей. Захотелось отставить винтовку, сесть и высыпать весь этот мусор из сапога, и гимнастёрку снять, вытрясти. Иван наклонился, попробовал вытряхнуть комочки рукой из-за ворота, но только грязь размазал по мокрой коричневой шее, да часть мусора переключивала в стриженные волосы. От этого стало вдвойне противно. Он присел на дно окопа, снял сапог, постучал и высыпал землю. Перемотал портянку, обулся, привстал, пригнувшись, попрыгал – порядок! Отёр руку о штаны, вытер пот со лба, провел рукавом по глазам и бровям, стирая разъедающую соль с лица, поправил на голове раскалённую каску. С трудом проглотил слюну, повторил несколько раз, пока не убедился, что может ворочать языком, и перестало сухостью раздражать рот.

Это место в окопе третьего взвода второй роты не его – Елисеева, а его место было здесь рядом, сейчас оно завалено землей от разрыва бомбы. Ивану повезло: его не было в окопе. Когда ближе к полудню, жутко завывая, налетело звено «юнkersов», все попрятались по щелям. А он не мог и от того почувствовал себя незащищенным, и, зажав уши, отбежал за поворот в узкий извилистый ход сообщения. А не мог спрятаться из-за того, что не выдержал перехода, отложил «на потом» копать себе щель в стенке окопа и задремал. Да, ему повезло! А здесь утром обживался молчаливый Елисеев, обживался да не успел. Это ему, бедолаге, не повезло, вот и лежит он на дне окопа с каской, прикрывшей рассечённое лицо. Не повезло и Сергею, их лейтенанту, с которым взвод дошёл до этой высоты от подмосковных лагерей, где формировалась их дивизия. Значит, не повезло и всему их взводу.

Иван, повозившись за спиной, достал лопатку и сделал в бруствере справа от себя полочку, утрамбовал со всех сторон выемку, убрал лопатку, поднял елисеевскую пилотку и пристроил ее на земляной полочке корабликом. Вынул из подсумка и положил в ту пилотку гранату, другую такую же, ближнего боя, сунул в карман галифе, опять туда же, в кораблик – обойму. Немного подумал, всматриваясь в сторону противника, и примкнул штык. Повернулся влево к новому своему соседу. Тот не молод, за сорок будет – солдат последней войны, обстоятельный мужик, свой.

– Даёшь-даёшь, дядя Матвей! – празднично, как перед строем, прокричал Иван.

– Дадим-дадим, Ванечка! – бодрым баском откликнулся старый солдат: – Однако будь повнимательнее, сынок. Не увлекайся! Гляди в оба! Особенно, вправо – ты с краю! Жаль, нет лишнего пулемёта: тут ему самое место.

К окопам приближались тёмные фигурки, выйдя цепью из мёртвой зоны ниже пологого склона. Фигурки на бегу непредсказуемо меняли направление, а от того казалось, что делают они это суетливо и бесполово. Они часто залегали, стреляли, поднимались и снова бежали. До них ещё было метров триста. С той стороны уже слышны подаваемые команды и прилетали, коротко посвистывая, невидимые пульки. Некоторые надсадно взывали, давая знать, что это рикошет, и уходили в безоблачное небо. Чтоб не зацепить своих в атакующих цепях, немцы несколько минут назад прекратили артобстрел. Тревожило, что обстрел позиций вёлся не из немецкого тыла, а справа, на слух батареими, установленными в полутора-двух километрах. Когда батареи замолчали, треск выстрелов со стороны атакующих показался игрушечным и совсем не опасным. Но вот когда на флангах цепи начали пристрелку их пулемёты...

Сзади размеренно застучали миномёты. В цепи появились всплески разрывов. Противник ответил тем же, стараясь накрыть позиции миномётной роты. Над окопами в обоих направлениях по невидимым траекториям полетели мины – от нас, шурша, от немцев, завывая. Миномётам пришлось работать по двум целям, завязалась дуэль...

С нашей стороны раздались одиночные выстрелы, хотя командир передавал по линии, чтоб берегли патроны. Он совсем ещё мальчишка, их новый командир. О нём пока ничего не известно: как звать, воевал ли, что закончил, откуда. Незнакомый младший лейтенант, вроде бы политрук из миномётной роты, с неполным ящиком патронов на плече появился час назад со стороны комбата. Собрал сержантов и объявил им, что с этой минуты вступает в должность и принимает обязанности командира их взвода...

– Ванюша! Ты пока присядь, что ли, а я понаблюдаю, – крикнул Матвей.

Иван сгримасничал, наморщив нос – обычная реакция на надоедливую заботу старшей сестры, ничего не понимающей в мальчишеских делах. Бросил взгляд на прицельную планку и ещё раз убедился, что она поставлена на прямой выстрел. Вздохнул и неожиданно ощутил, что успокоился, а коли так, навалился грудью на стенку окопа, снимая напряжение, и стал внимательно вглядываться в фигурки, намечая цель среди тех, кто шёл на него. Выбор пал на крупного немца, который

менее других петлял на соединявшей их линии. Иван поискал прикладом в плече самое уютное место, прижал и навёл винтовку, затих до поры, не изнуряя себя точным выцеливанием... Расстояние сократилось до сотни метров, вот стало заметно меньше, а вот и еще... Пора бы!

Слева кто-то по-юношески крикнул, там же загредел свой «дегтарь», и вслед ему, дав первый нестройный залп, дружно забили трёхлинейки. Иванов немец, похоже, не попал в сектор стрельбы пулемета и пуль не испугался, а потому в его поведении ничего не изменилось. Так что Иван без упреждения, целясь тому в грудь, нажал на спуск. Как это бывает, своего выстрела он не услышал, но почувствовал, как скоба ударила по пальцу, а ложе шлепнуло по щеке – расслабился! Немец споткнулся, сделал, подпрыгивая на одной ноге, несколько неуверенных шагов, опустился на колено и лёг – ранен! Надо плотнее прижать приклад и не дёргать: мягче, мягче давить на спуск! Иван передёрнул затвор, отметил, что его немец лежит на спине, не пытается стрелять, а руки его мелькают сверху, наверное, собирается делать себе перевязку. Иван выбрал другую цель, то был немец, который с колена вполоборота к нему бегло стрелял из карабина в сторону ротного пулемёта. Иван прицелился ему в бок на уровне груди, выстрелил и увидел за немцем пыльный всплеск своего попадания ниже пояса, быстро передёрнул затвор, прицелился выше, в плечо, и сделал боковую поправку по предыдущему попаданию. Начал плавно давить на спуск, удерживая гуляющую мушку на цели... Винтовка подпрыгнула – третий выстрел! Немец стал медленно поворачиваться к Ивану, но вдруг обмяк и, сгорбившись, уткнулся в землю перед собой.

Неожиданно по брустверу и перед ним забегали фонтанчики пыли, в глаза брызнул песок, и в общем хаосе слух выделил совсем близко автоматные очереди. Иван обернулся на выстрелы – справа к нему бежали трое, до них оставалось всего метров тридцать, крутят от пояса «шмайсерами», в глазах ненависть, ярость! Он быстро присел, схватил с бруствера гранату, выдернул чеку, секунду с расчётом помедлил, швырнул. Там же внизу на корточках передёрнул затвор, вставил приклад в плечо, приготовился. После разрыва вскочил на ноги, повернул винтовку на немцев, успел заметить, что один лежит, второй приставными шагами уходит в сторону и начинает заваливаться, согнувшись и прикрывая глаза ладонями. Иван прицелился в третьего, который торопливо, промахиваясь, вставлял магазин. Выстрелил, увидел, что попал, и после, оцепенев, не мог какое-то время оторвать глаз от кованой подошвы чужого сапога, пока ту сотрясала мелкая дрожь... В эти секунды Иван понял, что это значит «солдат», что он может убивать врагов, и он должен делать это умело.

Огляделся, прикинул, что в магазине остался последний патрон и что его немец расстался с жизнью, растеряв время на перезарядке. Вынул из елисейской пилотки обойму, оттянул затвор, вдавил большим пальцем четыре патрона из пяти в магазин и дослал патрон в ствол. Не так-то плохо

держимся, подумал он, заметив, что немцы, кто залёг, а кто, пригнувшись, начал отходить. Сосредоточился и стал выбирать новую цель. Трель свистка и крик заставили его повернуть голову – это командир вскочил на бруствер окопа и размахивал своим ТТ на шнурке, а справа и слева от него уже поднимались красноармейцы. Они начинали кричать «ура» ещё в окопе, кричали, ободряя себя, выкарабкиваясь наверх, и на бегу на каждом выдохе, доводя крик до неистового, объединяющего бойцов протяжного вопля: «а-а-а...».

Иван свистнул Матвею, оба переглянулись, кивком и улыбкой поздравляя друг друга с отбитой атакой, мол, живы, тут же заорали тем же воплем и начали выбираться наверх, сосед, как заметил Иван, с обречённой улыбкой.

– Немцы патронов не жалели, им теперь и стрелять-то нечем! – успел крикнуть Иван Матвею.

Матвей не ответил, он уже бежал вперёд и вниз, втянув голову в плечи. А Ивану, невысокому парню, никак не удавалось выбраться: стенка окопа осыпалась, бруствер не держал и съезжал вместе с ним вниз. «Не обижайся, друг», – подумал нервозно раззадорившийся Иван, поставил ногу Елисееву на грудь, положил руки за бруствер и, подпрыгнув, выбрался из окопа. Каска сразу же начала летать и биться на его голове, он на бегу поймал кончик ослабленного ремешка и потуже затянул его. Это будет его первая атака, гордо запрыгали мысли в голове. Нет, это не атака: он же не штурмует вражеские позиции, он гонит фрицев! От этого стало легко и весело и совсем не страшно. Восторженно отметил про себя, как празднично на жале четырёхгранного штыка засеял лучик, как приветственно над ним засвистели перепёлкой редкие пули.

Внезапно он наскочил на раненого им в ногу врага и, тормозя, упёрся перед ним в землю так, что подошва у сапог затрещала. Остановился, хрипло и со свистом дыша. Бледный, небритый парень лежал на спине и, не мигая, смотрел в небо. Выше колена Иван заметил дырочку на обильно залитых кровью брюках, на земле лужу загустевшей крови, на груди разорванный пакет и бинт во все стороны восьмёрками. «Не смог жгут наложить, вот и истёк кровью. А могло и шальной пулей», – мелькнуло в голове.

Неожиданно слева, как будто спрессованные в одно мгновение, в одно действие и ослепительный огонь, и тугой жар в лицо, и хлесткий рывок за правую кисть. Ивана толкнуло туда, куда звал за собой командирский свисток: вперёд за врагом, гнать, бить его и не жалеть, но почему-то ноги начали отставать от центра его мира, огромная земля, покрытая серой коркой и редкой сухой травкой, встала перед ним на дыбы и понеслась навстречу. Эта корочка ударила Ивана по лицу, в глазах блеснула молния, через секунды сверху густо осыпало землей...

Ивану показалось, что обстрел прекратился так же внезапно, как и начался. Он понемногу пришёл в себя и понял: с ним произошло то, что гонит прочь в мыслях каждый соприкасающийся со смертью – то, что могло произойти с кем угодно, но только не с ним. Прислушался и отметил боль в правом подреберье, не дающую сделать полный вдох, что онемело тело в середине, у пояса. Перевернулся на спину и, втягивая распухшим носом свернувшуюся кровь, полежал минуту, отдышался, приподнял голову. Там, где должна была быть пряжка – ни её, ни ремня, только напитавшиеся алой кровью лохмотья гимнастёрки и нательной рубахи. В стороне увидел свою трёхлинейку с расщепленным прикладом, выругался и заставил себя вспомнить, что же произошло. Да – был взрыв слева, да – осколок ударил в приклад и, наверное, по пути зацепил живот. Поднял правую руку – она цела, но не сгибаются пальцы, и кисть раздуло, похоже, осушило ударом.

«Только бы ранение было скользящим, не проникающим, только бы внутренности целы... Надо быстрее найти такое место, где можно сделать перевязку», – рассудил Иван и перестал проявлять интерес к тому, что происходит вокруг.

Повернулся на левый бок, приподнялся, опираясь на здоровую руку, и встал на одно колено, затем во весь рост, покачиваясь. Теперь Ивану стали слышны гул высоких самолётов, далёкая канонада, где-то постреливают и урчат моторы. А над его полем – тишина, и пыльная завеса стоит до небес, не колышется, скрывает и наших, и тех. Иван, переступая, как пьяный, задрал гимнастёрку и осмотрел живот. Оторвал чистый клочок от рубахи и вытер кровь. Увидел две глубокие поперечные раны, захватывающие правый бок, удивило, что кровь не шла, лишь кое-где сочилась понемногу. Надул чуть живот, преодолевая боль – кишки не появились. Ладно, перевязка подождет. Морщась, опустился на колени перед своей винтовкой, передёрнул пять раз затвор, собрал выпавшие патроны и ссыпал их в карман, отомкнул штык, сунул за голенище, заметил в стороне свой подсумок. Поднялся, опираясь на ствол винтовки, и огляделся вокруг – поле со всех сторон показалось ему одинаковым. Запрокинул голову – сквозь мглу тускло сиял солнечный диск. Выбрал направление на восток и побрёл к своим, высматривая, не попадётся ли исправная винтовка. Скоро наткнулся на тело бойца, узнал в нём Макарова, слесаря из Серпухова. Снял ремень со всей амуницией, подпоясался ниже раны. Поднял трёхлинейку, проверил, закинул за плечо и, повернув влево, уже увереннее направился к своему окопу.

По-суворовски, на заднице сполз в обрушившийся окоп. Нашёл свои вещмешок и скатку, вынул гранату из кармана штанов, рассовал боезапас, добавил елисейевский. Иван осмотрел себя – гимнастёрка от ворота до полы задубела от крови, спереди дыры, в таком же состоянии и нательная

рубаха. А Елисеев убит осколком в голову, обмундирование его относительно чистое. Вблизи никого, и Иван решил, не откладывая, переодеться. «Юра, ты простишь меня, правда», – подумал он и с отвращением к себе начал снимать с убитого гимнастёрку и рубаху. Отцепил с его петличек сержантские эмалевые треугольники. Снял лохмотья, переложил содержимое карманов и накрыл Елисеева своей гимнастёркой. Обругал себя ещё раз. Оторвал чистые куски от рубахи, достал склянку с йодом, намочил тампон, морщась, протёр вокруг ран на животе, набрал ещё и, сжав зубы, густо поводит по самим ранам. Оценивая на выходе их правый край, подумал, что ребро наверняка зацепило, потому и дышать трудно, и гнуло его, как после удара в печень. Собрал вместе все чистые обрывки рубахи, сверху приложил пахнущие медсанбатом развёрнутые тампоны. Прикрыл всем этим рану и, окружив себя несколько раз бинтом, закончил перевязку, осторожно оделся, опустил гимнастёрку и прижал ремнём тряпье на ране.

Всё это время с нарастающей тревогой оглядывался по сторонам, пытаясь увидеть или услышать товарищей, и догадывался уже, что в окопе он один, что товарищей, скорее всего, нет. Надел вещмешок, скатку и пошёл по окопу к ячейке, где в бою находился их командир. Издали увидел ручной пулемёт с загнутым в небо стволом, тот походил на богомола с перебитым хребтом. Подошёл – на месте пулемётной ячейки угадывалась небольшая воронка, по краям – искалеченные взрывом тела пулемётчика и их нового младшего лейтенанта. Постоял над ними... Да, он был без сознания, лежал там, а здесь шёл бой... Понимание того, что ему опять в чём-то повезло, было отвратительным и вынудило его ещё раз вполголоса выругаться. Взял командирскую полевую сумку, развернул и увидел карты и компас. Вынул из нагрудного кармана документы, убрал в сумку, поднял с земли и туда же бросил начатую коробку «Казбека», уложил в кобуру пистолет.

«Эх, братцы... Нельзя, чтоб записали «пропал без вести»... А может, и записывать некому будет»... Продолжая двигаться по окопу, осторожно присаживался, ощупывал карманы гимнастёрки и, если находил красноармейские книжки, почти все новенькие, то укладывал их в полевую сумку, не пропуская и редкие боеприпасы. Добрался до тупика, выбрался из окопа наверх. В голове забулькала, заходила от виска к виску задремавшая, было, боль. Вышел на макушку к окопам первой роты, где находился комбат, и огляделся. Тишина. Бойцов не видно ни живых, ни мёртвых. А здесь убитых, похоже, успели собрать и похоронить в середине окопа, свалив землю с бруствера – это место сразу бросилось в глаза. Ниже по склону в сотне метрах виднелись разбитые позиции миномётной роты. Немцы сюда после боя не торопятся, им, поди, не до того, поди, и не известно им, что на высоте никого нет... Иван насторожился. С высоты в

вечернем воздухе и справа, и слева отчётливо были слышны далёкая стрельба и гул моторов. «Обходят! Ясно, потому и батальон сняли!»

Начинало смеркаться. В низинах обозначился туман. В полукилометре на фоне белой пелены, накрывшей болото, заметил несколько фигурок, огибающих в низком кустарнике подходы к возвышенности – немецкая разведка. Они даже не подозревали, что туман их выдал! Иван решил, что на брошенных позициях те будут не скоро, будут осторожничать и дальше в ночь не сунутся, а потому драпать ему, сломя голову, ни к чему. Посмотрел на свой пологий склон, вспоминая, откуда и какой дорогой на рассвете пришёл он с ребятами на эту высоту, и начал спускаться, ориентируясь по вышке на егерском кордоне. Опустил руку в командирскую сумку за папиросами, достал, покрутил, выдул табачные крошки, прикусил мундштук, зажёл спичку между ладонями. Когда двигал губами, прикуривая, почувствовал, как сильно саднит под разбитым носом изнутри надорванная губа, заметил, что его распухший нос закрывает собой полмира. Затянулся жадно первой с полудня папиросой, голова сладко закружилась... и вдруг – комок в горле: «Простите, что живой»... Спустился со склона, перешёл глубокую канаву напролом сквозь заросли лещины и олешника, со злостью высвобождая винтовку из их цепких лап. Никогда за свою короткую жизнь не видел он столько потухших глаз...

Скоро он подходил к деревеньке, к дому, крытому дранкой, первому у околицы. Издалека заметил, как к избе с вёдрами курицей просеменила баба в белом платке. «Не будет удачи, – подумал Иван: – И так знаешь, что впереди ничего хорошего, и на тебе – такая примета... Платок бы хоть сняла или тёмный надела, я б её и не заметил».

Подошёл к дому, поднялся на крыльцо, нарочно громко, а не крадучись, постучал в дверь. Изнутри кто-то, покашливая, загремел, вынимая балку из гнёзд в проёме. Дверь отворилась, появилась борода и тут же охнула:

– Как же ты напугал меня! Ну, леший, истинный чёрт! Ох, образина ж у тебя. Что ж, заходи, солдатик.

– Нет, батя, спасибо, времени мало. А скажи мне, часа три назад бойцы наши здесь не проходили в сторону шоссе и много ли?

– На тракт? Проходили. А было их чуть ли не вполовину меньше того раза, что на заре. Некоторых узнал, как же. Тоже спешили. Только воды набрали, и не разговоришь никого. Раненых много, ох много. И несут, и идут... Тяжёлых мы разобрали по дворам, да в конюшне на сене кого оставили... М-да! А ты, Аника-воин, почём отстал? Ногу потёр? Портянка сбилась? Иль приспичило ненароком? – уже с иронией зачастил Батя.

Иван промолчал и попросил помочь ему умыться. Батя вернулся с ведром, за ним – жена, та принесла полотенце, ковшик, мыло. Батя подсунул к лицу Ивана зеркало:

– Глянько! Как тебя не испугаться с такой мордой!

Иван на фоне угасающего неба увидел серое лицо, распухший нос, громадные чёрные фонари вокруг глаз, размазанную кровь по щекам, подбородку, на шее. Усмехнулся. Вдруг Ивана повело, колени подогнулись и он, переступая вприсядку, наехал спиной на плетень и сел под ним, раскинув ноги. Пробыл в таком положении минуту, глядя в землю, глубоко и шумно дыша, затем протянул руку старику, тот подхватил и помог подняться.

– Ну, как сам-то, ничего?.. Да, сынок, досталось вам... Многих убило? А командиры все живы? А немцам наподдавали? Поди, наподдавали, коль не бежали, в строю все, по форме, боевые. А если б не раненые...

– Не скажу, батя. Под конец и меня ранило, пролежал на поле. Бабушка, пожалуйста, йод принесите и чем бы забинтовать. Йод-то есть? У меня мало. Если нет – одеколон, да и самогон сгодится. Немцы не скоро будут, и марафет успеем навести, – подмигнул теперь уже Иван через боль.

Прислонил винтовку к плетню, снял каску, скатку, полевую сумку, вещмешок. Расстегнул и снял ремень с тяжёлой амуницией. Начал стягивать через голову гимнастёрку, снял рубаху, держась за старика, сапоги и портянки, разбросал все вокруг на траве, размотал рану. Старики ахнули:

– Нутро-то цело? А то может, останешься... Да нет, сынок, куда оставаться – найдут они тебя... Сам-то подстрелил кого?

Иван оторвался от ковшика, облизнул потрескавшиеся губы:

– Вроде, цело, – не хотелось ему хватать убийством, но ответил, чтоб знали, что воюет их Красная Армия: – И не одного, а жив буду, постараюсь еще. И до Берлина дойдем! – пообещал Иван не столько себе сколько им.

Поплескался, пофыркал, вытерся, искоса поглядывая на батину жену, хлопавшую ладошкой комаров на его теле. Сообща сделали перевязку.

– Держи, солдат, выпей моего! Остаток забирай, забирай, чего там! Это тебе сало, хлеб, табачок мой – угощаю! Вот и портянки байковые на смену: твои-то – дрянь... А гноиться рана станет и санитаров рядом не будет, пожуй листьев брусники и – на рану, а найдешь спелую ягоду – и её так же. А попадётся земляника – самое то, мни и накладывай.

Присели на бревнышко, свернули по самокруточке, молча, быстро выкурили. В обратном порядке надел всё на себя – вот и собрался.

– Ну, хватит! Больше нельзя, буду догонять! Отец, там, на высоте, справа в крайнем окопе остались шесть-семь красноармейцев и командир –

не успели мы. Документы я взял. Ты позови мужиков... Да! На вершине серёдка окопа засыпана, без бруствера, место заметное – увидишь. Это кого успели... Похороните там, и ребята вместе будут... И крест поставь, а звезду мы уж потом...

– Всё сделаем... Эх! Беда не ходит одна! Ладно!.. Возьми пирожков, сынок, на ходу поешь. Возвращайся скорее, ждать будем!.. Как зовут-то?

– Вернёмся! – ответил он, обнимаясь со стариками, и, уходя теперь уже в ночь, обернулся и крикнул: – Иваном!

2. Ты пропой, кукушка, мне

Оставив деревню позади, часто спотыкаясь, Иван брёл в темноте по едва различимой ухабистой просёлочной дороге к лесу, чернеющему на фоне зарева далёких пожаров. Трогательная встреча со стариками заставила вспомнить о своих. Грустно стало, одиноко, слёзы навернулись, носом шмыгнул... Ему можно, он ещё пацан, да никто и не видит!

Вышел к большаку. Перед ним в обе стороны светлой полосой лежала накатанная песчаная дорога. Свернул направо и быстрым шагом двинулся к перекрёстку. Остановился, достал фляжку. После глотка свежей колодезной воды захотелось, как иной раз проделывал дома, упасть в траву где-нибудь на обдуваемом ветром бугорке: там комары не будут доставать, и забыться. Но это только мечты: всю ночь надо будет заставлять себя идти и идти, пока хватит сил... Замерев с поднятой фляжкой, Иван прислушался. Насторожил шум моторов, слышимый ещё вечером с высоты: в нём стало угадываться урчание тракторных двигателей... конечно, танковых. Рассудок подсказывал: не обманывай себя, не надейся, то не наши – то немцы. Поправил на плече винтовочный ремень и пошёл вперёд, к перекрёстку, но уже не серединой дороги, а вдоль обочины и медленнее, осторожнее.

Минут через пять стал замечать в лесу огоньки, которые вспыхивали и тянулись неспешно справа налево, вытягиваясь вереницей. А немного позже увидел из-за поворота костры и тени чужих солдат. То был перекрёсток, а по шоссе на восток, в сторону железнодорожного переезда, где вчера выгрузился их стрелковый полк, двигалась колонна немецкой техники, наглым светом фар бросая вызов всей Красной Армии и её авиации. Так мог поступать только враг, уверовавший в полный разгром противника и в отсутствие у того хоть какой-либо возможности оказать сопротивление.

Внимание привлекли отблески костров на стволах сосен, напоказ выставленных тем огнём из темноты. Значит, предательски падают на него и на его лицо. Наклонив голову, быстро отступил за поворот и облегчённо вздохнул: не заметили. Решил идти краем леса к перекрёстку, затем –

вдоль шоссе, удерживая его в пределах видимости и пользуясь им как нехитрой подсветкой: ночью передвигаться по лесу не безопасно. Свернул с дороги и углубился в лес.

Через полчаса Иван не так быстро, как хотелось бы, но шёл на восток. Ему помогало то, что колонна двигалась неровно, объезжая препятствия, и фары нет-нет, да и выбрасывали свет на тот путь, что лежал перед ним. Однако часа через два устал в потёмках пробираться через завалы и низины, к тому же оцарапал висок и решил подождать до рассвета, прилечь и отдохнуть. Зашёл подальше в сосны, куда добивали фары. Натыкаясь на поваленные стволы, выбрал в зарослях папоротника сухое место. Расправил шинель, снял сапоги, положил вещмешок под голову, достал новые портянки, подаренные дедом, обмотал ими лицо и руки, чтоб уберечься от комаров, свернулся калачиком и, стараясь ни о чём не думать, заставил себя заснуть...

Солнце ещё не встало, как его разбудила стрельба крупнокалиберных пулемётов на шоссе. Услышал приближающиеся самолёты, треск сучьев и крики. Сдёрнул портянку с лица и сквозь заросли папоротника увидел немцев, искавших укрытие в полосе леса у шоссе. Обогнав их, лес наполнил рёв авиационных моторов, вслед – частые строчки пулемётов и разрывы бомб на шоссе. Над макушками сосен промчался накренившийся в развороте «ишачок» с красными звёздами на крыльях, за ним – второй, третий. Звено стремительно унеслось назад и ввысь, оттуда выполнило ещё одну атаку, и шум их моторов растаял вдали.

Через пять минут с обочины послышались команды, немцы начали вставать и выходить на шоссе, над которым там и там поднимался чёрный дым, и робко пробивалось пламя. Один из танков, развернув башню назад, столкнул в кювет горящую машину, крики прекратились, и движение возобновилось.

Иван сел, покрутил головой, всматриваясь вверх папоротника то в одну, то в другую сторону. Слышались звуки близкой канонады на востоке и смешанный гул движения техники по шоссе. Сидя, обулся, встал на колени и собрался. Место ночёвки ему понравилось: высокое, сухое и хорошо, по пояс, скрывает. Поднялся, прислонился спиной к шершавой сосне, постоял какое-то время, оглядываясь и прислушиваясь только к лесу. Оттолкнулся от опоры, ещё шагов на сто углубился в лес, раскрыл полевую сумку своего младшего лейтенанта и достал карту. На первом развороте отыскал перекрёсток, высоту, поставил на ней карандашом дату и крестик. Подумав, рассчитал точку, в которой он находится, установил на ней компас, сориентировал карту на север и определил направление, где ему следует пересечь железную дорогу. Затем сделал то, чему учил отец: повернулся в ту сторону и запомнил, где утреннее солнышко, куда плывут облака, наметил впереди цель – высокую ель, и пошёл к ней. На подходе –

следующую, и так – по цепочке. Минут через десять, затаив дыхание, прислушался, сверил направление с компасом и двинулся дальше.

Когда солнце поднялось выше, зашагал увереннее, часто останавливаясь, чтобы слушать лес. Рана на животе не беспокоила, и делать очередную перевязку было лень. А более всего хотел он услышать русскую речь и не допускал даже мысли, что может встретить немцев: те на дорогах и в небе, в лесу им пока делать нечего. Стал размышлять. Поздним вечером и ночью в окрестности перекрёстка не было стрельбы. Если батальон, полк, дивизия отступили, то они где-то в лесу: немцы-то по шоссе идут без боя. Старик говорил, что, проходя через деревню, наш батальон был в полном порядке. Даже если разбиты, всё равно кто-то должен быть здесь. И где же их искать?.. Правильно! На той стороне шоссе! Дивизия держала оборону по ту сторону от перекрёстка, только его батальон и 3-й были по эту. Но если бы 3-й вернулся, старик бы сказал...

Каждое утро Иван вставал, как на работу. И день проходил, как на работе, размеренно и без спешки. Руководило им одно – терпеть и не суетиться. Постепенно приходил опыт. Например, не стоит часто хвататься за компас: ему достаточно идти в восточном направлении, пока не встретит своих. Не следует лезть напролом через завалы, буреломы и низины: их следует обходить. Открытых мест следует избегать, тоже обходить, а если пересекать, то по ночам. Тоже и дороги: там ждут тебя засады, посты их охраняют. Однажды не выдержал, поверил тишине, побежал и был обстрелян.

И костёр можно разводить только в чаще и только по необходимости.

Полюбил шинель. Движению рук не мешает. Чтоб удобно было идти по лесу, полы спереди можно подсунуть под ремень. Ветер не страшен. Дождь, но не ливень, а просто дождь – тоже: у шинели такой ворс, что капли дождя на нём не задерживаются. На ночёвке, расстегнув хлястик, можно её и под себя подстелить, и укрыться одновременно. Ну, это пока осень золотая, а дальше-то что?

Иван шагал по лесу, высматривая маслята. Подбирал, очищал и укладывал в каску на подстилку из папоротника. А предпочтение отдавал им после того, как на сухом краю болота поднял тетеревов и осмотрел место, где те кормились. Увидел, что птиц привлекали именно маслята, и они охотно выклёвывали их сырую золотистую мякоть. А в каску потому, что утром на том же болоте котелок был наполнен до краёв пьянкой, сладкой чёрной крупной ягодой со вкусом винограда. Сало, подарок деда, Иван берёт как неприкосновенный запас.

Сегодня утром, пройдя с полкилометра, натолкнулся на тёплый затоптанный костёр. Рядом – окровавленные бинты, лапник на спальном месте, рассчитанном человека на три-четыре, брошенные самодельные

носилки. Осмотрелся вокруг – холмик, на нём пилотка... Попробовал идти по следу – куда там: через минуту потерял. Пробовал тихонько кричать, но кому охота на пулю нарываться: ни тем, ни ему...

Вышел к глубокому рву. С их помощью осушается заболоченный лес. Зашагал вдоль... Куда он смотрел, лопух! Слева почти в упор оглушительно грохнул выстрел и сбросил Ивана в ров. Увидел впереди поворот, согнувшись, побежал, завернул, выждал и, крадучись, прошёл немного вперёд. Под маленькой ёлочкой, росшей на гребне, привстал и сквозь её жиденькие лапки посмотрел в ту сторону, откуда по его расчету стреляли. Присел: ни черта не видно! Лучшей позиции всё равно не найти – приподнялся ещё раз... Вон он. Лежит за сосной... Решил ещё немного пройти по рву, обойти сзади, подкрасться неслышно по мокрой листве, а там будет видно... Подходя к стрелку, заподозрил: что-то здесь не так. Изготовился, укрывшись за стволом, крикнул:

– Штейн ауф! Хэнде-хох!

Тишина, только затряслись белёсый затылок, плечи и взгорбленная кожаная куртка. Иван осторожно, не сводя глаз с рук, подошёл ближе и негромко произнёс:

– Хэнде-хох! Шнель, фашист поганый.

Немецкий пилот, не поднимая головы, развёл руки в стороны, прошуршав листвой, и одной только кистью на полметра, не более, отбросил пистолет. Иван подошёл, ногой пнул подальше, поднял и сунул в карман шинели. Приблизился к немцу, оглядел. Серые брюки комбинезона и выпущенные поверх белые носки сплошь заляпаны засохшей ржавой кровью. Слышен запах испражнений и, похоже, гниения. Иван осмотрелся. Вокруг, насколько позволял обзор, нет следов падения самолёта, поломанных деревьев, не виден парашют: выходит, лётчик полз, пока мог, надеясь на чудо. Немец лежал, по-прежнему отвернувшись в сторону. Иван обошёл: щупленький блондин, года на три-четыре старше его, лет так двадцати, двадцати двух, похоже, всеобщий любимчик, ласковый и нежный. Присел, заглянул в заплаканные глаза, жестикулируя, заставил обратить на себя внимание, вздохнул и участливо спросил:

– Ду ист капут?

– Я, камад... капут, – облизнув губы, прошептал парень.

– Ну, ты мне не товарищ! – неожиданно для себя и юного пилота взбесился Иван: – Неделию назад ты моих товарищей расстреливал с небес, играючи. Города бомбил, детишек и стариков рвал на части, гад!

Перевернул немца на спину, обошёл сзади, подхватил подмышками и, стараясь не вдыхать смрад, оглядываясь, потащил к сосне. Усадил, прислонил к стволу. В глазах раненого мелькнула искорка благодарности, он облегчённо вздохнул, а на уставшем сером лице выразилось неподдельное чувство наслаждения: похоже, парень мечтал об этой позе несколько дней и ночей.

Иван определил то место, где выстрел швырнул его вниз, спустился, нашёл каску, подобрал грибы, поднялся наверх и, нарушив правила, стал раскладывать костёр. Оглянулся на немца, протянул флягу, выждал и, чтоб тот не захлебнулся, забрал. Снял с себя пилотку, пересыпал в неё ягоды, сунул тому в руки. Сходил ко рву, отыскал чистую воду, осторожно набрал в котелок, вернулся. Пилотку с оставшимися ягодами потянул к себе, немец, чуть придержав, отпустил. Побросал в котелок грибы и подвесил над огнём. Выкурили с немцем по самокруточке...

Снял котелок, над заготовленными словыми лапами процедил похлёбку, оставил немного юшки, выскользнувшие маслята вернул на место, посолил. Вынул ложку, половину грибов съел, то, что осталось, подал немцу, а сам доел ягоды. «Славненько подкрепились», – погладил живот и посмотрел на задремавшего парня: – «Чёрт с ним, пусть здесь остаётся». Встал, немец открыл глаза, взял винтовку, немец вздрогнул, закинул её за плечо:

– Их взк! Оставайся с миром, хрен моржовый. Я тебе не нянька. Вспоминай, чему там вас, скаутов, учили, – бросил на прощание и пошёл на восток.

Пройдя немного, остановился: «Ведь, если выживет, то снова ангелом смерти порхать будет!.. Да нет, сдохнет, гниёт ведь, обездвижен... А если нет?.. Что это значит, если?.. У-у-ух!.. У-у-ух!.. Главное – в глаза не смотреть... не смотреть...» Сердце заколотилось. Быстро вернулся, вскинул винтовку, выстрелил, передёрнул затвор и застонал: всё же посмотрел... Размашисто зашагал прочь, наклонив голову, широко растопырив руки и шевеля пальцами, как бы оправдывая и убеждая себя... Через минуту вытащил «вальтер», осмотрел магазин – пустой! А сам был бы где он сейчас, останься у ласкового парня хотя бы один патрон? Убрал пистолет: мало ли.

Ночью вдали стреляли, разорвались две гранаты, снова стреляли. То был скоротечный бой. Не смотря ни на что, кто-то сражается! А он совершает неторопливые прогулки по лесу, даже песни поёт. Ну и что, что о Шорсе, о гражданской войне и про себя.

Настоящее бабье лето! И день тот был самый тёплый, солнечный из череды последних. В воздухе летали и, щекоча, касались лица паутинки... Направляясь к сухому боровому лесу, Иван неожиданно для себя открыл эту тихую красоту и поглядывал на неё, любуясь – в окружении невысоких белоствольных берёзок, увешанных золотой листвой, маленькое озерцо сияло осенней синью в оправе из изумрудного мха. Примыкало оно к болоту, которое Иван только что успешно миновал. Свернул, подошёл. На сухом месте у кромки леса не спеша всё с себя снял, разделся. Перед глазами предстало тощее тело в ссадинах и кровоподтёках от ударов о

валежины. Посмотрел на рану – прекрасно: бугрились розовые шрамы, а воспаления нет и в помине. Молодец старик, если б не его советы, кто знает...

Прихватил обмылок, ступил на мох и понял – это не берег, это плавун и подойти к открытой воде ему не удастся. Но всё же прошёл немного, утопая во влажном мху на каждом шаге, остановился в раздумье и увидел другое, что порадовало: плавун прогнулся и Иван оказался в лужице хрустальной воды, как в тазике. Вернулся за флягой и котелком: «Буду поливаться из него, а мхом потрусь как мочалкой». Отошёл подальше, где «тазик» получался побольше, и мох держал. Первым делом набрал чистой воды во фляжку, затем приступил к «помывке» – так баня по-военному.

Сначала было холодно, потом привык. Закончил, с сожалением поглядел на открытую воду, раскрасневшимся худым телом потянулся за руками вверх, юношеским голосом крикнул по-мужски, развернулся и голой кикиморой поскакал к лесу. Пробежал, удерживая равновесие, несколько десятков шагов и бросил взгляд на сухой берег... с той стороны ему в глаза смотрела дырочка ствола его же винтовки, а на берегу, уже не таясь, потешались два мужика в одинаковых чёрных телогреечках и ушаночках. Один держал его на мушке, другой, видимо, главный, сидел на пенёчке и копался в командирской полевой сумке. Тот, что с винтовкой, крикнул по-дружески:

– Вылазь, шкет, не обидим: мы любим чистеньких, маленьких, обласкаем.

«Уголовники! Какого чёрта?» – мелькнула догадка, и Иван вышел на берег.

Авторитет достал и развернул удостоверение младшего лейтенанта, внушительно забасил, изредка поднимая тяжёлый взгляд и, как кнутом, стегая им Ивана:

– Не бойсь, шкет, мы не уголовники (будто мысли читают), мы политические. Я – Вождь, он – Паганини, наш итальянский товарищ. А ты... – младший политрук РККА Зиновий Абрамович Каравайчик... жидокомиссар по-нашему, – тронул за воротник его гимнастёрку и поднял глаза: – Поснимал, трусишка, кубари с петличек, а дырочки-то остались... Фоточка подпорчена, ранен был?.. Что молчишь? Ага, вижу... Ну, что у тебя там, Скрипач? Прошу тишины. Ваше слово, товарищ Паганини.

– Он же на них не похож.

– О! Ты даёшь! Во-первых, они всякие бывают. Бывают даже блондинистые. А во-вторых, Зиновья – это наш пропуск в новую жизнь. Вот так! – довольный убрал удостоверение в сумку и прихлопнул ладонью. – Ты давай, шкет, не стой, одевайся, мои терпение и желание не испытывай!.. Ладно, пора двигать: до шоссе часа три топать. Вяжи, Колян, Зинулю, но сначала пусть вещмешок наденет... Руки назад делай!

Шли гуськом примерно час. Никаких вариантов... Товарищи по партии были болтливы и веселы, пели свои песни, иногда ругались, тогда Паганини получал подзатыльники, а Вождь – повод поржать и поучить. Уголовники устали и присели на брёвна. Вождь подошёл сзади к Ивану, ткнул в щёку, чтоб не крутил головой, развязал горловину и полез в вещмешок:

– Не дрожи, шкет! Там, знаем, самогончик припрятан, Зину-уля нам припасла.

Достал бутылку, что дал в дорогу старик из деревни у высоты. Нахмурился, переложил в другую руку, опять полез и достал «вальтер»:

– Почему молчал? А, сука? – и ударил Ивана в ухо.

– Посмотрите, он пустой: нет к нему патронов, – стерпел Иван.

– Нам к немцам даже с пустым «вальтером» соваться – смерть: потом не отмоешься. – Вождь вынул магазин, покрутил и отбросил в сторону, привстал и зашвырнул пистолет далеко в заросли. – Сам добыл? А ты, оказывается, боевой парень, шкет!.. Нет, не повезло мне! Скрипач не такой, нет... Может, его переоденем, а, шкет? Рылом, глянь, настоящий... Э-э-э! Стоять, Скрипач!.. Спокойно! Я же не сказал, кто... Теперь, Колян, можешь смеяться: то сегодня была лучшая моя шутка.

Товарищи по партии помирились, разом выпили весь самогон, быстро захмелели и подобрели. А Иван задумался. Уголовники, когда шли, заметили, как ему трудно поспевать с завязанными за спиной руками, видели и не только это. Значит, их не удивит, если он попросит о смягчении положения, а потому обратился, как можно более почтительно:

– Вождь, у меня руки сзади: спотыкаюсь, могу без глаз остаться, вы видели, упал несколько раз, задерживаю, комары донимают, по малой нужде хочется. Перевяжите руки наперёд, тогда опираться и прикрываться смогу, ведь не по коридору, по лесу идём.

Вождь долго, тяжело и недобро смотрел на Ивана, но отвечать начал весело. Похоже, стимулом к тому, чтобы услышать свою речь, послужил незамысловатый каламбурчик, очень удачный, так он решил:

– Если по малой нужде, то у Коляна тоже имеется нужда, причём побольше, чем у тебя, – пошленько посмеялся, покручивая языком, и тут же зло обратился к своему поделщику: – Ты, Скрипач, на мой каравайчик рот не разевай!.. Понял, поганка... Мало ли, что я сказал!.. Ладно, Колян, перевяжи ему руки и не спускай глаз! А винтовку ему через плечо повесь, чего тебе корячиться-то... Так-то, шкет. Ишь, думал только себе легче сделать. Эгоист ты, однако: о ближних надо думать в первую очередь. Говорю тебе это, как партиец партийцу, и в последний раз... Всё! Встали!

Не прошли и часа, как попали в полосу слабого тошнотворного запаха. Остановились. Вождь, любым поводом укрепляя свой авторитет, приказал Скрипачу:

– Лизни палец, поищи, откуда дует... Ага, солнышко будет справа... Тернист наш путь в светлое будущее, и чтоб в нём быть, учил нас один киевский парикмахер: «Шаг вперёд и две назад!» А потому, свернём. Думаю базарчик здесь недалеко: быстренько навестим, может, чего прихватим!

Покружив, вышли на место падения советского бомбардировщика. Самолёт просто ткнулся в лес. Падал полого, оставил на пути сломанные верхушки берёз и осин, в нижнем ярусе развалился на части, разбросав хвост, крылья и фюзеляж, не взорвался и не загорелся, наверное, возвращался домой.

– Заходить будем с наветренной стороны. Лизни-ка свой сладкий палец ещё разок!

– Хозяин! У меня идея! Они все здесь – офицерё фасонистое: заодно два кубаря снимем и завернём Зинулю в надлежащий вид.

– Что ж, правильно соображаешь, когда я рядом. В обход, Данко! Показывай путь!

Подходили со стороны хвоста. В траве заметили первое тело. Колян, зажав нос, наклонился и крикнул Хозяину, шедшему неспешно и вальяжно сзади:

– А у него не кубики, у него треугольники! Как быть, Хозяин?

– Тупеешь. Борт-стрелок всегда из сержантов. Лезь в фюзеляж, в кабину, в ней самое малое двое красных соколов: пилот и штурман. А ты не отставай, шкет! Иди сюда... Ещё ближе. Стань так, чтоб сопение твоё слышал.

Иван приблизился и с горечью посмотрел на обдуваемые ветром русые волосы старшего сержанта. В одной его руке был зажат шлемофон, в другой – кусок дёрна.... Вид остального вызвал мучительный приступ рвоты. Закрыв глаза, отвернулся, шагнул в сторону, наклонился... ещё раз. Открыл глаза и сквозь слёзы, застилавшие взор, увидел... в траве лежал поржавевший наган с оборванным шнурком! Именно то, что может помочь: боевое оружие с самовзводом! Чтоб взвести, вторая рука не нужна! Упал на колени так, что его лучший друг, наган, оказался между ними. Склонился и с радостным чувством принялся выворачивать себя наизнанку... Вождь с отвращением поглядел на него и отвернулся.

– Халява! Скатился на край! В кабину лазить не надо! – выкрикивал Колян из фюзеляжа, в промежутках кряхтел и сплёвывал: – Сейчас срежу все три!.. Ну и дух!.. Фу-у, мухи, зар-р-разы... О-о! Фляга! Может, спирт, а? Прихвачу для карантина, то есть, для прививок... Лови, Хозяин!

Вождь на лету поймал флягу, и в туже секунду Иван нажал на спуск... но выстрела не последовало. Услышав знакомый щелчок, Вождь

обернулся. Как у волка, его челюсти сжались до белизны на желваках, обнажились чёрные, обломанные зубы, глаза сузились, он, приседая и шипя, дёрнул за петельку на командирской кобуре, открыл... Иван щёлкнул второй раз... Вождь отбросил левой рукой клапан вверх, потянул за ремешок вниз, пистолет пополз вверх... Третьего щелчка не было: наган проснулся, подпрыгнул, грохнул, ещё, ещё...

Иван отсчитал в уме: в барабане остались два сомнительных патрона. Надеюсь, что напуганный Колян с ножом исчезнет сам и навсегда, надо только помочь, заорал тенорком, как можно ужаснее:

– Убью-ю!.. Руки вверх, падло!

– Зиночка! Я всё, что пожела... ете! Товарищ политрук, товарищ полит... – и Колян сделал то, о чём желал Иван: сорвался вниз, взял низкий старт, затрещали сучья...

– Куда-а?.. Ко мне, Скрипач!.. Стрелять буду! Стой!

Затихло... лишь рядом, закатив глаза и всхлипывая грудью, уходил Вождь.

Ивана трясло и качало. Зажав в зубах обрывок шнурка, он с мотающимся под подбородком наганом бродил вокруг самолёта и искал острый край разорванной обшивки. Освободил руки, вернулся к Вождю, взял свои и командирские вещи, отвинтил крышку фляги, понюхал, поморщился и бросил в вещмешок. Выстрелил из нагана вверх, показав петляющему в панике по лесу Скрипачу, что он безжалостно добил Хозяина, и что в этом направлении его тоже ожидает расправа. Убрал револьвер к фляге. Привёл себя в порядок, прикинул по времени, где восток, вспомнил, что есть компас, сверил и быстро пошёл к своим... Через полчаса устроил засаду на Коляна. Убедившись, что опасности с той стороны нет, пошёл дальше, но только в сумерках командирский ТТ убрал в кобуру, не застёгивая. На ночлеге огня не разводил и по-прежнему не курил: всё-таки страшноовато...

Ближе к вечеру по неясным вначале звукам, а затем уверенно вышел к большой поляне. В центре её, за огородами, замерли несколько изб, окружённых чахлыми садиками, колодезный журавль смиренно держал голову, где-то в середине слышались детские голоса, лаял щенок, повизгивало ножное точило. Придётся зайти: еда закончилась. Обошёл поляну и со стороны, противоположной той, куда упиралась тупиковая дорога, выбрал самую неприметную избу с краю. Дождавшись темноты, перелез через плетень и поднялся сбоку на крылечко, минуя ступеньки. Только собрался постучать, как провалился в пустоту: чьи-то руки распахнули дверь и втянули его в тёмные сени. Услышал сзади приветливый голос с хрипотцой:

– Проходи, сынок. Ждал я тебя: ты не первый, как наши отступили.

Те же руки, подталкивая его в спину, провели в хату и здесь развернули. Иван в сумраке разглядел перед собой одноногого невысокого мужичка. Тот, откашлявшись, чистым голосом предупредил:

– Огня зажигать не стану, чаю горячего не дам, ночлега не будет. Как зовут-то... А угошу я тебя, Ванюшка, холодной картошечкой, кваском, на дорогу чего-нибудь соберу и выпровожу... не обессудь.

Постукивая по полу клюкой, мужичок подвёл Ивана к столу и усадил на скамью в Красный угол, над которым тлела лампадка. Вынул из печи и поставил на стол чугунок с картошкой, выложил краюшку, на неё немного сала, соль на тарелочке, помятые огурчики, алюминиевую кружку с квасом – всё, как обещал. Вернулся на кухню, звякнул и вынес два гранёных шкалика.

– Не держи зла, солдат. Давай за нашу Красную Рабоче-крестьянскую...

Утерев усы, одноногий какое-то время разглядывал Ивана и после недолгого молчания продолжил:

– Вот что я тебе скажу, родной... Ты давай, ешь... Сгинуть дело простое, и очень даже легко бывает. А жить тяжело, ещё тяжелее бывает жизнь сбережь, особенно в лихолетье. А потому, попав в беду, не ищи лёгкого пути и будь готов пострадать. Сегодня твоё спасение – лес. Понял меня?.. Вот так-то, Вань. Ты ешь, ешь...

Мужичок, прихватив шкалики, ещё раз сходил на кухню:

– А заметил тебя, когда ты через оградку перелазил. Мне-то не спится, слышу, заскрипел плетень-то...

Чокнулись, он встал и, постукивая, принялся собирать гостинцы в дорогу, продолжая рассказывать:

– А немцы были у нас только раз. Приехали неделю назад четверо на автомобиле, странный такой: и не грузовик, и не броневик. Деревенька-то наша бедная, ты ж видел. Почмокала немчура, почесалась, офицер шоколадку Райкиной детворе дал, батон белый, а мне початую коробку мёда искусственного. Что ж, и я их угостил своим медком, им-то куда до нас: химия одна... Ты не удивляйся, я их давно знаю, с германской. Когда делить нам с германцем нечего, они ничего мужики бывают. В штыковую на них ходил, в плену был, всяких повидал... Нет, нога тогда при мне была. А когда в 18-м нас выпустили на все четыре стороны, обнимались и целовались с камрадами. И накормили, и шнапсом напоили... А ногу потерял под Варшавой. Лежит где-то в чистом поле косточка моя сахарная, может, чернеет, может, белеет.

Закончив хлопоты, будёновец присел, и, подперев голову, вполголоса зашел:

– «На Дону и в Замостье тлеют бе-елые кости, над костя-ями шуми-ит ветеро-ок... По-омнят псы атама-аны, помнят по-ольские паны кон-арме-ейские на-аши клинки!»

Помолчал, с грустью глядя на окно, тронутое серебристой поволокой лунного света, убрал руку из-под челюсти, взял вилку, поднял перед глазами и шёпотом протяжно скомандовал невидимым шеренгам бойцов:

– Эскадро-он!.. Шашки-и к бо-о-ю!.. Ры-ысью!.. Ма-а-а-арш!.. Марш!

Посмотрел на Ивана, привстал, потянулся через стол и толкнул в плечо:

– Эй, браток! Не спи, Вань. Вот, пока рассказывал, что мог, собрал. Давай укладывай в мешок, и – в путь, нельзя никак иначе-то. Тебе скажу: партийный я, и без ячейки им останусь и буду. А билет?.. Вот, смотри... Понял?.. Спрячу, конечно. На тот счёт не переживай... А объявятся наши, партизаны или как, если винтовочку дадут, возьму охотно. Где в обороне, где на посту, где на хозяйстве, а повезёт – на тачанке...

Вышли на крылечко. Мужичок вздохнул:

– Эх, фронт-то далеко ушёл... Ничего не забыл, солдат? – протянул руку, прощаясь: – Ну, будь, Ванюшка... Как говорится, с Богом, но сам не плошай!

Иван на ходу выгребал из котелка бруснику вперемежку с пьянкой и, роняя, заталкивал в рот. Думалось ему плохо. Всё жальче и жальче было себя: пропащий он в этой жизни, вряд ли дойдет до своих и, если сгинет, то где и как, не узнают ни домашние, ни друзья... и Юлька не узнает...

Светало. Перед ним, над горизонтом – Венера, под ногами – просёлочная дорога, и вела она, подныривая, к спасительному лесу, уже различаемому под оживающим небом. Издалека увидел свет одинокой фары, отошёл в сторону, снял вещмешок и прилег за гребнем травы на границе вспаханного поля. Расположившись вчера после полудня на опушке и планируя переход, заметил, ближе к лесу видны были крыши маленькой деревеньки. Свет мотоциклетной фары – скорее всего, им он и был – появился ниоткуда, выходит, из той деревни, значит, там могут быть немцы. Коль деревню пришлось бы обходить, то тёмного времени, точно, не хватит. Лёжа головой к дороге, виском на скрещенных кистях рук, как в неласковую чёрную пустоту, смотрел он на пашню позади себя.

Мотоцикл был уже близко и внятно тарахтел, добавляя вздохи и скрипы на выбоинах. Мечущийся свет фары временами выхватывал из ночи ряд столбов с проводами, и видно было тогда, что у основания каждого, как вздёрнутая к небу седая растрёпанная борода, стоял пышный бурьян, нетронутый плугом. Подумал: «А что если переждать день под одним из них?.. Ладно, посмотрим...»

Подождал, пока мотоцикл не удалится, встал и пошёл к намеченному столбу. Измельчённая бороной пашня от вчерашнего дождя разбухла. Увязая и приклеиваясь к земле, Иван добрёл до зарослей. Обошёл столб и,

аккуратно ступая и поправляя за собой сорняки, встал за ним. Обломал бурьян на месте будущей «лёжки», устелил им её, бросил в головах постели вещмешок, рядом опустил стволом на дорогу винтовку, уселся спиной к столбу, взял котелок и доел ягоды. Лёг, передвинул кобуру с командирским пистолетом по ремню до пряжки и укутался в шинель. Потёртые и натруженные ноги в сапогах начали нестерпимо гореть. Здесь разуваться нельзя: а если вдруг бежать, то не в одних же портянках погибать! Лежал и глядел в небо... Отсюда, с земли, весь мир представляла одна звёздная картина, убранный с четырёх сторон обтрёпанными занавесками из колючего бурьяна. Повернулся на правый бок, свернулся калачиком вокруг столба, пожелал себе спокойной ночи да не в дождливый день и усталился на дороге, с трудом разлепляя тяжёлые веки. «А жрать-то как хочется! И когда ж всему этому придёт конец!.. Да хоть какой!..» – подумал он и... тут же проснулся.

Открыл глаза. До восхода осталось одно мгновение. Но главным было не то: бокон к нему, в пяти метрах от столба, сидел заяц, подёргивая усами (принюхивался!) и порознь шевеля длинными ушами (прислушивался!). Вдруг русак высоко и косо отпрыгнул к столбу и мягко приземлился собранными в кучку лапками в точку на границе бурьяна. Прополз под ним, развернулся и с торчащими ушами лёг светлым хвостиком к Ивану, а мордочкой к дороге: на ветер и на свой след, чтоб видеть, слышать и чувствовать. Послушал, послушал и постепенно, раз за разом всё ниже и ниже опуская, прижал уши к курчавой тёмно-коричневой спинке – заснул! Но глаз не сомкнул! Заметно было по видимым сзади ресницам и отражению первого лучика в левом карем глазу. «Смотри-ка, как напился я запахами полей, лесов и болот: зверушка меня или не чует вовсе, или за своего принимает! Эх, братишка! Доживем ли мы с тобой до зимы, горемычные!» – проникся чувством Иван, разучившись, так ему казалось, внятно думать, и тут же дал себе наказ не тревожить сон своего серого брата. А ведь сколько дней в его голове мысли только о еде топчутся...

Сон прервал визг тормозов: на дороге, проскочив немного, остановился мотоцикл. Двое немцев, не слезая с сидений, повернувшись, разглядывали что-то на пашне, а третий, что в коляске, разворачивал пулемёт. «Мои следы!» – похолодел Иван. Двое сошли, один махнул другому, чтоб тот взял в сторону, и стали медленно приближаться. Определив, куда вели следы, указали пулемётчику на столб, под которым лежал Иван.

Притормозил попутный грузовичок, из кабины вышел, поёживаясь, офицер, крикнул что-то своим под тентом. Несколько солдат нехотя перепрыгнули через задний борт, лениво разбежались в цепь, позванивая подковками, и взяли оружие наизготовку. «Что ж, всему бывает конец», – обречённо решил Иван и потянул к себе приклад. Тут же, как выстрел в

упор, сердце ударило в грудь – это заяц, давно готовый соскочить с лёжки, напуганный движением Ивана, выпрыгнул на пашню и, запутавшись в страхах, помчался, подбрасывая зад, в сторону приближающихся немцев. Те двое, не готовые к такому повороту, пропустили его между собой, развернулись и открыли стрельбу вслед. На дороге заулюлюкали. Далеко убежать косому не удалось, он перевернулся через голову, закричал, как дитя, несколько раз подпрыгнул... Немцы засмеялись, снимая напряжение, тем же ответили с дороги, один подошёл к зайцу, взял за задние лапы. Русак вяло извивался. Немец приподнял его и ударил ребром ладони сзади под основание ушей – всё!.. Вернулись к мотоциклу, отвечая на шутки, летевшие от грузовика, закинули косога в коляску, уселись, весело переговариваясь, и поехали добытки и зрители каждае своей дорогой. Им и в голову не пришло, что за зайцем мог кто-то ещё прятаться.

Иван был потрясён, и состояние это не покидало его долго: несчастный заяц сохранил ему жизнь. И думал, кого же ему благодарить: себя ли за то, что не спугнул зайца, или судьбу, а может, случай...

Хвойный боровой лес сменила золотисто-белая берёзовая роща с невысоким подлеском из ёлочек. Иван прислушался. Канонада, хоть и далёкая, гулко перекатывалась на востоке. Немного грома добавилось южнее. А будто бы, ближе стало?

«Раз-два... Странно: в сентябре и вдруг – кукушка! Сколько она мне нагадает? Три-четыре... Неужели всё! А впрочем, хватит: до победы доживу и домой вернусь, погуляем. Хорошо бы, чтоб на груди сияли «Красная Звезда» и «За Отвагу». Пацаны их особо уважают: на них – с винтовкой и в будёновке красноармеец в металле, он Родину защищает. А Юлька увидела б и ахнула. Научиться бы ещё на гармони играть, начать-то начал, да не успел. Дядю Матвея попрошу: у него и инструмент, и лучше его в батальоне никто не играет. И добрый он. Но почему только четыре, и от чего ж умру? От тока? Так не хватайся за провода голыми руками. Утону? Так не напивайся! Нет, кукушечка, шалишь!» – рассуждал Иван. Ещё минут десять шёл, прислушивался, надеясь на добавку...

– Стой! Руки вверх!

– Ребята! – Ивана зашатало, закрутил головой по сторонам, задрал руки вверх и закричал простуженным голосом, с трудом отклеивая, казалось бы, навсегда потерянный язык: – Я свой! Свой я, свой, товарищи...

Из-за ёлок, не опуская винтовок, вышли красноармейцы. Линия их зашевелилась, и вперёд выбрался коренастый бородатый боец, присел, заглянул Ивану в глаза, смахнул с его головы расправленную и до бровей похабно натянутую пилотку, закричал:

– Ванька! Ты ж убитый остался! По нам колотят, а я ж всё равно подбежал. А ты весь в крови, и голова, и грудь, ни чувств, ни дыхания... Ты ж седой весь стал, мать т-твою!.. А борода откуда? Чёрт! Помнишь, Вань, смеялись мы, что пушок твой можно полотенцем брить? – Обернулся к своим. – Глянь, ребята, весь, как во мху, можно вместо компаса брать: всегда север покажет.

Красноармейцы сменяли на лицах выражение своих чувств с угрюмых на радостные и наоборот и смеялись дружно...

– Дядя Матвей! Я ж чуть не пропал...

– Ничего... Ну, ну, успокойся, сынок, всё позади. Вот опоздал бы чуть, тогда б, точно, пропал. Знать, не судьба! Жить будешь долго.

Недалеко пропела кукушка, Иван машинально прибавил себе четыре года.

– А что кукушка-то кукует? Осенью вроде не должна. Я и не знал.

– То наша разведка с той стороны фронта. Мы четыре дня назад на них наскочили. И чуть не перестреляли друг друга. Если б не матюком, то не признали бы ни мы, ни они, что все русские. Пообещали на обратном пути нас забрать и через фронт провести. Вот мы и дождались, и ты нас догнал. Скоро здесь будут. Собираться пора. А тебе-то и не надо: готовый, весь в сборе, на ходу. Повезло на зависть всем... Извини, Вань...

– А я что, я понимаю. Смотри, дядя Матвей, вот улыбаюсь. – Изобразил губами. – У меня книжки бойцов. Собрал на высоте. И нашего младшего лейтенанта сумка, в ней документы и карты. Вот бинокль его, пистолет, компас.

– Доложишь потом командиру батальона. Правильный ты солдат, знал я, товарищей помнишь.

– Забыл, вот наган погибшего летчика, а по номеру можно узнать всех в экипаже, – и, покончив с главным, вспомнил о своём, о сокровенном: – А научи меня, дядя Матвей, на гармони играть.

– Научу, найдём время. Вот выйдем к своим, так и начнём... Ух, сынок, как хорошо-то всё вышло! – Счастливым Матвей потряс невесомого Ивана за плечи. – Трошки опоздал бы и...

– А про кукушечку знаешь?

– Так сразу и не скажу. Повспоминаем, поищем, поспрашиваем. Не найдем, так сами с тобой и сочиним...

Ночь, яркая луна. На лесной поляне в ожидании часа перехода линии фронта – красноармейцы. Некоторые, свернувшись калачиком, спали. Разведчики, собравшись в кучку, обсуждали вполголоса план действий. Старший разведгруппы встал, посмотрел на часы, встали и другие. Старший оглядел своих:

– Семён, сгоняй на пост за Борисом. – Разведчик бесшумно исчез в глубине леса. Старший повернулся к поляне и протянул тихо: – Подъём!

Красноармейцы завозились, начали собираться. Построились, образовав квадрат. Вернулись Семён с Борисом. Старший сформировал группы, впереди каждой поставил разведчика. Начал проводить инструктаж:

– Проходить будем на стыке двух частей. Окопов не будет, но будут посты, дозоры и прочие радости. Что бы ни случилось, пока не обнаружили – ни звука! Помните, от каждого из нас зависит жизнь товарищей. Повторяю: ни звука! – Сделал паузу. – Даже если голову оторвёт...

– Всё стерплю, а здесь могу закричать, товарищ лейтенант, – посыпалось из шеренг.

Красноармейцы сдержано засмеялись. Лейтенант одобрительно улыбнулся: – Молодец, боец. Такой товарищ рядом всегда нужен. – Поднял руку, дождался тишины. – Порядок следования будет такой: уходит очередная группа, через десять минут – следующая. Проходите двести метров, пересекаете овраг и ложитесь. Далее – ползком. Поддерживать визуальный контакт. Более чем на три метра не отставать. – Выдержал паузу, подумал. – Часам к пяти будем у своих. Вопросы?.. Вопросов нет. До опушки идём вместе. На опушке встанем. – Оглядел всех. – Первая, за ней – вторая и так далее. Вперёд!

Вышли на опушку. Впереди, немного слева и справа взлетали ракеты. Изредка доносились гулкие разрывы, вызывающие отсветы на небе. Стрельба воспринималась, как постукивание. Старший сверил с положением звёзд направление по компасу. Все встали в круг. Старший уточнил:

– Направление движения будет от Венеры вправо две ладони на вытянутой руке. Уточняя: Венера – это звезда. – Показывает на небе. – Вправо – это наше право. – Проводит перед собой слева направо и хлопает себя по правому плечу. – Вот так. То есть Венера чуть левее.

Иван полз предпоследним в группе. Переднего видел, часто оглядывался и видел заднего. Ползут... Трассеры близко. Бывает, пролетают над головой. Рядом, в стороне, Иван услышал немецкую речь. Повернул голову – над небольшим возвышением заметил силуэты касок, а из возвышения торчал ствол пушки. С бревном не спутать: выдаёт дульный тормоз. «Главное, ни звука! – вспомнил Иван». Пополз осторожно... Вдруг рядом выстрелила пушка. Спустя секунды, из-за линии фронта – в ответ. Неожиданно Иван провалился руками и грудью в яму, ноги остались снаружи, и в тот же момент близкий разрыв накрыл Ивана.

Боль пронзила тело. «Главное, ни звука!» – заставил себя Иван и услышал, как хрустнули зубы. Перевернулся на спину, посмотрел на ногу – её нет вместе с сапогом, только белая полоска – кальсоны. Быстро подтянул тело, выхватил из кармана шинели обрывок верёвки. Не думая о боли, перетянул ногу под коленкой. Расстегнул ремень, снял нож, вместе с ножнами подложил под верёвку, заметил палку, заменил ею нож и скрутил жгут. Повесил нож на ремень, откинулся на спину... Прошло время, приподнял голову, нашёл Венеру, перевернулся на живот и пополз к ней, отталкиваясь одной ногой.

Через час изнурительной борьбы Иван заметил, что осветительные ракеты подвисяют на траверзах, догадался, что выполз на нейтральную полосу. Огляделся, отметил, что ему повезло: она местами покрыта толи бурьяном, толи низким кустарником. Теперь, когда ракеты гасли, он вставал на четвереньки и карабкался к Венере, когда взлетали, падал. И так – много раз.

Иван остановился, посмотрел вперёд – горизонт посветлел. Сделал ещё одно движение и скатился в глубокую воронку от авиабомбы. Превозмогая боль, перевернулся на спину, увидел перед собой яркую звезду и потерял сознание...

С нашей стороны донеслись выстрелы. Иван открыл глаза. Над ним посвистывали пули – стреляли в его сторону. Послышался шорох, и на фоне рассветного неба появился силуэт головы.

В воронку быстро заползли два немецких разведчика с автоматами и в маскхалатах, заметили Ивана, присели напротив.

– Придётся нам до вечера с мертвецом сидеть. Тесновато... Давай наружу вытолкнем? Что скажешь, Бруно?

– Не стоит. Он станет хорошим ориентиром для русских, – ответил Бруно, осмотрел Ивана. – Судя по всему, он здесь недавно. Осень, прохладно, запаха нет... Думаю, до вечера не прибавится. – Бруно вздрогнул. – Ральф! Он моргнул.

Ральф ещё раз внимательно оглядел Ивана.

– Он уже нежилец. Жаль, совсем мальчишка. Ты, Бруно, поглядывай пока в сторону русских, только не высовывайся, иначе составишь ему компанию.

Бруно снял каску и поправил на ней маскирующую мишуру, потянулся к каске Ральфа, вынул веточки и закрепил на своей. Надел и, улыбаясь, показал на себя:

– Флора! – Уточнил: – Боттичелли: «Рождение Венеры» (*«Весна», прим. автора*).

Бруно полез к краю воронки, занял удобную позицию и приступил к наблюдению за русскими позициями и за нейтральной полосой.

Ральф посмотрел на Ивана.

– Да, Иван, долго ты не протянешь. Прости. – Ральф нахмурился, сжал челюсти, пододвинулся к Ивану и достал кинжал. Навалился, прижал предплечье к его рту и коротко ударил кинжалом. Подождал, отодвинулся. На лице Ивана ничего не изменилось, он по-прежнему смотрел вдаль.

– Будь она проклята эта война! – выругался Ральф и оглянулся на Бруно. Тот, как казалось, был занят наблюдениями.

Разведчик вытер лезвие о полу русской шинели, затем многократно – о свои штаны, рукав. Бруно обернулся и решил спуститься. Оба уселись поудобнее, достали по банке тушёнки, вскрыли каждый своим кинжалом. Приступили к еде, поглядывая на Ивана. Ральф потянулся и срезал флягу. Жевали молча тушенку, запивали из фляги, думали. Ральф поднял голову и посмотрел на небо, вздохнул, двинул носом, опустил голову и произнёс вполголоса:

– Будь ты проклята...

Бруно, соглашаясь, кивнул, не поднимая глаз.

Иван по-прежнему смотрел вдаль. Появились только алая капелюшка крови в углу рта и капли дождя на каске и на лице.

Колонна рейхстага. Духовой оркестр исполняет марш «Прощание славянки», шум толпы, крики. Солдатская рука старательно выводит на колонне: «Мы дошли до Берлина!» Пауза. Рука ищет в строке место – в начале или в конце – выбирает сверху. Дописывает: «Ваня!». Спустя несколько секунд появляется и доминирует исполняемая на гармонии мелодия к припеву «Кукушки». Гармонист допускает ошибки, но старательно доигрывает до конца.

ТАК БЫЛО НАДО

*Свобода есть осознанная необходимость
(Фридрих Энгельс)*

1. Огни в степи

Несколько подростков, переживших оккупацию, а потому потерявших природную осторожность, вышли в эртильскую степь посмотреть на очередную ночную бомбёжку местного сахарного завода. Заветное желание – дожждаться и увидеть, как в прожекторном луче вдруг вспыхнет лунным светом фашистский Юнкерс. Соберутся в этой точке другие лучи, начнут стрелять зенитки, замерцают вокруг самолёта искорки, застрочат пулемёты, потянутся трассеры. Враг загорится, спикирует и ударится об землю.

Присели на берегу канала, по которому внутри деревянного короба на переработку плыла, кружась и покачиваясь, свёкла. Кругом – черно: светомаскировка. Примерно через полчаса стал слышен гул бомбардировщиков на подлёте, вскоре над степью закружил разведчик. Зенитки пока молчали, но речку не спрячешь – выдаст Эртиль. Над ним немец, как обычно, ориентируется и подвесит осветительные бомбы, начнут шарить по небу прожекторы, застучат зенитки, ведя по пеленгу заградительный огонь, донесутся с неба едва уловимые хлопки разрывов зенитных снарядов, засвистят и заухают бомбы, зашлёпают по воде осколки. Это наши осколки, свои, значит, ранить не смогут, пройдут стороной, а те, что от бомб, сюда не долетают.

Пацаны, не стовариваясь, привстали и вытянули шеи, всматриваясь в темноту. Какой-то олух взялся тушить тлеющий костёр в степи! Стал затаптывать и разбрасывать ногами, искры взмыли ввысь, по ветру потянулась светлая полоска дыма, хорошо видимая пилотам на фоне кромешной тьмы. Немец, не медля, подвесил над этим местом осветительные бомбы, и через минуту-другую засвистели уже настоящие, несущие смерть... Бах! Бах! Ух! Тр-рах! Бах... Пацаны выскочили наверх, в степь, попадали ничком, вжались в землю, обхватив головы руками. А над ними, в зените – си-и-и... и совсем близко – ба!.. Степь ударила слева в челюсть, прямым – в грудь и в живот, мир звуков отрезала тишина. Дима понял, что он оглох...

– Может, так даже лучше будет, молодой человек, – посочувствовала, улыбаясь, Ухо-Горло-Нос, расписалась и передала карточку председателю комиссии.

Председатель сделал свою запись, поставил подпись и передал военкому. Военком поставил свою и приложил печать, подтянул к себе журнал в коричневом переплёте, подложил под кулак промокашку, обмакнул перо в фарфоровую чернильницу, переписал с карточки нужное и посмотрел на Диму:

– Приходи-ка ты в среду, что-нибудь придумаем. Народному хозяйству, нашей Советской Родине, во-о как нужны грамотные специалисты. Держи памятку, почитайте с отцом, с матерью, посоветуйтесь, а в среду верни.

В назначенный день, в оттепель, Дима покрутился какое-то время перед крыльцом двухэтажного старого здания с заплатами, остановился, поднял голову, расправил плечи и поднялся на крыльцо, постучал сапогами, сбивая с них грязный талый снег, снял кепку, вошёл, объяснил дежурному причину визита и поднялся на второй этаж. В середине коридора у распахнутой двери увидел военкома, тот отвернувшись, смотрел в окно. Когда приблизился, из кабинета вышла со шваброй и с ведром уборщица, соседка тётя Даша:

– Ой! Димка! Чё ж сапоги такие грязные? На, вытри!.. Семёныч, ты без женихов хочешь посёлок оставить? Ему ж семнадцать только что было! Вон Димидыча забирай, у того детишек куча и пьянь он беспробудная, а ядрёных нам оставь на посевную.

Дима поздоровался, перевёл взгляд на выходные сапоги старшего брата и пошаркал подошвами об тряпку.

– Не переживай, Дарья, не строевой наш Димка. Мы для него кое-что получше приготовили. Ну, здравствуй, Дмитрий. Проходи, присаживайся.

Военком пропустил Диму вперёд и закрыл за собой дверь. Дима вошёл, положил брошюру на стол и осторожно присел на заскрипевший стул.

– Ну как, Дмитрий Иванович, готов пойти в школу фабрично-заводского обучения в порядке добровольного набора? – без лишних слов спросил военком. – Это тоже фронт. Мобилизуем как сознательного, в характеристике отметим, дадим, так сказать, путёвку в жизнь.

Дима посмотрел в окно, обхватил ладонью дрожащее колено, вздохнул, вспомнил материны слёзы, молчание отца и озвучил то, что было решено на семейном совете:

– Согласен.

– Вот это правильно! Уважаю! Ответственность усвоил? Если исключат из школы ФЗО – до года колонии. А когда окончишь школу –

четыре на госпредприятиях, куда Родина пошлёт. Такие-то дела, Дима! Ну, коли согласен...

Военком снял трубку с рычагов и три раза провернул диск:

– Петрович, зайди ко мне. – Военком положил трубку и объяснил Диме: – Сейчас с Николаем Петровичем пойдёшь в строевое отделение и заполнишь бланк по форме... Война-то закончилась, сам понимаешь, только полтора года как. Ну, а ты будешь с крышей над головой, под присмотром и одет, и обут, и накормлен...

– Разрешите, товарищ капитан? – Вошёл мужчина с беспалой левой кистью, коротким взглядом окинул посетителя, выслушал военкома и преобразился: – Конечно! Какие могут быть вопросы, – и обнял Диму здоровой рукой.

По пути в отделение Николай Петрович с гордостью поделился успехами:

– Из прошлых мобилизаций все наши на учёбу попали в Москву. Теперь на важных стройках работают, аж до Урала и даже на Севере! Представляешь, есть и такие, кто прорабом, а кто бригадиром. За этих дорогих наших земляков мы две благодарности получили от Главного управления трудовых резервов...

Когда Дима смог безукоризненно заполнить вторую по счёту форму, помогавший ему Николай Петрович взял лист, нежно поводит им по воздуху, высушивая чернила, приложил к другим документам в белую картонную папку с надписью «Дело №» и завязал тесёмки:

– Здесь всё на подпись к начальнику, – кивнул головой в сторону кабинета военкома, строго посмотрел Диме в глаза и перешёл на официальный тон: – Через неделю, когда закончим призыв, пришлём повестку. Готовься. Лишнего не бери, обеспечат, – тепло улыбнулся и, выйдя из-за стола, подал руку. – Жалеть не будешь, Дима! Да и некогда нам.

2. На улице Рабочей

Другие ребята эртильского призыва, кто помоложе, были направлены на учёбу в ремесленные училища. Только он один – в школу ФЗО. Занимала школа четырёхэтажное здание на улице Рабочей, дом №10/14. Отсюда семь минут ходьбы до площади Ильича, за ней – станция электричек курского направления «Серп и молот». До станции метро «Таганская» на кольцевой – сорок минут ходьбы или десять минут на трамвае, итого, затратив час-полтора, можно было добраться до главных московских достопримечательностей.

На первых двух этажах школы располагались мастерские и классы, на третьем и четвёртом проживали учащиеся. За полгода можно было обучиться одной специальности из четырёх: электрика, плотника, слесаря

или шлифовальщика. В первый же день призывников распределили по классам. Как добровольцу, Диме разрешили выбрать специальность по душе, и он решил обучиться плотницкому делу. С каждого сняли метрику, подстригли под «бокс», выдали бельё и закрепили за комнатами. Заправку постелей отложили и всех отвели строем в баню.

В комнате, куда Дима вошёл с семью другими новобранцами, вдоль стен стояли по две четыре двухъярусные кровати. За изголовьем каждой – тумбочка, в углу слева, за дверью – казённый шкаф, посередине – квадратный стол, под ним – четыре табурета. На столе – гранёный графин, вокруг – четыре стакана. Вся мебель старая, битая, пережившая множество ремонтов, окрашена суриком, причём недавно.

Левую нижнюю койку у окна занял Женя Гавриков, шустрый москвич с фибровым чемоданчиком. Но его имя быстро забыли и окрестили Гавриком. Дима успел занять нижнюю койку в этом же ряду, ближе к двери, перед шкафом. Верхние койки в их ряду заняли два застенчивых паренька из Рязанской области. Справа разместились братья-близнецы из Липецкой и два паренька из Тверской. С лёгкой руки Гаврика комнаты стали называть кубриком.

На следующий день привезли обмундирование. Каждому выдали свой комплект, и ученики разошлись по кубрикам. Скоро захлопали двери, застучали каблуки новых ботинок – это ребята выходили в коридор к большому зеркалу. Перед ним толкались, крутились сначала в летней форме, затем возвращались в комнаты и надевали зимнюю и снова – к зеркалу. На каждом – чёрное двубортное полупальто, чёрные брюки, яловые чёрные ботинки, чёрная фуражка со значком, жёстким козырьком и ремешком. За воротом полупальто – синяя гимнастёрка, на чёрных петлицах с синим кантом металлическая шифровка: вверху – «Ш», ниже – «ФЗО», ниже – «7».

Неожиданно голоса и смех стихли. Из своего кубрика вышел Гаврик и вразвалочку направился к зеркалу. Фуражка сдвинута на затылок, брюки заправлены в носки, гимнастёрка – в брюки, ворот расстёгнут, и из-под него выглядывала тельняшка! Гаврик остановился и, засунув пальцы за ремень, заговорил, обращаясь к своему отражению:

– Ну, братишка, шик, да? Наград не хватает. Будут! Мой отец вот такой с фронта пришёл. Он в морской пехоте воевал. Чёрное море, голубой Дунай. – Объявил он гордо и прищёлкнул уголком рта. Парни вокруг засмеялись:

– Наряд вне очереди будет, точно!

С первого этажа загремела команда и разнеслась гулким эхом по этажам:

– Школа! На линейку! Выходи строиться!..

Ученики быстро вошли в ритм. Занятия проводились в классах и – а это было главным – за верстаками. Изучали материалы, приёмы обработки, крепёж, монтаж, технику безопасности. Никто дисциплину не нарушал и не лодырничал. Ребята возмужали и повзрослели: по утрам физзарядка во дворе школы, три раза в неделю физкультура. Было и трёхразовое питание, но молодые люди постоянно испытывали чувство повышенного аппетита.

Гаврик нашёл полезное занятие, поначалу смутившее Диму. В выходные, когда не было иных дел, они надевали старые телогрейки и ездили на Воробьёвы горы, где их ждали, со слов Гаврика, сокровища Али-Бабы, а проще, находилась одна из городских свалок.

Чувство брезгливости быстро прошло, и копаться в мусоре Диме стало даже интересно. Пожалуйста, бесплатно вам – Аркадий Гайдар без обложки. Но хуже он от этого не стал: «Школа» – раз, «РВС» – два, «Судьба барабанщика» – три! Или годовая подписка на журнал «Техника молодёжи», а вот россыпью «Вокруг света»! Однажды попались ему блестящие чёрные калоши с красной подкладкой, и что подозрительно: без изъяна, муха не сидела. Ну, что? Конечно, взять: Гаврик одобряет, место в сумке для такого товара всегда найдётся.

Дима понял, что Гаврика интересовали промышленные товары. Попались лаковые штиблеты с болтающейся подошвой – в сумку. Нашёл рубашку с рваными рукавами и полой, и её в сумку. Попались белые по происхождению парусиновые полуботинки – туда же. Объяснял просто: в пасмурную погоду сунет штиблеты в калоши, и придадут они хозяину солидности. У рубашки рваное отрежет, и вот тебе манишка под тёмно-синюю с кокеткой кофту на змейке. Парусиновые полуботинки нулёвкой зачистить, вымыть, перед выходом мелом натереть – сгодятся, чтобы пройти лениво по Парку Горького с эскимо, а то и по Тверской. Но однажды... Однажды Дима увидел, как Женя, насвистывая «Любо, братцы, любо», потянул из коробки и поднял на конце палки шёлковую футболку светло-зелёного цвета с чёрными воротничком и короткой планочкой на шнуровке. Дима застонал, а Женя, не поворачивая головы и не торгуясь, протянул палку в его сторону.

В последнюю субботу марта, когда с полей стаял почти весь снег, к Диминому рабочему месту подошёл Гаврик и положил на верстак прямоугольный кусок жести размером с тетрадочный лист. Показал свой такой же, но пробитый насквозь гвоздём часто-часто, через полсантиметра:

– Сделай себе так. Будем на «тошнотики» переходить.

После обеда, переодевшись и прихватив авоськи, поспешили на станцию «Серп и молот», сели в последний вагон электрички и поехали по

известному Гаврику маршруту. Вышли на четвёртой станции, осмотрелись, перебежали пути, в лесопосадке прихватили по палке размером с черенок лопаты и, не торопясь, двинулись по меже к багровоющему горизонту: слева поле с озимыми, справа – картофельное, цель их поездки. Через пятьдесят метров свернули и начали ковырять землю палками, искать прошлогоднюю картошку, болтая о высотных полётах, о штурманских расчётах и бомбометании с разных фигур пилотажа. Мёрзлые клубни складывали в авоськи, предварительно выложив изнутри газетами. За полчаса набрали килограммов по пять и направились в обратный путь.

В бытовой комнате картошку вымыли, удалили порчу и другие негодные места и сложили в таз. Таз отнесли в кубрик, и предупредили братву, что вечером будет пир горой. Сходили на ужин, каждый прихватил из столовки немного соли и хлеба

Затем приступили к подготовке самого продукта, тошнотиков. Для этого вымытую картошку натёрли с кожурой на тёрочках. Массу выложили на гладкие стороны тёрочек, дали воде стечь, посолили и спустились в котельную к горбатому Тимохе. Там на полке стояла банка с белым. Гаврик взболтал содержимое:

– Не дрейфь, это молоко, – сурово успокоил он и, увидев ставшие огромными глаза друга, рассмеялся. – И ты поверил! Откуда ж ему взяться? Тимоха давно не дойный. Это известка. Я буду сковородки готовить, а ты давай лепи тошнотики.

Намотал на палочку тряпку, обмакнул в банку и намазал небольшие круги на печных боках.

– Это чтоб не пригорали, – объяснил Гаврик, старательно выводя круги, затем обернулся к Диме: – Давайте патроны, поручик Голицын! – Взял у него первую порцию и налепил на каждый круг по лепёшке...

Позвали братву. Драники ели тут же в тёплой котельной вприкуску с известкой и весёлыми шутками. Поглощая драники, Дима заворожил ребят рассказом о том, что ни одному врагу ни в жизнь не попасть в наши объекты по баллистической траектории. Хитрость – разными эллипсами – он так и сказал: эллипсами – представляют географию Земли капиталисты и советские учёные. Вкуснятина! И так просто!

Незаметно пролетели шесть месяцев. В начале июня состоялся выпуск. Всем выдали дипломы и распределили по объектам необъятной страны. В числе лучших выпускников ФЗО Дима с Гавриком получили направление на подмосковный Строительно-монтажный комбинат, вручили им предписания и отправили на производство в Очаково – третья остановка электрички с Киевского вокзала, место приметное, рядом – Поклонная гора.

На производстве в отделе кадров получили по листу бумаги и под диктовку написали заявления о приёме на работу бригадирами в столярный цех. Новых сотрудников сфотографировали, дали три дня на обустройство и объяснили, как добраться до общежития.

3. Очаково

К проходной подошли на полчаса раньше, но на территорию их не пропустили: нельзя без пропуска. Дежурный по КПП велел ждать начальника цеха Кострова.

– Димка, – пленные!..

По улице к проходной приближалась серая колонна немецких военнопленных, навскидку, чуть больше роты. Шли в ногу, нестройным шаркающим шагом, который отчётливо выделялся в утренней тишине. Где-то в середине негромко и вполне сносно имитировала походный марш губная гармошка. Ребята притихли. Мимо шли равнодушные к окружающему миру люди в кепи, во френчах, в коротких сапогах или ботинках. Дима перехватил несколько брошенных взглядов. Каждый ощущался как укол, как то чужое, чему ты хочешь воспротивиться, но должен стерпеть.

Перед проходной гармошка замолчала. Колонна остановилась, повернулась, шеренги выровнялись, по порядку рассчитались. Дежурный взял у правофлангового лист расхода, сверил и открыл ворота. Последним прошёл молодежавый подтянутый немец, в руке он держал обычный саквояж. Этот немец был единственным, кто не участвовал в переключке. Даже в кепи с длиннющим козырьком он более других походил на офицера: френч перетянут ремнём, обут в высокие коричневые ботинки, на шее – белый шёлковый шарф. Другие немцы, если были в ботинках, то в чёрных, и никаких шарфов, значит, привилегия!

– Товарищ старший сержант, а они что, так вот без конвоя по улицам ходят? – полюбопытствовал Гаврик.

– А куда они денутся? Думаешь, подадутся в бега в свою Германию?.. Вот и я так думаю, что бежать им некуда.

– А последний? Кем он у них, он кто?

– Свен Краузе, доктор. Хороший мужик... Точно, что кудрявый, не врёт фамилия.

Дима посмотрел вслед медику, подметил кудри на затылке и белый кружок с красным крестом на боку саквояжа. Услышал восклицание дежурного по КПП и обернулся.

– О! А теперь посмотри, как наших эков ведут, во-он подгребают... Этих без конвоя нельзя, и оружие держи наготове. Половина – бандиты, зверьё. Потому и работают на самом гиблом производстве: мрамор шлифуют для нового храма знаний на Воробьёвых горах. Для них вход на

предприятие свой, особый... А наши немцы, они – в столярном. Немцев беречь надо, им, как говорит замполит, свою родину ещё поднимать...

Сказав последнее, старший сержант приложил палец к губам, отошёл и, звякнув медалями, показал в начало улицы:

– Встречайте своё начальство, молодое племя! Вон тот, что с тросточкой чапает, тот ваш Костров и будет...

Когда начальник столярного цеха подошёл к проходной, сержант вскинул руку к виску, по привычке отдавая честь начальству:

– Здравия желаю, товарищ Костров! Вот пополнение до Вас дожидается. – Сержант показал на Гаврика с Димой. – Пропусков не имеется.

– Знаю. Здравствуйте, молодые люди. Пропуска готовы. Они – наши новые бригадиры. Пройдут со мной, Пётр Фёдорович.

Поздоровались за руку и прошли на территорию предприятия. Завернули за угол, пересекли малый дворик, прошли вдоль длинной стены с огромными окнами, ещё раз за угол, толкнули металлическую дверь, поднялись на второй этаж, прошли по коридору, завернули, спустились, поднялись... и ребята окончательно запутались. Вошли в комнату с окнами на дальний лесок. Костров объявил, что уходит на планёрку, и велел ребятам ждать его здесь. Показал, где свежие газеты, поймал шнур, воткнул вилку в розетку и вышел, вслед из динамика пропикали сигналы точного времени...

Когда Костров вернулся, динамик пропикал во второй раз. По лицу начальника цеха видно было, что пребывал он в хорошем настроении:

– Новые заказы. Нас подключают к строительству большого столичного университета... Я же не предупредил: понедельник начинаем с планёрки, а в другие дни – по надобности. Ещё раз здравствуйте, – раскрыл папку и достал серые корочки с красной звёздочкой. – Вот ваши пропуска. Будем знакомы, Евгений... Дмитрий... Меня зовут Игорем Александровичем.

Костров прислонил трость к крышке стола и, прихрамывая, дважды по периметру обошёл комнату.

– Работать, товарищи, будете не с немецкими пленными, забудем это, а с немецкими специалистами рабочего батальона МВД. Военные преступники, СС там и прочие, получили по заслугам и далеко отсюда. Здесь собраны механики, столяры и плотники. Размещены в лагере, в свободное время на плацу мячик гоняют. Есть самодеятельность. Пригласили как-то, сходил и сам расстроился. Видно, сильно скучают по родине... Переписка разрешена. Обедают на территории в отдельной комнате, готовят им словаки, привозят румыны. Завтрак и ужин – в лагере. Голодно зато им. Но и мы не बारे. У них каждому – семьсот граммов чёрного, нам – по килограмму. Сами понимаете, это по справедливости... Стали небольшую зарплату им начислять, появилась возможность что-то в

буфете купить или попросить наших за территорией. Среди них – треть стахановцы. Их поощряем... И ещё: выбрали они себе старшего, зовут Гюнтер Кунц. Обращайтесь... Ко мне вопросы есть?

– Игорь Александрович! Мы же по-немецки только «хенде хох» да «гутен морген, майн шац», – заволновался Гаврик, приподнимаясь из-за стола.

– С первым, молодые люди, вы опоздали, а с последним – всё у вас впереди, – Костров усмехнулся и похлопал Гаврика по плечу. – Не переживайте, среди них есть переводчики, впрочем, русским понемногу владеют все... Честно скажу: вам повезло. Они умны, смекалисты, есть чему поучиться. И ещё, что немаловажно – дисциплинированы. Что такое нахамить или халтура, понятия не имеют... Ну, ладно, товарищи, время пошло: пора вас представить...

К обстановке в цехе новые бригадиры привыкли быстро. Они охотно обменивались впечатлениями и первым опытом. Обязанности просты: быть представителями начальства в бригадах и представителями бригад перед руководством. Правда, значительную часть этих функций брали на себя соответствующие органы. Для них же главное – распределить работу, обеспечить материалом и инструментом, а по ходу – выполнять контроль и следить за соблюдением техники безопасности. В остальное время – делать свою часть работы.

В первые дни Дима часто ловил на себе взгляды рабочих, понятно, к ним присматривались, оценивали. Скоро Дима стал замечать улыбки и доброжелательные интонации в голосе.

Неделя минула, подходит Гаврик:

– Пошли, братуха, перекурим.

Пока шли, снял рукавичку и показал правую ладонь, залитую зелёной:

– Ты же знаешь моего Карлсона, того лысого с бородкой? Ну вот, увидел он, что на ладони у меня от отвёртки мозоль образовалась, подходит: «Капут, гер Евгений? А вы делай так», и показывает кусочек мыла. Поводил по нему шурупом чуть-чуть и за секунду играючи вкрутил в раму. Мыло положил на место: «Всем нам».

– Прав Игорь Александрович, опыта им не занимать, – и в тон ему Дима поделился своими наблюдениями: – Тоже буквально час назад смотрю, что это у меня Мильх зарылся в стружку? Подхожу, спрашиваю, почему работа идёт медленно, а он – зато, без брака, гер Дмитрий. Показываю пальцем, у тебя здесь выходит люфт. А он мне под нос подсовывает какую-то фигню и говорит, что дальше будет работать с её помощью и получится «зер ордентлих». И знаешь, Женя, дождал и вижу, верно, аккуратно получилось! Они так ловко, одним словом,

Кулибины все те, кто на этой операции, «форихтунг», т.е. приспособление сделали и порядок чуть-чуть изменили.

– Ну да, конечно, прав Костров... Ты слушай дальше. Приводит Карлсон Свена, доктора. Кудрявый мне ладонь зелёной помазал и ещё сказал – это переводил уже Пауль Райнинг – что даже малые раны без обработки оставлять нельзя, питание бедное, «вениг витамине», и рана может загноиться. Ты видел, как часто Свен у своих руки и шею осматривает, нет ли гнойничков или нарывов? Как с детишками нянькается.

– А как тебе Пауль? – спросил Дима. Судя по интонации, ответ ему был интересен.

– Нормальный. Ты же знаешь, он всегда на помощь придёт. И другие за это его «шестёркой» и сексотом не считают... Так он с детства у нас жил. Рассказывал, отец его – мастер со своим клеймом, работал инструментальщиком в Липецке на металлургическом. Там Пауль после школы в институт пошёл. Это потом, перед войной, его семья в Германию подалась: фюрер позвал всех своих назад.

– Да, он рассказывал... Хороший парень. Вот и догадайся, что фашистом был. Каждое утро в понедельник, когда за инструментом идёт, остановится, спросит, как я выходной провёл, как Москва, что новенького в кинотеатрах. Спрашивает, есть ли девушка. И каждый раз, смотри, – Дима показал на себя, – вот так головой покачает и скажет: «Одному нельзя. Для души и для сердца надо, гер Дмитрий».

Утром очередного понедельника, как повелось, Пауль поинтересовался у Димы, как он провёл выходной день. У Димы к этому времени успело сложиться мнение, что рассказанные им фрагменты своей жизни питают другую жизнь, нереальную, ту, что существует в мечтах и воспоминаниях. Видел, что эти рассказы для Пауля – глоток свежего воздуха, и он спешит его сделать.

– Мы с Женей ходили на рыбалку. На Навершковские пруды, здесь недалеко, на север с километр будет. Наловили карасиков.

– Ты неисправим, гер Дмитрий. И что вы с ними сделали?

– Там по берегу растёт лесок, собрали хворост, развели костёр и испекли. Делается так: палочкой протыкаешь через рот до хвоста, втыкаешь поближе к костру, где жар, потом с корочкой чешую снимаешь, солишь и ешь. Очень вкусно. Обхохочешься – морды и руки в саже. Загорали, купались, в полдень вернулись. Вечером в клубе смотрели «Дети капитана Гранта».

– А мы играли в футбол. Финал. Наша команда проиграла... Так-так-так... Значит, гер Дима, девушки для души и сердца у вас по-прежнему нет. Это есть плохо, дорогой друг. Я за вас болен.

4. Надежда

В конце лета, в субботу вечером, Гаврик и Дима единодушно выразили желание встать пораньше и съездить в Тушино на праздник Авиации и Военно-воздушного флота. Посмотрев полёты, высший пилотаж и прыжки с парашютом, воодушевлённые отправились в Парк Горького, чтобы испытать себя и прыгнуть с парашютной вышки. Покрутились по парку, по указателям нашли, взяли в кассе билеты, встали в очередь. Вместе с другими наблюдали, как получалось у граждан. Особенно забавно выходило у подвыпивших мужиков и у женщин, позволявших себе в лёгких платьицах полёты навстречу ветру. Мужики, те наверху много балагурили, геройствовали напоказ, смешно приземлялись. С их слов, они все – десантники, и что с ними не такое бывало. Женщины, если поднялись на вышку, то покидали площадку отчаянно, но в полёте терялись, не зная, за что им держаться: за лямки или за подол платья. Очередь восторг от увиденного не скрывала.

Исполнив ритуал посвящения в герои, ребята помассировали бёдра и бицепсы – ясно: синяков не миновать – и вышли за ограждение. Они, возбуждённые, сразу не заметили двух девушек, стоявших у решётки. И ребята прошли бы мимо, как вдруг одна из них, беленькая, соорудив восхищенную мордашку, сделала в их сторону комплемент:

– Э-э-эх, какие па-арни!

Ребята оглянулись и остановились, а беленькая, как бы и не замечая вовсе:

– Если бы я в молодости знала их номер полевой почты, все четыре года письма бы им писала и ждала. Ой! Да они ж совсем молоденькие! Нет, не писала бы, а вот погулять погуляла бы... за ручку.

– Сколько ж тебе лет, комсомолка? Нам с малолетками связываться не резон, руки быстро свяжут... – Сказал это Гаврик естественно и непринуждённо, чему Дима всегда завидовал. – Ладно, девчонки, а если серьёзно? Сами-то откуда?

Как бы равнодушный к юным особам, Гаврик занялся более важным делом и постучал по асфальту белыми парусиновыми полуботинками, стряхивая с них невидимую пыль.

– Есть с Пресни, есть с Бережковской набережной. А вы, мальчишки?

– У меня, например, два адреса, – Гаврик потихоньку перехватывал инициативу, – Сокольники и Очаково, у Димы – Очаково. Давайте так, если допоздна гулять будем, Дима проводит ту, что живёт ближе к Киевскому, значит, на Бережковской, а я – ту, что на Пресне. Лады?.. Меня Женей зовут, это – Дима, друг мой.

– А это, ребята, наша красавица, – бойкая светленькая подтолкнула вперёд свою подругу, – наша Надежда, её Дима проводит. Да, Дима? А

меня замарашку проводишь ты, Женя. Мачеха меня Яной зовёт. Чем не Золушка, скажи? Со мной, как в сказке.

Гаврик широким жестом запустил руку в карман брюк и вытащил смятую пятёрочку:

– Дима, не в службу, а в дружбу: за павильоном мороженое, возьми всем по эскимо. Стой... Девчонки, а пошли на качелях-лодочках покатаемся, и мороженое нам по пути...

Утром в понедельник одним из первых за инструментом мимо верстака бригадира пронёсся Пауль. Спортивной ходьбой с пятки на носок, подняв руки на уровень груди, раскачиваясь и пытая, как паровоз. На обратном пути остановился:

– Как прошёл день, гер Дмитрий?

– Мы с гером Женей в Парке Горького познакомились с девчатами. Здорово провели вечер. Я провожал Надю, мы гуляли по набережной, дошли аж до Новодевичьего монастыря... Нет, нет, он-то на другом берегу. Надя мне понравилась. Едва не опоздал на последнюю электричку.

– Гер Дима, расскажи с самого начала, пожалуйста. Это же счастье! Нет, не сейчас. Когда курить все пойдут, я приду, хорошо, да?..

Начало октября – осень золотая. После ранних ночных заморозков, в безветрие, липы дружно осыпали золотом парки, скамейки и тропинки. В немецком лагере, точнее, в городке рабочего батальона, крыши восьмиугольных войлочных юрт покрыл белый иней. Над крышами из согнутых под прямым углом труб поднимались вертикально вверх несколько десятков сизых дымков. Издалека их ряд, подсвечиваемый снизу фонарями, казался засохшим берёзовым леском в гнилой низине: тонким, белоствольным, но без ветвей и макушек.

Сегодня в цехе безлюдно, тишина. Объявили, что до обеда немцы получают со складов новую форму и переходят на зимнюю. В девять заглянул мастер с соседнего участка и заговорщицки сообщил:

– Мужики, если хотите френч, то можете обменять у фрицев. По себе знаю: очень практично. Они будут «за».

– На что обменять? У нас нет ничего стоящего.

– Они будут рады буханке хлеба. К Гюнтеру обращайтесь. Сначала договоритесь, потом сгоняете на базар, а фрицы вам подберут по размеру...

Через неделю в цех зашёл Костров. Походил между верстаками, осмотрел и потрогал выставленные вдоль стен двери с коробками, рамы и прочую столярку, подготовленную к передаче в молярный цех. Подозвал прорабов, мастеров, бригадиров и вывел всех за собой в курилку.

– Дела идут неплохо. Молодцы. Однако, товарищи, когда видишь вас за работой, только по кепкам и можно отличить немца от нашего. Это ненормально, но препятствовать пока не буду. Только на штаны их протёртые не переходите, гордость имейте. И запомните: френч – это рабочая одежда. За территорию выходить только в своей... Ладно, идите работать...

В пасмурное, слякотное декабрьское воскресенье с утра шёл дождь со снегом, к полудню подул сильный ветер, и стало нет-нет да и выглядывать солнышко. После обеда Дима засобирался на свидание. Насвистывая, искал баночку с гуталином. За ним наблюдал с кровати Гаврик, благодушно чувствуя себя, отобедав и выпив в кубрике дополнительную порцию горячего чая.

– А ты разве сегодня никуда не пойдёшь? – спросил между делом Дима.

– Нет. У нас с Яной выходной. У них на Капрановке сдают ГТО. Может, вечером. Но какое сегодня гуляние? Попозже позвоню с вахты... Слушай, Дим, а возьми-ка ты лаковые штиблеты с калошами. С новой кепкой солидности придадут. За питерского интеллигента сойдёшь: человек рассеянный с улицы Бассейной, – рассмеялся Гаврик. – Достать?

– Давай. Посмотрим.

Гаврик встал и полез под кровать. Дима взял штиблеты, покрутил, осматривая. Носы были перетянуты чёрной изолентой, а так ничего: сияли потрескавшимся лаком. Дима обулся, всунул ноги в калоши, встал, набросил форменное полупальто со срезанными петлицами, надвинул кепку на глаза.

– Ты чё-о! Картонку выньми!

Напугав друга окриком, Гаврик взял кепку, провёл пальцами под её верхом и вытащил картонную ленту, придающую форму товарному экземпляру:

– Носят так!.. – и отошёл к окну. – Дима, а ты у нас красавец – сам Пётр Алейников! Кружечку будешь должен.

Дима рассчитал точно: ждал он Надю, судя по уличным часам при входе в Бородинский сквер, всего пять минут. Подбежала она какая-то суматошная, будто опоздала на час:

– Дима, я зонтик забыла, а у нас полдня впереди. Вернуться надо, пойдем, проводишь до дома.

Идти было недалеко. Дом Диме показался внушительным, вахта, лепнина, знакомая столярка из дуба, лифт, но он сдержал себя и не показал удивления. Звонко закрылись первые ажурные двери лифта, солидно

простучали внутренние, запела лебёдка, на шестом гулке этаже вышли. Но как только Надя позвонила, Дима тут же спрятался за угол.

– Ты куда? Зайди хоть на минуточку, я быстро.

Дверь распахнулась, открыла женщина, и Диме стало не по себе: вдруг она подумает, что он прячется, и его уговаривать надо, как ребёнок. Он смело вошёл вслед за Надей и поздоровался. В прихожую вышел из комнаты высокий седой мужчина в безрукавке с газетой в руке и очками на носу, с виду учёный. Дима представился, то же сделали родители, а мужчины дополнительно обменялись рукопожатием.

– Раздевайтесь, Дима. Снимайте калоши, пальто на вешалку. Если надо руки помыть, то туалет здесь. – Родители вежливо покинули прихожую. Надя вышла вслед, и уже из комнаты послышалось:

– Мам, я чай поставлю, мы посидим на кухне пять минуток, согреемся. А может, все вместе в комнате, а?

Диме стало плохо. Штиблеты! Снять вместе с калошами? Он уже не мог вспомнить, в каком состоянии были его носки. Надвигалась катастрофа...

Дима схватил в охапку пальто и выскочил на площадку, покрутился, выбирая, куда дальше, и помчался, путаясь в рукавах, вниз по ступенькам. Вырвался из подъезда и, шлёпая по лужам, побежал дворами в сторону Киевского вокзала. В наступающих сумерках он, как птица, летел в распахнутом пальто под хмурым с промоинами небом, и под растерзанными стаями галок и воронья душа его кричала от отчаяния...

В эту минуту Дима более всего хотел, чтобы Пауль прошёл мимо. Но он не прошёл, он остановился, подождал, и, когда Дима поднял голову, заглянул в глаза.

– Случилось что, гер Дмитрий?.. Мне уходить, да?

– Да нет, гер Райнинг, отчего ж... Пауль, вчера я потерял Надежду.

– В смысле, Надю?.. Ладно, будет перекур, подойду, да?..

Прозвенел короткий звонок. Послышались голоса. Работа некоторых станков приостановилась. В цехе стало тише. Рабочие потянулись к выходу на перекур. К Диме подошёл Пауль.

– Сначала, чтобы не забыть, гер Дмитрий: Гюнтер просит, так как скоро новые конструкции начнём делать, просит сказать нам заранее, какие конкретно. Узнайте, пожалуйста, и мы подготовим нужные приспособления. Ну, рассказывайте, гер Дмитрий, – и Пауль чуть ли не в лоб Диме упёрся своим длинным козырьком.

– Приехал я на Киевский и быстренько почесал до Бородинского сквера, только отдышался, смотрю, а вот и Надя... – начал Дима.

Когда он изложил до конца свою драматическую историю, Пауль выпрямился и облегчённо вздохнул:

– Дима, здесь есть позитив. Смотрите, вас пригласили в дом – это раз... Как почему? Разве просто так девушка будет знакомить родителей со своим молодым человеком? Вы же ей интересны. Дальше... Вы не сделали хуже мнению о вас – это два. Надя будет думать, что вы очень стеснительны. Всякому известно, что это качество часто рядом с добротой... Ну вот, Дима, ты уже улыбаешься. Теперь мне надо хорошо думать, как тебе помочь...

В субботу, в конце рабочего дня, излучая свет, подошёл Пауль и сообщил, что через две недели, в канун Рождества, в рабочем клубе состоится концерт их самодеятельности:

– Найдите Надежду и пригласите в клуб. Репертуар готовим приличный: классика, песни, художественное слово, фокусы, клоуны. Начало в десять ноль-ноль.

Воскресным ранним утром Дима вышел из электрички и с нетерпением направился в сторону известного ему дома. Выбрал место для наблюдения. Прождал час и увидел, как из подъезда вышла Надя. Он снял и отряхнул шапку, обстучал снег с плеч, обошёл стороной предполагаемое место, где пересекутся их пути, развернулся и пошёл навстречу. А она его так и не заметила! Дима остановился в пяти шагах и поздоровался. И ничего страшного не произошло: она улыбнулась... нет-нет, она обрадовалась! Ну, а счастливый Дима тут же ей всё-то и выложил. Посмеялись, как дети, затем Надя взяла его под руку – свершилось чудо, от которого у Димы перехватило дыхание – и они парочкой, на которую никто не обращал внимания, продолжили поход в магазин за хлебом.

Пауль встретил их у входа в зрительный зал. Представился Наде, пропустил молодых людей вперёд и пошёл следом, подсказывая. У четвёртого или пятого ряда остановился и показал их места: второе и третье, сам занял первое, самое крайнее у прохода.

Публика пребывала в приподнятом настроении. Места хватило всем. Скоро раздались робкие аплодисменты, через полминуты повторились настойчиво, и на сцену из-за занавеса, слегка покачав его, выбрался самодеятельный конферансье. Отличал его от других, сидящих в зале, огромный синий бант в белый горошек, повязанный под подбородком. Конферансье поприветствовал зал, поздравил с наступающим Рождеством, несколько раз пошутил, и долгожданный концерт начался...

Красный от удовольствия и от усердия конференсье объявил следующий номер и, выдержав паузу, назвал имя исполнителя – Пау-уль Ра-айнинг!

Пауль рывком поднялся с места, у края ряда на секунду замер, вытянувшись, и свободным ровным шагом, чуть наклонив голову к плечу, направился к сцене. До лесенки он не дошёл: на середине по-спортивному упруго шагнул вверх и оказался у микрофона. Из партера послышался сипловатый голос:

– Ду вирст фройлайн Зольфайг, Пауль? – В зале раздался дружный смех.

– Натюрлих, фройндэ! – нисколько не смущаясь, улыбнулся Пауль, достал большой белый платок и повязал им голову. Смех повторился. Пауль поднял брови, кивнул кому-то в зале, как бы соглашаясь, снял платок и подsunул под ремень вокруг талии – получился скромный фартучек – оглянулся и подал знак аккордеонисту.

Зазвучала нежная, трогательная мелодия... Шорохи и покашливание потихоньку прекратились. После первой же строчки зал замер. Дима почувствовал, как Надя сдвинула ему локоть, и повернул голову: та сидела, закрыв глаза, даже рука её не опустилась на колено, замерла на полпути...

– Ты знаешь немецкий? – шепотом спросил он.

– Нет, французский, но я знаю о чём...

Скоро аккорды подвели песню к финалу. Из чьей-то груди вырвалось короткое сдавленное рыдание, со стороны советского персонала чувствовалось некоторое смущение, вызванное, похоже, недопониманием. В наступившей тишине Пауль обменялся взглядом с аккордеонистом, вновь полилась грустная мелодия, и он запел, глядя вдаль:

*Зима пройдёт, и весна промелькнёт, / И весна промелькнёт;
Увянут все цветы, снегом их занесёт, / Снегом их занесёт...
И ты ко мне вернёшься – мне сердце говорит, / Мне сердце
говорит,
Тебе верна останусь, тобой лишь буду жить, / Тобой лишь буду
жить...*

Надя прижала лицо к плечу Димы, он же находился в замешательстве, взгляд его скользил по безмолвному залу. Многие, будь то русские или немцы, склонили головы, виднелись одни лишь затылки и опущенные плечи. За почти сто лет существования драмы «Пер Гюнт» и музыки к ней, мир вряд ли испытал более сильные чувства, одновременно выраженные людьми, собравшимися в одном тесном пространстве.

В понедельник со словами: «От Надиной мамы», Дима вручил Паулю кулёчек. Пауль развернул, сунул в него нос, и вдохнул аромат чудесных пирожков с картошкой и капустой:

– Дома-ашние! Зер гут!.. Я один съем, а остальные отдам доктору Краузе. Он имеет вход в лазарет. Там наши товарищи, они порадуются Рождеству. Надя не против, думаю, да?.. Очень вкусно!.. Ах, как вкусно!.. Маме – спасибо, Дима, да?

– Конечно, передам! Рассказала Надя своим про концерт. Так разговоров потом было... Песню твою Надины родители знают, папа даже мелодию по памяти подбирал: «ту-у-рум ту-ру-рум ту-ру-ру-ру-ру-рум...».

– Это песня Сольвейг, норвежская: музыка Грига, слова Ибсена. Слова и ноты Гюнтер попросил начальство помочь найти... Дима, тебя спрошу, да? Кто-то из ваших проговорился, нас вроде по домам скоро отправят, не слышал?.. Ладно, подождём.

Пауль, полез в карман брюк и одним лишь пальчиком достал платок, вытер руки и губы, вздохнул:

– Мне возвращаться некуда. Последнее письмо от отца пришло в 43-м из-под Курска... А в июле 44-го наш дом попал под бомбёжку. До этого писала сестра, если советские прилетали, наши не прятались, советские только завод и станцию бомбили, а прятались от союзников: тем лишь бы куда сбросить. Потом от бургомистра было письмо: накануне бомбоубежище затопило, потому моим бежать было некуда...

– Пауль, а кем ты был на войне?

– Посмотрим на петлицы, – Пауль оттянул угол воротника, чтобы видеть обоим. – Красный – в артиллерии. Маленькие крылышки, как чайки – связь с авиацией, а их две, значит, младший фельдфебель зенитной артиллерии. Полк наш до октября 44-го стоял в Киркенесе, мы защищали аэродром. Это – Норвегия, Заполярье...

Пауль повернулся и хотел, было, идти дальше, но задержался у края верстака. Надвинул кепи на глаза, тяжело облокотился на угол и ушёл в себя, отвернувшись и разглядывая по очереди свои ботинки.

Дима вспомнил вечер и задумался. Вчера у них с Надиным отцом на кухне состоялся странный разговор, где Василием Сергеевичем было много чего сказано, в том числе такое, отчего сознание Димы попросило передышки. А началось с его же ответа на вопрос, как он воспринимает немцев. Ответил, не задумываясь, так, как решил уже для себя, что немцы – люди, как люди, нормальные, одним словом. Потом-то отец Нади и сказал... Дима напрягся: «Сейчас вспомню... Да, он сказал так: сознание и поведение людей определяет то, как они измеряют добро и зло, а это не приходит с рождением. Поэтому очень важно, кто даёт им способ измерения. Если одним и тем же вещам люди дают близкие оценки по

шкале добра – именно «по шкале» он сказал – то наступает гармония, ведут они себя одинаково».

Дима посмотрел на загрустившего Пауля.

– Пауль, отец Нади вчера сказал, что все люди одинаковы, но ведут себя по-разному, потому что их по-разному учат понимать, что есть добро и зло.

– Ну да! И мы здесь не только рубанком двигаем, мы извилинами двигаем тоже. Мы часто говорим об этом, спорим. Времени-то у нас много, да? – улыбнулся Пауль, возвращаясь из мрачного прошлого.

В конце зимы 48-го, рано утром неожиданно объявили об эвакуации лагеря. Всех отвезли в баню. Взамен шинелей и кепи выдали новые тёмно-синие телогрейки, шапки-ушанки, чемоданчики, сухпайки. Накормили обедом, подогнали грузовики и, строго выполняя план репатриации, отвезли на станцию Немчиново Белорусской железной дороги.

Дмитрий получил новое назначение – Усть-Ишимск на севере Омской области. Евгения отправили в Иркутск, и их пути разошлись. Дмитрию предстояло проложить в тайге просеку 70-метровой ширины для будущей узкоколейки. Контингент – гордые и угрюмые чеченцы. Затем были Первоуральск, Казахстан, Марьино Роща в Москве, Эртиль, Рязань и т.д. и т.д. Овладел специальностями автомеханика, слесаря, плотника, столяра, газо- и электросварщика. Научила жизнь многому: как построить дом, поставить сруб, вспахать поле и собрать урожай, заготовить сено, содержать сад, огород и скотину, играть на гармонии, на трубе и домре, писать картины маслом. Построил аэросани, винт рассчитал и выточил сам, собрал несколько авто. Ему далеко за восемьдесят, а он по-прежнему за рулём и ездит на рубалку...

5. Яблони в цвету

Первая половина мая 2015-го. С Дмитрием Ивановичем сидим в его саду под старой яблоней. Он неподвижен, как сфинкс – на скамеечке, я – на табурете сбоку. Мы знакомы с ним более сорока лет. Столько же лет и яблоне. Её старые сучья прошлой осенью были удалены, весна это заметила и набросила на нашу яблоню нарядную бело-розовую шаль.

Дмитрий Иванович, делясь воспоминаниями – это даже диалогом не назовёшь – сам себе рассказывает то, что ему интересно, и смотрит на точку впереди, на траве, метрах в трёх. Делает паузы, пережёвывает губами, перебирает в памяти. Мне тоже спешить некуда. Иногда задаю вопросы, слышит он не все.

За время наших встреч Дмитрий Иванович три-четыре раза заводил разговор о немецких пленниках, с которыми ему довелось работать в

юности. Не помню, с чего начали в тот майский день. Возможно, с воспоминаний о его учёбе в школе ФЗО. Да, скорее всего... А впрочем, может, то был День Победы?..

– Были там словаки, румыны, те рыжие, а в основном, – немцы. Жалко их очень, сильно голодали. А с другой стороны, кому тогда было сладко, все недоедали.

– А среди них были подростки, пожилые?

– Нет. Только зрелые мужчины.

– Кто они как люди? – Вижу, что вопрос Дмитрию Ивановичу не до конца понятен, спросил иначе: – Что можешь сказать об их человеческих качествах?

Он, глядя на выбеленный ствол старой яблони, пожевал губами и ответил тихо:

– Ну и вопрос же ты мне задал... – Сделал большую паузу. – Вспоминаю их только добрым словом. Они ж не виноваты. А потом, мы не воевали, мы работали, одно дело делали... Что ж теперь всю жизнь и им, и нам с камнем за пазухой жить?

Перевёл взгляд на яблоневый цвет, где копошились пчёлы.

– Яблоню помнишь? А ведь ей столько же лет, сколько мы с тобой знаем друг друга... И до тебя я столько же прожил... Более сорока... Что сказать-то хочу. – Думает. – Хоть и побросало нас в те времена государство наше по огромной нашей стране, мы не чувствовали себя несвободными. А знаешь почему? – Помолчал. – С юношеских лет усвоил, что свобода – это осознанная необходимость. Так Энгельс, их земляк, сказал. Вот и получалось, коли так надо твоей Родине, не огорчайся, потерпи, не вбивай себе в голову, что ты какой-то там раб подневольный. – Помолчал. – Трудно, но так надо было. Родина, она ж всем нам мать.

II. КАРТИНКИ ВЕСЁЛЫЕ И ГРУСТНЫЕ

Скорый на Бухарест

*Наливался тучами закат,
Перестройку начали с рассвета...*

Из магазина, расположенного на окраине микрорайона, вышел дядя Ваня. В руке – любимая сумочка, сшитая из болоньи. Ступал он медленно, как бы приставными шагами, по сторонам не смотрел, больше – под ноги. Проходя мимо мусорных контейнеров, услышал хруст, повернул голову и увидел за контейнером бледного человека неопределённого пола с включенной головой. Губы и подбородок его были залеплены пищевыми отбросами: то ли рыбой, то ли творогом, в руке он держал куриную косточку, покрутил, разглядывая, и отгрыз второй хрящик. Дядя Ваня нахмурился, поджал губы и засопел. Минуту спустя свернул к очередному кварталу и направился к типовой четырёхэтажке. Вошёл в обычный подъезд, в котором стены и запах тоже были обычные. Проходя мимо почтовых ящиков, сунул мизинец в отверстие одного из них – нет ли почты. На четвёртый этаж поднялся с трудом. Достал ключи, открыл дверь и, пошаркав у порога, зашёл.

В крошечной прихожей, упираясь в пятки, снял старые кеды. На кухне бросил на стол кошелёк, выложил покупки: полбуханки чёрного, бутылку молока и банку консервов. Привёл себя в порядок и вернулся на кухню. Нарезал хлеб, открыл консервы и присел у окна. Ел из банки, хлеб посыпал солью и запивал молоком. Остатки убрал в пустой холодильник.

Прихватил кулёк с семечками, чашку и прошёл в комнату. В комнате включил старенький телевизор и уселся на диван. Брал семечки из кулька, расщеплял, шелуху бросал в чашку, семечки – в рот и не спеша

пережёвывал. Показывали выступление группы «Наутилус помпилиус»: что-то про гороховые зёрна. Подошёл к телевизору, взял с угла тумбы пассиважи и переключил канал. Посмотрев, как работают со зрителем «напёрсточники», переключил на другой. Показывали экранизацию новеллы О'Генри «Фараон и хорал».

Дядя Ваня вернулся на диван. Смотрел недолго – собственные размышления подняли и направили к книжной секции. На полке нашёл томик О'Генри, развернул, нашёл новеллу, начал читать, перешёл на диван, прочитав, вернул книгу на полку. Задумался, подошёл к окну, за окном – ночь. Постоял, вернулся на диван. Мысли на его лице не отражали эмоций, но покоя они ему не давали. Встал, подошёл к серванту, поднял трубку телефона – тишина... Положил на место. В голове его зрел план.

Дядя Ваня принёс из второй комнаты кожаный портфель с двумя застёжками. Подошёл к серванту и принялся выдвигать ящички, копаться, а что нужно, выкладывает на стол. На столе оказались паспорт, партбилет, грамоты, фотографии, вымпелы со значками, орден «Знак Почёта», комплект ключей. Долго всматривался в пожелтевшую фотографию. На ней – мужчина в будёновке и женщина. Мужчина держал младенца, завёрнутого в одеяло. Дядя Ваня захлюпал носом.

Всё, что было на столе, переложил в портфель, сел и начал писать письмо. Ключи и письмо положил в конверт, запечатал и убрал в портфель. Вышел, запер дверь и спустился на второй этаж. Подошёл к двери квартиры, где жила бывшая одноклассница, позвонил. Послышалось шлёпанье тапочек.

– Кто там?

– Света, это – Ваня с четвертого, – глядя под ноги, ответил дядя Ваня.

Дверь открылась, и на площадку вышла Света.

– Здравствуй, Иван. – Оглянулась и зачестила, чуть шепелявя: – Извини, мой такой бардак устроили. Давай здесь поговорим.

– Здравствуй, Света. Вот какое дело: уезжаю на неделю, может, на две. Пригласил друг один. – Кивнул на портфель. – Здесь мелочь разная, в конверте – на всякий случай письмо и ключи. Юра, может, заедет. Часть их сократили, самих бросили. Передашь?

– Конечно! Давай... Далеко едешь?

– Да нет. Завтра к обеду буду на месте. Пойду собираться.

– Счастливого пути, Вань.

Дяде Ване не спалось, он вздыхал, ворочался, как только рассвело, встал и вышел из комнаты. Вернулся, запихнул постель в шкаф. Глядя на двор родной до боли, выполнил пару простеньких упражнений, сделал глубокий вдох, наклонился и замер... осторожно выпрямился.

В ванной комнате поводил бритвой по щекам, в глаза старался не смотреть. Прошёл на кухню, заглянул в кошелёк, вздохнул и швырнул в мусорное ведро. Достал из холодильника остатки ужина. Пожевал, поморщился, пустую бутылку поставил под раковину.

Во второй комнате взял из шкафа новые ботинки с ремешком на щиколотке. В прихожей с помощью длинной ложки обулся. Не получалось завязать шнурки. Выдвинул скамеечку, сел и, изворачиваясь, на боку, кряхтя и отдуваясь, втиснул веревочки негнушимися пальцами между носками и чёрной кожей. Отдышался, попробовал встать – не получилось. Развернулся спиной вверх и осторожно поднялся, упираясь в скамеечку, затем – в стену.

Ещё раз прокрутил в голове свой план: «На вокзале подойду к ментам, мол, отстал от поезда. Спрошу, когда ближайший скорый на Бухарест? А они – о-о-о! У старика крыша поехала. Спросят: Ты кто? А я им: Ничего не помню, сынки. – Усмехнулся довольный. – И накормят, и спать уложат, и витрины бить не надо, всего-то и делов».

Вышел, запер дверь и начал спускаться, делая остановки на каждой ступеньке. Повернув в очередной раз, увидел ниже на один пролёт Свету. Она ждала, когда он освободит лестницу.

– Доброе утро, Ваня. Ты ещё не уехал?

– Доброе утро. Вот в аптеку сбегаю.

Здесь пластмассовая лента перил заканчивалась завитком. За железную полоску, которую она обхватывала, рука зацепиться не успела. Дядя Ваня, чувствуя, что теряет равновесие, и, видя только широко раскрытые глаза, сел и съехал к ногам Светы.

– Старичок ты мой. – Света по кругу обошла его и отряхнула. – Вань, ты вчера смотрел выступление президента? Помнишь, он...

Дядя Ваня отрицательно помотал головой и, задыхаясь, вышел во двор.

На скамеечке, подперев голову тростью, сидел сосед. На лацкане – значок «Ветеран ВОВ».

– Здорово, Иван Денисович. Куда это ты собрался? Смотрю, ботинки у тебя лёгчицкие.

– Здорово, Николай Алексеевич. В аптеку. – Дядя Ваня присел рядом, постучал ботинками. – Юра подарил.

– Так и не нашёл Наташину трость?.. Может, среди могилки поставил, когда на сорок дней ходили? Возьми мою. Я часок ещё посижу.

Дядя Ваня отрицательно помотал головой. Сосед, поглядывая на прохожих, перешёл к любимой теме о единстве армии и народа:

– Да-а! Вся страна в камуфляже: и бомжи, и торгаши, и дачники, и пенсионеры, и молдаване, – поделился он результатами наблюдений и, как водится за стариками, вспомнил свои времена:

– А бывало, офицер... погоны-то на нём золотые, шинелька талию и спинку поддерживает, сапоги сияют или брючки наглажены так, что обрежешься. А женщина рядом, – сосед поиграл плечами, – такая вся гордая вышагивает.

Дядя Ваня встал.

– Я тебе лучше анекдот расскажу, что Юрка в прошлый раз привёз. Ты ж техником был?

Сосед кивнул и открыл рот.

– Ну вот: «Армии НАТО без войны оккупировали Россию. По аэродромам слоняются летуны и технари. Что с ними делать? Америкосы решили спросить у замполита. Тот предложил отрезать воротники и зашить карманы – сами вымрут».

Сосед засмеялся, закашлял. Дядя Ваня похлопал его по спине и направился в сторону бульвара.

Брёл он медленно, своим стилем. Идти было не то чтоб легко, скажем, не трудно. Да, покачивает. Да, ноги заплетаются, и шнурки болтаются. Неожиданно дядя Ваня заметил и понял, почему его обходят, сторонятся. Как вести себя, решить не успел: его внимание отвлекло ощущение жжения в середине груди, за косточкой. Подошёл, загребая ботинками, к скамейке. Удивился, что успел оценить её как последнее ложе, усмехнулся, мол, всё пройдет. Постарался дышать ровно, глубоко, как вдруг вовнутрь хлынул поток расплавленного свинца. Дядя Ваня подскочил, рванулся вперёд и упал на скамейку. Правая рука оказалась под ним, колени на асфальте, голова вблизи урны, дышать стало тяжело, окружающее виделось в тумане и только на уровне пояса.

За этим наблюдала из своего окна приболевшая третьеклассница Юля, откусывая понемножку от булочки и запивая молоком. Юля быстро поставила чашечку на подоконник, сверху – булочку. Побежала в комнату, схватила трубку телефона, набрала номер и стала ждать, переступая и приседая.

– Мамуля! Здесь дядя... Нет, он на скамеечке... Не перебивай, послушай! Старенький, он заболел и упал на скамейку... Нет, они на работу спешат... Мамуля, позвони скорой помощи... Позавтракала.

Встревоженная, но довольная Юля вернулась на свой пост.

Дядя Ваня лежал в той же позе. У левого колена набежала лужа. Послышался звук стеклянной бутылки, извлекаемой из урны. Тень прошла мимо, и кто-то присел у его ног. Через минуту этот кто-то снял с него ботинки и ушёл.

Остановилась парочка.

– Владик, может, помощь нужна?

– Ну что ты, ему так хорошо, смотри, даже в штаны надул. – Парень хохотнул. – Ну его, алкаша, пачкаться.

– Дурак ты.

Мимо пробежали мальчишки. Прилетел окурок, ударился об урну, отскочил и, оставив пепельный штрих на переносице дяди Вани, упал рядом. Вслед донесся дружный смех.

Прошуршав, остановилась машина скорой помощи. Вышли два белых халата:

– Поднимайся, батя! Что ж ты с утра так надрался!

Медбратья подняли дядю Ваню за плечи и усадили на скамейку, тот тихо застонал и прошептал:

– В Бухарест надо... в дом престарелых... в больницу. – И добавил, чуть ли не плача: – Я ж ничего не помню.

– Стоять можешь? – прокричал один из братьев в самое ухо.

Дядя Ваня кивнул. Медбратья подхватили его под руки и поставили на ноги. Видно стало, что брюки у старика были мокрые от гульфика до левого колена. Белые халаты пристроились по бокам.

– Ну, ступай, отец!

Через пару мучительных шагов дядю Ваню качнуло вправо, ушёл вправо белый халат, качнуло влево, ушёл левый. Старика потянуло вверх, его босые ноги забились в ритме ирландского танца. Как дерево, потерявшее корни, он начал крениться, повернулся затылком к земле, ещё мгновение, и его голова с размаху ударилась об асфальт. Прохожие на глухой треск кто обернулся, кто поднял взор, а те, кто не успел отвести глаза, могли видеть, как ноги в серых носках, замедляя танец, успокоились.

В окне, как ящерица на солнышке, замерла Юля, прижавшись к стеклу щекой и ладошками. В глазах – боль, на губах – крик...

Медбратья, не сговариваясь и не встречаясь взглядами, потянули носилки из кареты с таким недавно желанным «Скорая помощь» на борту.

Звёздочка упала

Тусклый багровый полумрак колеблющейся свечи в холодной квартире. В углу – ёлочка, с трудом добытая, когда был мир. Не успев быть наряженной к Новому году, к «Старому» стала лишней и уже осыпалась. Пулевые отверстия в стекле, через которые влетела беда, залеплены пластырем. Близких выстрелов не слышно, но выходить на улицу по-прежнему боязно.

«Не уходи, мама...», – прошептал мальчик...

Одинокая молодая женщина не считала долгих минут, беспомощно застыв среди ночи в немом оцепении, затем закрыла глаза сыну, вышла на площадку, скоро вернулась с пожилой соседкой-чеченкой и по её подсказкам начала исполнять древний обряд. Застонала, вспомнив своего малыша с игрушками в густой душистой пене и пузырьках, сжалась, охнула и вполголоса завывала. Слёзы, которые переполняли глаза и закрывали взор, до этого чудом удерживали длинные ресницы, и эти слёзы вырвались наружу. Соседка молча опустила руки ей на плечи, развернула, подвела и усадила на диван, взяла влажное застиранное полотенце со следами бурых пятен, но тут же отложила в сторону, сходила на кухню и принесла капельки. Обнявшись, потихоньку заплакали обе, раскачиваясь...

За многие сотни километров той же ночью от деревни по заснеженной дороге брели двое с собачкой. Тому, кто повыше, студенту Сашке, недавно исполнилось двадцать, и по выходным он приезжает к деду на охоту. На опушке, на перекрёстке дороги с просекой, они остановились и, стряхнув с лыж сухой снег, приступили к сборке снаряжения. Разгребая под собой наст, закружилась рядом пегая собачка, готовясь свернуться калачиком и спрятать под себя подушечки набитых лап. Небосвод позади этой компании родственных душ заметно посветлел, приобретая бирюзовый оттенок. Стоя на коленках спиной к нему, Сашка выполнял руками привычные движения, при этом изредка, хлопая носом, поднимал голову и поглядывал на подкладку утра: ясную звёздную ночь, где неожиданно появилась большая яркая звезда и стала медленно перемещаться вдоль горизонта, оставляя за собой широкий, быстро гаснущий след. В какой-то миг Сашке показалось, что он уловил в мерцающем морозном воздухе слабый шорох. Завороженный увиденным, он, не оборачиваясь, толкнул деда локтем, показывая рукой, куда надо смотреть. Из-за плеча бархатным шёпотом отозвалось:

– Да-а-а!... Погасла, однако...

Гастарбайтеры

Двухтысячные. Осень. Колхозное поле, которое в ту войну на картах было обозначено нейтральной полосой. По полю, по скошенной стерне брели мужчина лет сорока, руководитель поисковой команды, и две старушки в одинаковых платочках.

– Нам-то лет по десять было. В ту осень неделю здесь грохотало. Немцы были там, – показала одна из них, – а наши – там, – засмеялась, – а мы в погребце. – Вздохнула. – Как-то ночью стихло, а утром появились немцы. Но не задержались, пошли наших догонять. А зимой всё в

обратную. – Покачала головой. – Ох! К апрелю проталины землю как открыли... Ба-агиошки!.. И увидели мы много убитых. А ближе к маю на поле уж и не выйдешь, а если ветер на село, то и в доме не усидишь. – Губы собрала. – Запах страшный. А нам пахать да сеять пора. Вот наши бабушки, дедушки и матери вышли на поле и стали несчастных тех собирать и хоронить в воронках. И мы с ними...

– Немцев отдельно, наших отдельно? – перебил поисковик.

– Да нет, милый. Тогда не разбирали. Помню, кто покрепче, тот брал его на вилы и – в телегу. Он чёрный, весь кольшется. Телегу наполним и везём к другой воронке. Старались, чтоб могилки рядом получались. Торопились мы. Одежду свою долго не могли выветрить. Вот так-то, товарищ дорогой. – Помолчала, повздыхала, добавила: – Какие-то записки про те воронки дед Сергей делал, кольшки на меже ставил, охранял, а куда всё подевались, уж и не помнит никто. – Покрутила головой. – Где-то там, сынок, – показала бабуля.

Прошло несколько лет. На бывшем колхозном поле вырос коттеджный посёлок. Во дворе одного из участков, за двухметровым забором гастарбайтеры выкапывали котлован. Хозяин наверху, у кромки, уточнял с бригадиром план работ.

– Перестал я наших приглашать. Ленивые, а после обеда... Как там у Расторгуева поётся? Вечно пьяные?

– «Гам за туманами, вечными, пьяными», – поправил бригадир и кивнул, соглашаясь. – И мне с ними легче работать. Знают, что от них требуется и что им самим нужно.

В котловане возникла заминка. Оба узбека – видны только спины – закопошились у основания одной стенки. Бригадир поставил ногу на край.

– Что там, Авлод?

– Железка, начальник, – Авлод запыхтел и потянул на себя косо торчащий вдоль стенки ржавый стержень, выдернул, упал, встал задумчивый, держа железку перед собой.

– Э-э... Так это ж трёхлинейка, – догадался бригадир. – А осталось-то: затвор, скоба и ствол... А там что? – бригадир указал на тёмный предмет в конце и чуть ниже борозды, оставшейся от железки. Ислом нагнулся и начал обходить предмет вокруг лопатой. – Э-э-э! Ты потише, – предупредил бригадир, – а то рванёт ещё.

– Не-е-а! Сапог, начальник. Солдат, наверное. Надо откопать.

– Да брось ты!

– Мой дедушка зимой в сорок первом был здесь. Убили без вести... Может, он... Принеси пакет, брат. Это будет твоя и моя вечная память.

Хозяин ушёл. В яме гастарбайтеры негромко переговаривались на своём:

– До захода солнца похороним по всем правилам.
– Смотри, Хаджи-Ислом, кость второй ноги перебита. Потому и сапога нет...

– Каска, а в ней... Теперь ты упокоишься, бесстрашный воин.

Вернулся хозяин с пакетом из-под цемента. Ислом, не глядя, протянул руку к тем, кто наверху. – Дай. – Хозяин сунул пакет вниз. Ислом увидел, побагровел. – Ты что!? Смотри, грязный совсем!

– Да он будет почище твоего супового набора, – полагая, что с юмором, отпарировал бригадир. Ислом и Авлод, не сговариваясь, встали, выпрямились.

– Твой дедушка лучше внука был, – с горечью произнёс Авлод. Снял рубашку, расстелил на дне ямы. Оба узбека, бормоча, начали, отряхивая, складывать останки. Бригадир побледнел.

– Простите, мужики. Сдуру ляпнул, не подумал... ну, сорвалось... Ей Богу, виноват. Простите.

– Это же наш с тобой воин! Нельзя с ним так... Ладно, брат, но ты думай потом.

Хозяин сходил в сараюшку, принёс Авлоду футболку. Авлод упруго выбросил смуглое, мускулистое тело из котлована, надел футболку, нагнулся, принял аккуратно свёрток у Ислома, отнёс в угол участка и положил в тени на молодую траву. Вернулся, спрыгнул в яму, и гастарбайтеры продолжили старательно углублять котлован, а немного погода тихонечко запели на своём.

Разговор между хозяином и бригадиром не клеился. Сидели на корточках у края котлована, курили, слушали. Мелодия показалась им знакомой, похожей на «Журавли» Расула Гамзатова. Переглянулись – а вроде она и есть...

Зеркало для души

Троллейбус прижался к бордюру, остановился, двери открылись, я вошёл и, минуя свободные места, встал у окна в середине салона. Отсюда удобно поискать в потоке машин заветный код: номер нашей учебной группы, и, если повезёт, загадать желание. Не тут-то было – в салон вошёл знакомый актёр из областного драмтеатра, рано поседевший интеллигент, вид имеет спортивный, давно на пенсии, но «службу» не бросает. Так его коллеги, будто сговорившись, называют своё дело.

– Очень рад! – актёр оглядел форточки, люки. – Уф! Душно, однако... – Поморщился. – Всё закупорено, а мы ещё в центре в пробке стоим. – Улыбнулся. – Ну, как успехи?

– Еду с работы. А у вас?

– А мы репетируем новое.

– Хорошо забытое старое?

– Угадали! «Синяя птица» Метерлинка. Помните: есть люди, подобные монетам, на них всегда одно и то же изображение; другие похожи на медали, выпущенные для особого случая.

– Думал, что это Гофман!

– Правильно, ставлю вам «отлично»! Каюсь, проверял. А вот про птичку эту народу давно пора знать правду, иначе с лёгкой руки нашего рок-музыканта... – запнулся, взгляд ушёл в сторону, подумал. – Да! К слову будет сказано! В молодые годы, в период распада, служил я в одном театре в Прибалтике. И до, и после издавалась там газета «Советская молодёжь». Суверенитет прибалты тогда ещё выстроили в полный рост, а она название не меняет, издаётся и издаётся, и складывалось впечатление, что ей всё нипочём. Публиковали разное, например, Зиновьева: его совет не идти в капитализм. Или такой забавный случай: гуляли в Летнем Саду император, наследник и его воспитатель Жуковский. Наследник на заборе увидел слово...

– Вы мне уже рассказывали, вернёмся к музыканту.

– Ну да, конечно, конечно... – потёр переносицу. – Да! В конце 80-х в той газете местные арийцы поделились своим открытием: корни русского национального характера обнаружили! Лежат они в младенческом воспитании, точнее, в русских сказках, где главный герой – Иван, деревенский дурачок, лентяй, и желает он лишь одного: чтоб всё было по его хотению...

– Владимир Августинович, вы не сбились с пути?

– Заканчиваю: воспитательный образ, созданный Метерлинком, с подачи кумира нашей поп-культуры теми корнями привит, мутировал и адресован теперь нам, известным всему миру ватникам, лентяям и халявщикам, – актёр посмотрел в окно, вздохнул. – А потому, сыграв свою роль блестяще...

Вошли, беседуя, два молодых военных. По одежде – лётно-подъёмный состав. Расположились рядом, и мы оказались их невольными слушателями:

– С загранпаспортом задержки не будет? Смотри, ты один остался.

– Думаю, не будет, сходил вчера. Вывернул меня фээсбэшник наизнанку. Блин! К пряжке прицепился! Объясняю, что люблю историю, к идеологии отношения не имеет. А он: «Расскажите, что вы знаете о фашизме, о нацизме, о войсках СС? Что нравится конкретно, что вызывает симпатии, почему?» – военный поёжился. – Ты представляешь, когда я вышел на улицу, мне казалось, что я побывал в застенках НКВД!..

Брови на окаменевшем лице актёра полезли на лоб, он приблизился и заговорил вполголоса, чтоб те не слышали:

– Вы обратили внимание, где нашла приют «любовь к истории»? Немыслимо!.. – сделал паузу. – Кстати, те «железки», что у Гофмана, имеют аверс и реверс, а ими не только любуются, по ним идентифицируют. Они и у нас присутствуют, только реверс в характеристику индивидуума, как правило, не попадает. – Бросил взгляд на военных. – Заметили, в «одном флаконе» – системой отшлифованный и подконтрольный ей аверс и тревожный реверс.

– Да! – согласился я. – С характеристикой будут проблемы. Есть вопросы и не только о фетишах.

– Имею подозрение, – нарочито заговорщицки начал актёр, – общественный транспорт – это портал, через который можно «сходить в народ» и заглянуть в его загадочную душу.

– За день, как минимум, два раза, – подыграл я: – по пути на работу и обратно.

– Впечатления будут неполными, но наши нравы, – актёр покачал головой, – подумать и поразмышлять хватит. Вот вам пример. – Актёр выпрямился, поморщился, сделал глубокий вдох. – Стоим в пробке. Как и сегодня, много солнца, душно. Со стороны водителя режут уши нравоучения одной тётушки, вбиваемые в мобильный. Кто рядом, просят говорить тише или перенести разговор на улицу. В ответ на весь салон: «А ты уши заткни!», и тётя продолжает разговор. Минут через пять с другой стороны слышим робкий женский голос: «Мужчины, откройте, пожалуйста, окно – дышать нечем». Реакция была мгновенной: «Ты что, сдурела! Здесь дети!» Женщина испугалась: «Где? Я не видела, извините...» Ей в ответ: «Вот я и говорю: глаза разуй!» – Актёр ударил ладонью по поручню. – Вот это по-нашему! Скажете, не может быть? Как знать, как знать...

И не говорил я вовсе, что такого быть не может – история типичная, добавив нечего. А вот почему «это по-нашему», актёр объяснил так:

– Во-первых, уместно вспомнить известную русскую поговорку, где, со слов одного персонажа Ивана Бунина, сам народ о себе сказал: «Из нас, как из дерева, – и дубина, и икона». Во-вторых, уместно добавить, что отличительной чертой нашего национального характера принято считать отзывчивость как умение откликаться, например, на призыв о помощи, а если без призыва, то на понимание ситуации в зависимости от своих представлений о добре и зле. – Актёр посмотрел мне в глаза. – Если нас вдруг потревожить, кем мы окажемся? Иконой или дубиной?

– Вы сами ответили: «в зависимости от своих представлений». Если дубиной, то отзывчивость проявится в природном хамстве.

– Увы! Чаще бывает именно так.

Троллейбус замедлил ход и остановился.

– Владимир Августинович! Впереди – пробка! С вашей лёгкой руки.

Снаружи донёся звон – на проезжей части в корму одной машины въехала другая. Всё прозрачно – виновник сзади. Из задней вышел человек славянской внешности, из передней – кавказец, и незамедлительно последовала реакция недремлющего пассажира:

– Чурка! Ездить научись!

Актёр тихо застонал:

– С подобных «мелочей» в недалёком прошлом начинались погромы...

Двери троллейбуса распахнулись, некоторые пассажиры потянулись к выходу. Актёр развёл руки.

– Здесь делать нечего, давайте перейдём мост, а там – на маршрутку.

Шли, говорить не хотелось – понимали, говорить надо было там! За мостом актёр нарушил молчание:

– Извините, хотел бы вернуться к тому случаю. Выбило из колеи, надо мысли привести в порядок.

– Дикость! – поддержал я. – А всего-то три слова! Причём, виновник-то сзади. Кстати, вот вспомнил на мосту. Один мой старый знакомый, он – доктор наук, в сложных ситуациях всегда предлагал: «Давайте промоделируем», чтобы, манипулируя исходными данными и ограничениями, понять суть явления, и, если материала будет достаточно, сделать прогноз.

– Ну что ж, давайте. Попробуем пройти путь от явления к сущности. Но случай тот – не простая реплика, он системный!.. Фишка-то в чём, восклицание принадлежит человеку, имеющему жизненный опыт и привыкшему высказывать мнение вслух, т.е. уверенному в правоте и одобрении. Иными словами, принадлежит тому, кто, по его же убеждению, выражает мнение большинства или, как минимум, окружающих. Вы согласны? – Я кивнул, актёр продолжил: – Интерес вызывают два его качества: во-первых, он представляет некий социум, следовательно, его роль в демократических процессах переоценить трудно, он – опорный электорат; во-вторых, его поведение определяют понятия. Я думаю, что...

Актёр замедлил шаг, остановился, перевёл дух, продолжил:

– Формируют те понятия не когнитивные характеристики представителя и его способности к анализу, нет. Представитель выхватывает их из окружающего мира, причём, чем скандальнее они, тем лучше приживаются, следовательно, он подвержен внушению. В дорожном эпизоде среда, воспитавшая его, приучила к тому, что во всём виноваты «инородцы», а мы лучше, мы выше. И вот что важно! – Актёр вскинул руку, театральность его смутила, он показал вперёд, предлагая

продолжить движение, а там и мысль закончить: – Внедряя нужные понятия и не препятствуя появлению или наследованию «полезных», электоратом можно управлять.

– Вывод настораживает, – сказал я, а про себя подумал: «Хорошо излагает, чем не доктор?!»

– Именно! Вот и призадумайтесь, что ждёт нас, если «свободное» течение демократических процессов будет вверять наши судьбы в руки таких представителей. Становится грустно...

– Что же в остатке? – задал я наводящий вопрос и сам же попробовал на него ответить: – Известно, система устойчива (жизнеспособна), если обладает обратной связью...

Возникла пауза, надо было подобрать слова. Направление я выбрал правильное, но где тягаться уму инженера с творческим?! Актёр не торопился – спасибо ему, – наконец, я смог продолжить:

– Это не только умение видеть плохое, но и нравственный путь, что ведёт от его неприятия к самосовершенствованию. Не последнюю роль здесь играет отношение к ближнему. Оно-то и будет зеркалом для души, причём как у тех, кто исповедует светский гуманизм, так и у тех, кто считает себя верующим. – Актёр улыбнулся, он одобрил. – В контексте сказанного напрашивается ещё один вывод: больше шансов быть здоровее, гармоничнее, имеет многонациональное общество.

– Дело за малым: не потерять их, шансы эти, – поставил точку актёр и здесь же намекнул на слабую веру в скорую реализацию нашей концепции.

Перед светофором мы раскланялись, и каждый пошёл на свою маршрутку. Мне долго ждать не пришлось, вошёл, удобно разместился, прикрыл глаза. Изредка в салоне звучало привычное: «На остановке, пожалуйста». Маршрутка перестраивалась, останавливалась, двери открывались, закрывались и т.д. Прозвучала очередная просьба. Водитель – он из мигрантов – кивнул, сбросил скорость и перестроился в потоке. Когда маршрутка, не тормозя, поравнялась с остановкой, где в ряд стояли несколько автобусов и такси, дама вспыхнула:

– Я же просила: на остановке!

– Там места нет, сейчас объедем.

– О-о! Оказывается, вы и по-русски можете! – не к месту, мстительно добавила дама.

Вспомнил ДТП перед мостом. Нет, это нам следует учиться и учиться, а пока можно только надеяться, прав Владимир Августинovich.

Очередные мысли

В котором часу открывается кабинет, вспомнить не смог, пришёл пораньше – в коридоре трое. Занимаю очередь. Дама тут же добавляет:

– За мной ещё четверо.

Настроение пошло на убыль, не сдержался:

– Так всегда: спешишь на работу... Лучше бы Вы сказали, что они впереди. – Тут же перехватил осуждающий взгляд с другой стороны.

– Почему мужчины считают, что только они работают?

– Извините, был не прав. Сразу понял, что придётся выслушать, напросился... А в котором часу начинается приём?

– Задерживается. Говорят, что в девять-тридцать. Ещё целый час.

Настроение во второй раз потеряло в весе. Минуты не прошло, как к кабинету подошёл врач, открыл, зашёл, немного погодя выглянул:

– Заходите по очереди.

Настроение заняло положение на ступеньку выше. Вскоре подошла одна из тех четырёх запасных игроков и заговорила с дамой, что была передо мной. Услышал привычное: «За нами заняли?», успел под коротким взглядом показать различие, и вдруг:

– Может, пропустим мужчину?

– Давайте. Следующий автобус не скоро, какая разница, где сидеть.

День только начинается, а здесь две радости: приём начался вовремя, и в очереди я не восьмой, а третий. Всё, что могу – это выразить благодарность тем, кто проявил царское великодушие:

– Милые дамы! Спасибо! – сказал, а сам чувствую, что-то здесь не так. Понимаю, что настроение моё не стало бы лучше, если бы оно не было перед этим испорчено...

Женщина, что напротив, будто услышав, улыбнулась и заметила:

– Просто сидеть в очереди – пустая трата времени, куда полезнее поразмышлять, например: и света не будет, если б не было темноты. Однако, мысль наша в любом изложении стара, как древние пирамиды...

Здесь на себя обратила внимание молчавшая до сих пор соседка слева. Видом своим она напоминала тех строгих женщин шестидесятых, что пережили блокаду, прошли лагеря и далёкие стройки, или на тех одиноких вдов, что так и не дождались любимых с фронта. Возможно, как и те, в большинстве своём ушедшие, тоже курит «Беломор». Заговорила она мягким баритоном:

– Наблюдаю за вами, как буднично всё начиналось и как интересно обернулось! Я – преподаватель политэкономии, сейчас на пенсии. То, о чём вы говорите, на практике – часто бывает, что умышленно – приобретает извращённую форму: кто-то намеренно посеет хаос, укажет на виновного, затем вернёт нас в исходное состояние, и нам покажется, что

стало лучше. Мы будем ему благодарны и, как следствие, преданы. Понимаете?

– Выходит, кто-то может целенаправленно сеять смуту?

– Вот именно! Грязная политика ведёт к конфликтам, переворотам, диктатуре. А надо не топтаться, не приседать, не скакать, надо идти вперёд. Не лишним здесь будет вспомнить один философский закон, закон возвышения потребностей. Кратко: человеку свойственно не останавливаться на достигнутом. Если разумно определять цели и критерии, то можно управлять прогрессивным движением. А потребности, порождающие цели, могут быть как духовные, так и материальные.

– И кто же автор этого закона?

– Закон был опубликован в 1893 году в работе «По поводу так называемого вопроса о рынках». Автор – Ульянов-Ленин. Сегодня он не в почёте... Увы, нет пророка в нашем отечестве...

Вышел, иду к остановке, настроение... вроде бы хорошее. Думаю, что психотерапевты пользуются подобными способами поднимать тонус клиента: слегка испортить, затем поправить. Выходит, со мной был проведен лечебный сеанс? Совсем неплохо! А хорошо бы пройти бесплатно сеанс иглоукалывания, сеанс массажа... Нет! Только не это: про вкусный сыр в мышеловке знают все!.. Но если быть честным перед собою, точат мысли не об этом, а о том, что избави нас Бог попасть в колесо зловещих технологий, иначе останется нам, в лучшем случае, топтаться на месте до скончания века.

Подарок небес

Аристотель путем жизненных наблюдений установил, что «мысль становится живее, когда тело разогрето прогулкой», и сделал вывод: «Хочешь быть умным – бегай», затем применил его к категориям «сильный», «счастливый» и прочее и, обращаясь к потомкам, опубликовал на скале.

Ну что ж, я побежал... Сегодня выходной. Дождь ли снег, пробежки для меня превратились в физиологическую потребность. Бегу по тропинке к темнеющему в сумерках лесу. Приходят первые мысли. Они о том, что сегодняшнее время и дата складываются из одних только единиц и девяток. Увы, выходит, недостаточно разогрелся.

Осмотрелся вокруг и в очередной раз вспомнил, как по воле Михаила Зощенко страдал молодой Вертер, и закрутилось в пустой ещё голове с поправкой на окружающий мир: «Зимняя природа разворачивается передо мной. Пожелтевшая трава под тонким слоем выпавшего снега. Желтые

листья на дороге. Чухонское небо...» И не чухонское вовсе, но и не русское. И вовсе не листья... Впереди на тропе лежит что-то тёмное. Издали никак не пойму – картинка на бегу пляшет.

Подбежал, остановился. На вид камень размером с полбуханки чёрного. Вокруг на полметра мокро. Кто-то не утерпел и избавился от лишней жидкости? Но камень-то сухой! На мой взгляд, не логично. Наклонился – жар! Взял сухой стебелёк и потыкал в камень, стебелёк задымил и обуглился! Первый вывод – будет мешать проходим, надо убрать с тропинки. Толкнул. Нехотя, кувыряясь, камень скатился по припорошенной траве с бугорка, оставляя за собой клубы пара. Ого! Второй вывод (мысли стали оживать): мне чудовищно повезло – это метеорит! Третий вывод – спрятать, чтобы забрать на обратном пути. Пнул, ещё и ещё, пока не закатил в ёлочки.

Прибыл в конечную точку маршрута, развернулся и побежал назад. Добежал до мокрого круга и свернул с тропы в ёлочки. Камень за сорок минут остыл и показался умеренно горячим. Снял шапочку, уложил в неё, вернулся на тропу и огляделся. Следов, указывающих на то, с какой стороны прикатил метеорит, не нашёл. Наверное, небесное тело лопнуло в плотной атмосфере, и его осколок, не слишком разогнавшись, шлёпнулся на землю. Или от более крупного откололся при ударе.

Согревая находкой руки, прибежал домой. Не откладывая, решил поделиться нечаянной радостью с женой. Она пребывала в сонной неге, но не спала и открыла глаза. Протянул шапочку, предложил потрогать и угадать, что внутри. Нет, не пожелала, только спросила, сладко зевая:

– Ё-о-ожик?

– Все ёжики зимой спят! И во сне они не летают. Ну-у?

– Говори уж, мучитель.

– Метеорит!

– Чему радуешься? Отнеси на лоджию, а завтра возьми с собой на работу и проверь на вредность...

За завтраком рассказал о находке дочери и гордо добавил:

– Кто рано встаёт, тому Бог даёт!

Ответ был неожиданным и далеко не романтическим:

– Ты немножко опоздал. Если бы встал пораньше, то получил бы бесценный подарок прямо в шапочку. Правда, вопрос... нет, даже два: смог бы ты тогда поделиться своей радостью, и где бы мы тебя искали?..

Холостой маршрут

Возможно, и тебе не нравится одиночество на жёсткой полке вагона, или в третьей электричке за день, или в выходные ненастные дни в часы ожидания близких, и прочее, прочее. Но есть одиночество, радостное для Аксакова, милое для меня – это время на охоте, медленно, но неумолимо идущей к завершению.

Ранним утром, оставив позади железнодорожную станцию и раскладывая на траве снаряжение, начинаешь чувствовать себя свободным не только в выборе маршрута, действий, но, главное, в выборе темы для раздумий или заветного окошка для погружения в память. Ты в ожидании интимных встреч с природой, с её звуками и явлениями, новых оттенков в понимании сути вещей. Сама же дичь уходит на второй план, добыча – редкая награда или приз за пройденные километры, за испытание в этом одиночестве.

Середина октября. Небо затянуло низкими убегающими облаками. Осень, не давая заснуть, стучит по подоконнику, напоминая о себе, либо посылает ветер приносить и оставлять на стекле грустные извещения – жёлтые мокрые листья.

Сошёл с электрички, выбрав маршрут в глубине леса на удалении 4-7 километров от железной дороги. Конечная точка – на третьей станции позади меня. На маршруте будут завалы и низины с холодной водой, бобровые плотины, так что наберутся все 25-30. В начале – полем. Пройдя половину, заметил: над лесом колышется серая полоска – гуси... Через минуту они прошли надо мной, и их печальный крик тонкой паутинкой вновь прикоснулся к сердцу.

О птицах

Увидеть высокий полёт больших птиц – не редкость. Но совсем по-иному и слышишь, и видишь, когда летят они низко, например, лебеди. От их близкого полёта создается впечатление, что кто-то над ухом точит огромную косу: «Зум! - Зум!»

И ворон, увидев человека, прервёт свой брющий полёт к тому месту, где прячешься ты, встанет на дыбы, его крылья издадут такой же звук и отбросят упругий ветер.

Однажды меня у опушки обогнал ворон. От леса отделился сокол, догнал ворона и попытался атаковать сверху. Ворон в полете перевернулся на спину и выставил лапы. Сокол отпрянул, повторил безуспешную атаку и удалился.

Утиная охота. Как-то солнечным утром на карьерах шёл по бровке. Деревца и мелкая поросль скрывали меня спереди, и именно с

той стороны налетела стая журавлей. Проходили гордые птицы над самыми вершинами деревьев. Они или выбрали место для жировки, а потому снизились, или взлетели с ближнего болота, потревоженные. Вожак делал несколько взмахов и замирал, эстафету принимал второй, за ним – третий, и так до последнего. Когда последний взмахнул крыльями, лидер погнался новую волну. Берёзы зашумели, закрутился лёгкий вихрь, а в душе: «Мне так свежело, так свежело!»

Не так давно, затемно, я приходил на пяточек, над которым ранним утром на озимые пролетали тетерева. О приближении той минуты первыми предупреждали вороны, за ними – дятел, и следом некто невидимый отворял дверь в новый день. Теперь в любую секунду можно увидеть или услышать стаю. В тихую погоду не пропустишь гурканье, похожее на воркование. Птицы издают его в полёте, отталкиваясь крыльями от воздуха.

Пока сидел на бревне в окружении высокой, как камыш, травы, ко мне подлетела невесомая светло-серая птичка, у щеки уселась на прочный стебель, рядом пристроились другие. Птички, находясь в постоянном движении, разглядывали меня, тихо пересвистывались. Я прислонился спиной к стволу и ничего не замечал вокруг. После того, как надо мной со свистом пронеслась стая, осталось только подняться и идти бродить по полям.

Слабенький мороз, почти ноль. Скучаю на номере между двух-, трёхметровыми ёлками в надежде услышать приближение гона. Рассматриваю комара, зависшего передо мной. Наверное, разгребая снег и утаптывая место, я потревожил его сон. И вдруг заметил клеста в метре от себя. Если тебе повезло, хочешь видеть – не шевелись! Так и стоял, задерживая взгляд на нём и изредка переводя на заячью тропу. А зелёный клёт увлеченно шинял среди еловых лап, удовлетворяя свой интерес. Удивительно, эта птица со скрещенными серповидными половинками клюва зимой в лесу выводит птенцов!

В боровом лесу на сосне ниже кроны или, как говорят, в полдерева, боком ко мне сидела сова. Что-то подтолкнуло, подойди, посмотри, – ну и пошёл по мягкому мху. Немного оставалось, когда она обратила на меня внимание. Я тут же повернулся к ней спиной и ушёл, не оборачиваясь, чувствуя между лопаток слабое место. Ужасен был немигающий взгляд её глаз в центре больших розеток, созданных перьевым обрамлением, и все это в оттенках тёмно-серого, мёртвого.

В шоле, во время пожаров, подошёл к канаве, за которой продолжало всё съедать ненасытное пламя. Неожиданно навстречу взлетела тетёрка и скрылась рядом в траве. А за ней начали перелетать канаву покрытые пухом серо-жёлтые комочки на крохотных крылышках, усердно помогая звуками «пи-пи» – чудо! Но почему в мою сторону? Ясно – в другой стороне огонь! Доживет ли поздний выводок до следующей весны?

Вхожу в лес, где утренний свет переходит в медленно тающие сумерки. Стараюсь двигаться от одного участка с хвойными деревьями до другого к заброшенной дороге, которая, петляя две трети пути на восток, а затем, сворачивая к югу и снова на восток, приведёт меня к большому полю в лесу. Слева, не всегда близко будет речка Терёбинка, справа, в двух-трех километрах – просека: заблудиться невозможно. Почему от одного до другого? А иначе, рано или поздно попадёшь в заболоченные низины с «бредняком» и завалами. Будешь исхлётан крапивой, ноги будут вязнуть в грязи, запутываться в ветвях, а за воротом и в сапогах накопятся хвоя и листья. Ружьё будет постоянно сползать с плеча, и станешь плохо соображать: а где же дорога.

Иду, прислушиваюсь, стараюсь уловить пение рябчика – это звуки «ти-и», «тиу», «ти» в разных сочетаниях в зависимости от местности и пола. Тянется оно секунд пять-семь и похоже на простуженное «пение» снегиря, но тоньше. Услышу, выберу место и попробую подманить. Снимаю ружье с плеча – из-под завалов и ёлочек могут и рябчик шумно взлететь, и заяц выскочить, а с вершины дерева сорваться глухарь, с треском ломая сучья. Кроме того, на подходе заметил стаю тетеревов, поднявшихся с поля в лес покормиться почками на берёзах, а потом на прочных сучьях, бормоча и хлопая крыльями, попетушиться перед курочками. Не хочу только столкнуться с лосем-быком или кабаном. Медведей грибники и скорая зима уже загнали в далёкую и непроходимую крепь.

Разные встречи

Один незаметный человек, дядя Петя, которого медики, взяв пункцию, сделали инвалидом, рассказывал о встрече с лосем. Набрали они с другом грибов и выходили из леса. Навстречу – бык, ведёт себя агрессивно, копытами бьёт. Грибники врасыпную. Дядя Петя взлетел на дерево, друг побежал дальше. Бык остановился под деревом, шкура дрожит, дёргается, видит он, что не достать, помочился и ушёл. Дядя Петя выждал, слез, посмотрел, куда забрался, не поверил глазам и отправился искать друга. Нашёл.

«Слезай», – говорит. А друг в ответ: – «Не могу... Руки не слушаются». Но скоро хватку ослабил, съехал на землю, но и в этом положении просидел несколько минут, обнимая ствол.

Ранним утром шёл по полю вдоль леса по заросшей тропе, весь вымок в росе и ждал схода в лес, до которого оставалось метров сто, а пока ещё от леса меня отделяла глубокая канава с водой. Замечаю, что впереди с поля к лесу движется объект, которого беспечно принимаю за большую уродливую собаку со странными хвостом, ушами и торчащими лопатками. Когда эта «собака Баскервилей» подбежала к тропе, я понял, что это кабан. Безрассудно повёл себя, когда крикнул, чтобы заставить освободить тропу. Он остановился и повернул голову в мою сторону. Я замер: стрелять или бежать нельзя. Вызвав своим тяжёлым взглядом обрушение чувств, он двинулся дальше, с плеском пересёк канаву и ушёл в лес. Охота была испорчена – под каждой ёлкой, в каждом завале мне виделся кабан-одиночка.

На пути небольшая речка Чернавка. Перейти её, если рядом, ниже, нет бобровой плотины, труда не составит. Переливается поток с прозрачной красноватой водой, тропа уходит под воду, и в этом месте – свежий след медведя: большая ладошка, у которой на месте пальцев глубоко в землю уходят отверстия, куда я могу вставить палец. Я почувствовал себя Робинзоном, наскочившим на след лодоеда. Нож поближе, в стволы – картечь, и идти быстрее, куда подальше.

Сделав круг по полям и не найдя заячьего следа, я развернулся и, пользуясь старой лыжней, направился к заброшенной ферме. Замечаю впереди на лыжне тёмную точку и останавливаюсь. Мышь, но не полёвка, почти чёрная, медленно приближается пунктирным бегом. Натыкается на комочки снега, ведёт себя, как шарик для игры в пинг-понг, кувыркается через голову, переворачивается и снова бежит. Добежав до лыжного крепления, останавливается, обнюхивает берцы, не реагирует на мой голос, протискивается между креплением и снежной стенкой и исчезает в крошечном отверстии сбоку.

«Витя! На тебя пошёл!» – голос срывается, в нём игривый, как шипучее вино, азарт. Это Лёня кричит, подняв зайца-беляка. Он отправил меня на это место, куда, по его мнению, должен соскочить заяц с лёжки после подъема. Начали тропить его у глубокого и широкого рва, прорытого между еловой посадкой и лесом. За посадкой – железная дорога, по которой сегодня носится

питерский «Сапсан». Проходит время, и я вижу беляка, бегущего вдоль посадки. Спешу и «намазываю» оба раза. Вконец расстроенный стою (а надо бы перезарядиться), наблюдаю, как заяц спускается в ров, пропадает, выходит в тридцати метрах от меня и должен бы бежать в лес, а он катит на меня! Белый и пушистый садится у ноги, кажется, – секунда, потрётся мордочкой о голенище ботинка, посмотрит в глаза и скажет: «Мур-мур, это я». Начинаю перезаряжать, заяц перемахнул через дорогу и уже в лесу. Но я успел, поднимаю ружьё, а оно не поднимается! Закрывая замок, прижал его к себе и пристегнул к куртке. Заяц ещё близко, я вожусь... – и он в безопасности!

Позади меня – зимний лес в том месте, где заячьи следы сходятся в набеганную за несколько ночей тропу. Впереди, в двухстах метрах – полоска деревьев и кустарника, растущих по руслу ручья, петляющего вдоль заснеженного поля, которое плавно спускается ко мне от дальней деревни справа. Слева – вечернее солнце, от которого отворачиваюсь, не выдерживая ослепляющего света.

Полчаса назад к ручью ушёл Лёня помочь собачке, потерявшей заячий след. По голосу и редкому лаю знаю, что они переместились вправо вверх по руслу. Смотрю в их сторону непрерывно и в какой-то момент замечаю, как почти в километре от зарослей у ручья по белому полю к моему лесу начинает стремительное движение светящееся пятно. Оно – белее белого, оно как дальний свет мощных фар! И сразу понял, что увиденное – это не просто заяц-беляк в лучах вечернего солнца, это разгадка любимого нами с детства явления «солнечный зайчик»! Заяц, приближаясь, растерял лучистое сияние меха и совсем обыкновенный скрылся в лесу в ста метрах от меня.

Дорога, на которую я вышел, давно заросла травой, во многих местах накрыла себя стволами упавших деревьев и кустами малины. Она – хороший ориентир, чтобы не сбиться с маршрута. Условная схема движения будет «змейкой», со сменой направления с юго-востока на северо-восток и обратно, с пересечением дороги в середине каждого отрезка. Буду осматривать кромки заболоченных низин, завалы и скопления молодых ёлочек. Так как я один, ружьё можно снять с предохранителя и лучше нести в левой руке – так быстрее поймашь его правой рукой и поставишь в плечо. Патроны обычные: в нижнем – тройка, в верхнем – единица.

Не успев свернуть, услышал слева лай гончей. Приостановив дыхание, слушаю. Гон приближается и был, скорее всего, по лисе, без сколов и перемолчек, залиvistый, значит, собака идет близко от зверя. У меня появляется азарт. Перехожу на правую обочину дороги, в метре от неё прижимаюсь спиной к сосне, а когда лес уже звенел, подтягиваю приклад к плечу.

Увидев между деревьев мелькание рыжей лисы, плавно поднимаю ствол, а метров за сорок вижу её над прицельной планкой и, разворачиваясь медленно влево, сопровождаю стволом её бег. Стоп! Это не моя лиса! У кого-то праздник, он нашёл время для охоты, сейчас подстраивается под гон. Мне же после выстрела придется устанавливать с ним связь, кричать, идти с добычей навстречу. Не надо! Пропускаю лису через дорогу, и даже не смотрю на собачку, какая она. Иду на восток, прислушиваюсь и не могу избавиться от любопытства: а что там справа?

Гончие

Пока есть время, – немного о гончих. Это удивительная порода охотничьих собачек, как правило, они добрые. Гончим не обязательно видеть и ловить зверя. Их задача – находить и непрерывно гнать его с голосом по пахнущему следу. Они должны, во-первых, обладать хорошим чутьём, уметь читать и распутывать следы, а скорость бега ставится на третье место после выносливости. Разные звери под гоном ведут себя по-разному. Заяц, например, чаще ходит по кругу и возвращается к месту подъёма или жировки. Гонять зверя гончие могут часами, а после, когда измученные догонят нас на тёмном поле, то толкнут носом в бедро, под рюкзак или сунут его влажный в твою ладонь. Но если не взять собачку на поводок, срывается, стоит ей только почуять «вечеряшний» след зайца или лисы. Такими были всегда преданные Дунай, Алтай, Песня, Бой, Карай, Том и Гамлет, Сонечка.

Минут через десять слышу, гон возвращается. Сворачиваю, вхожу в лес, вижу небольшую поляну и, не выходя на открытое место, прячусь под высокой елью. Середину поляны пересекает ствол давно упавшей берёзы, вершина которой легла на высоте полутора метров на скрытую от меня опору. Вокруг чисто: трава, низкий мох.

Звонящий лай приближается, и на поляну ровной рысью выбегает лиса с опущенной головой и приоткрытой пастью. Она вскакивает на ствол берёзы, как на подиум, и грациозно бежит к вершине. Это «огнёвка»! Самая красная из всех лис. Её лапки, ушки и носик – чёрные, а грудь и

кончик хвоста – белые. Мистика – гон есть, но, увидев огнёвку, я перестал его слышать! Лиса соскакивает и исчезает под еловыми лапами.

Опять слышу собачку. На сцену с «дурным» голосом врывается «русский пегий» кобель с бело-чёрно-коричневым окрасом. Летит метрах в пяти в стороне от лисьего следа по запаху, отнесенному ко мне ветром. На вираже, не сбавляя скорости, рвёт когтями траву и мох – всё это летит в мою сторону – и быстро исчезает. Мне же без всякой связи вспомнился булгаковский герой в его сладкой дрёме: «Мне так свежло, так свежло!»

Теперь я могу идти по схеме. Сквозь просветы между деревьями утреннее солнце слепит глаза. Косые полосы света вызывают романтические воспоминания из фильмов о путешествиях, о партизанах, о нашей разведке. Убираю компас за ворот, о встрече с огнёвкой забываю. Сворачиваю и иду на юг к просеке. Пройдя полкилометра, разворачиваюсь и иду назад, к дороге. Замечаю просветы там, где должны быть поляны Васильков. Иду вдоль и оказываюсь на дороге. Смотрю – дорога на всём видимом участке моего маршрута залита водой. Маршрут через Васильки вызывает неприятные воспоминания.

Не жалуйся!

Реакция жен на возвращение мужей-охотников одинакова: «Тебя никто не знал, отдохнул, удовольствие получил – не жалуйся!» Но тайно хотят охотники, чтобы им посочувствовали, когда с трудом снимают обувь, когда мокрой тряпкой падает одежда, когда саднит и кровоточит голень, не сгибаются пальцы фиолетовой кисти руки...

Путь к просеке через низину был много раз пройден и никогда не считался серьёзным препятствием. Помню, в ту осень было много дождей, и я, зайдя довольно далеко, понял, что пора делать выбор: продолжать или обойти. Огляделся – со всех сторон была вода, затопившая обширный участок лиственного леса, и нигде вокруг не было видно вершин хвойных деревьев. Пошёл вперед, настроившись на прохождение отрезка в полкилометра. Оказалось не так, предстояло всерьёз помучиться, петляя, выбирать путь, и не отвлекали тетерева, срывающиеся с берёз. Наконец, вышел на сухое, даже не набрав в сапоги холодной осенней воды. Уже за просекой издали увидел на полянке, на брёвнах, поздних осенних опят, подошёл, набрал в ранец светлых, небольших и чистых, с ними незаметно и усталость прошла.

Начались осенние дожди, пожары стали утихать, и охоту открыли. В рощах и на карьерах Васильевского Мха многие

изумительно красивые места превратились в чёрные, покрытые золой и пеплом пустоши со сплошными завалами. Как-то, проходя по такому участку, измотавшись, я искал более лёгкий путь, и им оказался гребень валовой канавы, проходящей параллельно и недалеко. С моей стороны вал был невысок. Взобравшись, посмотрел на его противоположную сторону – внизу жиденькая грязь на глубине двух с половиной метров. Да, по гребню идти легче. Сделал несколько шагов и провалился, застряв под грудью в отверстии. Выскочил, оставив за собой белое облако, и слетел вниз на ту сторону, откуда пришёл. Возможно, что тление превратило гребень в тоннель, сохранившиеся корни образовали своды, а глубину его можно оценить по положению грязи на дне рва. Что внутри – неведомо, но дышать будет, точно, нечем.

Середина сентября. Иду не спеша вдоль высокой валовой канавы, заполненной доверху водой. Мне давно пора на ту сторону, но не соблазняют брёвна, лежащие поперёк. Дошёл до конца вала, прошёл ещё немного. Наконец, там, где была канава, – лужайка, а через неё, похоже, – тропа. На пути – ручеёк, на краю – тонкая берёзка, дотянувшись до лужайки, она уходит вверх. Осталось перепрыгнуть через ручеёк, что я и делаю. В первое мгновение не понял, что произошло. Ясно – провалился, но почему не чувствую она, осталась наплаву, не тону? Мох под левой рукой теряет плавучесть, начинает погружаться ружьё. Пыхтя, кручусь, поворачиваюсь лицом к берёзке и выбрасываю ружьё плашмя на берег. Подтягиваюсь, хватаюсь за тонкий ствол и выхожу наверх. Подо мхом чистая вода, и на мне нет грязи. Но почему, перепрыгнув через закраину (не ручей) и, пробив мох, я не погрузился под воду? Под моховым покрывалом, возможно, это – конец. Раздеваюсь, отжимаюсь, раскрываю ранец, и вот она – разгадка! Утром нашёл два боровика, развернул картонную коробку, вложил её в полиэтиленовый пакет, поставил в ранец и, затянув карабины, высоко и плотно прижал к спине. Эта конструкция сыграла роль поплавка и позволила понять, что болото опасно, если ты прорвал и ушёл под верхний слой мха, торфяной корки или жижи.

Хотим бежать, но еле тащимся с Лёней на лыжах по просеке, пробивая по очереди глубокий снег, цепляясь носами лыж за высокую траву. До электрички остается полтора часа. Знаем, что через час наступит ночь, и, не успев выйти из леса, можем «оставить глаза на сучках». Перед электричкой, падая, перебегаем пути и влетаем в вагон, ух! Если бы не успели – ещё два часа ожидания на морозе... Вхожу в подъезд, мне на седьмой этаж, и как самое сладенькое на десерт – лифт неисправен.

Придётся обойти затопленный участок через берёзовую рощу. Начинаю и скоро попадаю в залитый сплошной водой березняк. Перехожу от кочки до кочки, ищу по курсу вершины хвойных деревьев. Начинает накрапывать дождь. Когда выбрался на сухое, дождь полил, как из ведра. Я встал под роскошной елью. Ствол вдвоём не обхватить, лапы образовали над головой надёжный шатер, на земле сухо. Снимаю ранец, ружьё прислоняю к дереву, кепи набрасываю на ствол и смотрю на дождь... Знает ли дождь обо мне, знает ли ель, лес? Что было вокруг, когда меня не было, или сто, или тысячу лет назад? Именно так всё было, и так будет. Передо мной жизнь леса пока ещё такая, какой она была всегда. Что мы мним о себе? Вот она – вечность!..

Вспомнил, как до пожаров стоял на поле «А» перед входом на тихую аллею в северной части дамбы, отделяющей природное болото от карьеров. Простор, дали, вокруг – ни души... Пошёл дождь. И в тот момент, кажется, стал понимать, почему предки представляли дождь как таинство слияния и оплодотворения Небом Земли...

Вижу в просветах Терёбинское поле. До станции два часа хода, значит, располагаю временем с избытком. Достаю термос, бутерброд, присаживаюсь на ствол. Скоро встаю, бросаю конфетку со сладкой нугой за щеку и выхожу из леса. В центре поля – деревня, где дома ещёкрыты дранкой, на околице – колодец с «журавлем». Но назвать сегодня эти виды пасторалью – кощунство.

Подем идти легко. В какой-то момент откашливаюсь и вдруг, как лобовой удар – почти весь запас воздуха из груди выбросил, а взять назад не могу ни капли... ещё, ещё и ещё раз – ничего! Липкая нуга... С мыслями о том, что через десяток-другой секунд трава, что перед глазами, станет последним ложе, опускаю на неё ружьё. Стараюсь расслабиться и убрать с лица гримасу, и вдруг изнутри – подсказка: попробуй носом. Подчиняюсь, втягиваю воздух по крупичам, потом с жадностью через чудом сохранившийся просвет... Набрал полную грудь... Выдохнул... Теперь можно пошутить: мол, «приснится ж такое»!

На войне водителя танка, обгоревшего, с перебитыми руками и ногами, с рваными ранами возвращают в строй, и как мало бывает, чтобы жизнь потерял, и достаточно силы майского жука, чтобы сохранить!

Знакомый путь: чуть полем, немного лесом, по бобровой плотине через Чернавку и – на просторы. Выхожу на скошенное поле. Обходя не спеша попутные канавы, «колочки»: межи, кустики, гидранты, иду к станции, её связанная мачта видится в четырёх километрах. Вечернее солнце жёстко слепит глаза. За выпуклой серединой поля что-то заставило

оглянуться. И надо бы идти дальше, но остановился и услышал будто: «**А ты успел! Ну, тогда смотри, что Я могу!...**»

Там, за спиной, где солнце своими лучами отбросило занавес, половину неба занимает тёмно-синяя туча ушедшего дождя. Под ней и на её фоне ярко выделяется стена хвойного леса, мелированного золотыми берёзами. От меня в обе стороны и к тому лесу простирается умытая и облаканная Небом жёлтая нива, справа – ослепительно-белая церковь, за ней – таинственная, торжествующая темнота. И над всем этим великолепием развернулась, опираясь на поле, огромная, сочная, многоцветная радуга-дуга – это сказка! Вновь иду к станции, но остававливаюсь, хочу запомнить. Надо идти, и вновь оглядываюсь – не забыть, не забыть... «Мне так свежо!»

Скоро сниму с себя всё, сброшу сапоги, постою немного босой на траве, умоюсь, соберу ружьё и налегке пойду на станцию. Холостая была охота? Нет! Слышал гусей, видел огнёвку, видел радугу, вспоминал детство, а главное – могу дышать!

Фокс великолепный

Кто знаком с этой породой собак, подтвердит, что гладкий фокс красив, умен, отважен, игрив, ласков без меры... На этом можно остановиться: слов не хватит. Наш фокс именно такой, и имя ему дано породистое, как и Печорину – Жора. Согласно правилу оценки масти окрас его – и это будет единственный недостаток – двухцветный: каштановый чередуется с белым. Слева больше белого, справа – коричневого. Однако чёрный цвет в малых количествах присутствует на границах, переходах, на мордочке и на ушах. В хорошем настроении он держит хвост вверх, упруго изгибая к спине. Стойка изумительная, мускулатура атлетическая, поджарый, грудь по вертикали глубокая, талия узкая, мордашка удлинённая, острая, а взгляд свидетельствует о наличии глубоких мыслей, но о чем они, вслух делиться не хочет. Нравоучения и похвалу выслушивает внимательно, все выше и выше поднимая правое ухо и опуская ниже левое, пока глаза не образуют вертикаль, затем уши меняются ролями. Заканчивается диалог прыжками, вилянием хвоста, одним словом – собачьей радостью.

По вечерам Жора, заскучав от недостатка внимания, занимает себя сам. Чаще шумно и азартно играет с небольшим мячиком. Любит, чтоб вдвоем и, бывает, многократно просит составить ему компанию. Рисунок игры одинаков: в зубах зажимает резиновую игрушку-гантель и пару выстиранных носков, завязанных узлом, и бьёт прицельно передними

лапами по мячу. Грация отточена, она – как у цирковой лошадки: шея изогнута дугой, мордочка прижата к груди, и лапки ставит по-балетному.

Если Жора испытывает потребность в выражении добрых чувств к кому-либо из домашних, то приносит и укладывает рядом свои любимые вещи. А когда он в одиночестве и тоске дежурит у входной двери в ожидании последнего из нашей стаи, и когда вкуснятина в чашке уже не отвлекает, нам становится его чуточку жаль. Зато, дождавшись, встречает своего, высоко подпрыгивая и игриво прихватывая зубами перчатки, руки. Затем летит туда, где оставил игрушки, набивает ими пасть и возвращается поластиться.

Вот и сегодня подбежал, попрыгал и настойчиво посовал мне в руки дорожке ему штучки. Исполнил ритуал, собрал игрушки и потрусил мимо шкафа в сторону одной из комнат. Миновал высокое зеркало, пробежал с метр и замер, секунды на три замер, не оборачиваясь... Вернулся, встал перед зеркалом и направил взгляд на свое отражение. Созерцание длилась ровно столько, сколько нужно благородному, гордому псу на то, чтобы еще раз убедиться в собственной собачьей безупречности.

«Великолепный фокс!» – ну, как с ним не согласиться.

МИНИАТЮРЫ

Мышка

Изрытый под новостройку пустырь залило талой водой. Над этой громадной лужей, заставляя её трепетать, с завыванием пролетал мартовский ветер.

Прижимаясь к ограждению детского сада, Малыш аккуратно переступал по выпуклым ледяным следам прохожих, стараясь не соскользнуть в холодную воду. Вдруг он увидел на разбухшем куске снега серую Мышку.

Малыш наклонился и осторожно взял её за загривок. В тот же миг Мышка вывернулась и укусила его. Остренько так, неожиданно, совсем не больно, но на подушечке пальца выступили алые капельки крови.

И подумать не успев, Малыш зашвырнул Мышку далеко в разлившуюся лужу, увидел, как та всплыла и, заработав лапками, поспешила в сумеречное никуда...

«Н-да-а-а...» – скривив губы, прошептал майор, потушил сигарету, прошёл в вагон и, широко улыбаясь, распахнул дверь в своё купе.

Механики

В гараже – дед, мой тесть, настраивает трамблёр. Максимка, мой племянник – ему годика четыре – крутится рядом, постукивает молоточком по железкам: он весь в рабочем процессе, тоже мастерит.

– Деда, а ты, когда умрёшь, дашь мне этот молоток?

– Угу... Обязательно... Можешь всё забрать...

– И машину?

– И машину, и бабушку.

– Ладно, оставайся с нами: будешь мне помогать машину ремонтировать.

Всё в шоколаде

За рулем самодельного авто – дед, позади – тележка с сеном. Въезжаем в посёлок, где деда все уважают. Он гордо ладошкой отвечает на

приветствия. Очередной грузовичок попадает колесом в выбоину, порция жижи влетает в форточку и, минуя ту ладошку, покрывает его лицо шоколадной глазурью.

– Грязь – не сало: потёр, и отстало! Да, Алексеич? – как всегда, поражает рассудительностью дед.

Наши солдаты

Мне нравятся наши солдаты, они сильные, высокие, всегда улыбаются: «Знаю, знаю, чей ты. Хороший у тебя отец». Когда солдаты идут строем на обед, останавливаюсь и жду, грянет лихо или нет: «Хороша страна Болгария, а Россия лучше всех!» Если да, можно вприпрыжку бежать дальше. А когда спать ложимся, и издалека доносится: «Вьётся, вьётся знамя полковое, командиры впереди...», становится уютнее и теплее в нашем доме.

Вечером гулял, завернул в солдатский клуб, уселся на пол перед первым рядом и вместе с солдатами в тишине смотрел «Летят журавли» на стареньком экране под красным полотнищем, на котором белым – *«Да здравствует 40-я годовщина Великого Октября!»* А меня в это время по всему городку искали!

Но не часто в клубе бывает тихо. Если показывают сладостный момент, обязательно у входа кто-то крикнет: «Дежурный (или такой-то) – на выход!», чтоб нарочно сорвать с места того, кому не положено расслабляться или того, над кем хочется пошутить. Когда виновник возвращается с претензией, становится ясно, то была игра, и раздаётся дружный хохот. А бывает, просто кричат: «Дежурный!», и снова хохот, значит, момент такой.

Хорошие солдаты были в Германии!

Без комментариев

Подростком, в 60-х, летние каникулы я проводил в деревне. Много знал о дедушке, гордился им: он воевал в Империалистическую, защищал Петроград, член партии с 24-го, защищал Ленинград, имеет награды. Конечно, обыкновенный пионер, задавая вопрос, какое у него было хозяйство до революции, ожидал услышать, что тот был самый что ни наесть последний бедняк. Оказалось не так: хозяйство было крепкое, две лошади, три коровы, овцы и т.д. Обескураженный спросил: а как ему советская власть.

– А что, справедливая власть, – ответил дедушка, не отрываясь от дела.

Лет через двадцать – я уже был офицером, служил на Кубани – зашли мы с товарищами в парк у кинотеатра «Комсомолец», присели на скамейку. Идёт в нашу сторону старичок. Подошёл, товарищи завели с ним какую-то беседу про старину. И я спросил, кем он был в Гражданскую. Тот ответил, что был белым казаком. Кто-то поинтересовался, мол, и красных доводилось убивать.

– Да, – ничуть не смутившись, признался старый казак, – много мы их порубали в Песках (известное жителям место массовых казней).

А как ему советская власть, спросил я, и услышал слово в слово:

– А что, справедливая власть...

Мгновения

Они постоянно бегут нам навстречу и позади нас оставляют след, уходящий вниз и в сторону, а всё потому, что мы идем вверх и к началу. Их можно одновременно слышать и видеть. Лучшее место для этого – река, а лучшее событие – дождь, капли которого, ударяясь о воду, создают шелест, а круги на текущей поверхности показывают непрерывность течения времени, сотканного ими... мгновениями.

Среди них есть особенные, например, мгновения, отделяющие сегодня от вчера и завтра, или мгновения, с которых начинается новый год и повторение значимого для нас цикла событий. А в том цикле мы сможем вновь вернуться в любимое состояние, – закрыв глаза, услышать в осеннем лесу, в хрустальной тишине, как вдали срывается сухой лист и, цепляясь за ветви, с шорохом падает на землю. За ним – другой... хочу, чтоб ещё, и вот он – ещё... Но с особым нетерпением и трепетом мы будем ожидать появления новых чувств и ощущений, новых открытий.

III. НА ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД – ТАК ПРОСТО

Бабочка

Питер. Белые ночи. О прошедшей грозе напоминали хмурое небо, лужи и далёкие раскаты грома. К остановке подъехала маршрутка, из неё вышел парень, подал руку, показалась девушка в очках и со скрипкой в футляре. Парень подхватил её на руки, девушка нежно посмотрела на него и поцеловала в щёку. Выйдя на сухое, парень осторожно её поставил.

Ему – лет двадцать. Он высок, хорошо сложен, спокоен и надёжен. Ей – лет семнадцать-восемнадцать. Она, как девочка: не высока, стройна, легка, смешлива и доверчива. Девушка сняла очки, теперь они будут висеть на шнурке – с этой минуты у неё есть верный спутник. Молодые осмотрелись и побежали к входу на станцию метро, здесь он купил цветы, передал спутнице, а у неё взял скрипку.

Держась за руки, они вошли в метро, встали на эскалатор, спустились, вышли на платформу. Остановился поезд, следующий до станции «Адмиралтейская». Двери открылись, молодые люди вошли, сели, всё также улыбаясь и держась за руки. Вдруг парень заметил под потолком порхающую Бабочку, показал спутнице.

– Ага-а-а! Прелесть!.. Как она сюда попала?.. Бедняжка, – предсказуемый финал вызвал грусть. Неожиданно Бабочка снизилась и села ей на грудь. – Ой! – девушка опустила голову, любуясь.

Никто из пассажиров, кого мог привлечь разговор, судя по их реакции, Бабочку не видели. Они вслед за молодыми оглядывали потолок, смотрели на их лица, руки – но нет, не видели.

Парень снял бейсболку, установил перед Бабочкой козырёк, та переползла. Сидела она спокойно, чуть шевеля усиками, но вот подняла крылья, и тут же раздались далёкие раскаты грома. Парень прислушался,

посмотрел на пассажиров, видно было, что те ничего не слышали. Бабочка опустила крылья, установилась тишина.

– Ты слышала? Но откуда здесь может быть гром?

– Слышала! Этот гром совсем не тот, что на улице.

– Верно.

Они продолжали наблюдать за Бабочкой: поднимет та крылья – слышны далёкие раскаты, опустит – наступает тишина. Молодые люди посмотрели украдкой по сторонам – одни заняты своим делом, другие с любопытством поглядывают на них. Вдруг девушка встрепенулась.

– Послушай!.. Только не смейся!

Парень свёл брови к переносице и кивнул пару раз. Девушка надула губы и сделала вид, что обиделась. Он рассмеялся, обнял, поцеловал в висок, она вздохнула и продолжила вполголоса, как бы по секрету:

– Эти раскаты – Гром Небесный!

– Умница! – ответил он нежно. – Давай никогда не расставаться. – Увлекаясь, продолжил: – Я буду твоим импресарио. Столько неразгаданных тайн нас ждёт впереди: Бермудский треугольник, чёрная материя... С твоим талантом – это Клондайк!

– Мешаешь сосредоточиться... – она не стала обижаться, ещё раз вздохнула. – Бабочка – это звено в цепочке длиной в миллиарды лет. Цепочка протянулась к нам из бездны веков, от простых одноклеточных. Нигде не оборвалась, ты понимаешь?

– Выходит, у нас с ней может быть общий предок!

Девушка бросила в его сторону строгий взгляд – шутку не оценила, с горечью продолжила:

– Ей суждено оборваться здесь, под землёй, в метро, у нас под ногами!

– Нет, катастрофы мы не допустим, – сказал он решительно. – Возьмём с собой и выпустим в Александровском саду.

Своим дыханием парень направил Бабочку в середину бейсболки и из неё сделал убежище.

Поезд остановился, голос диктора объявил: «Станция Адмиралтейская». Двери открылись, молодые люди поднялись и покинули поезд. Пассажиры в вагоне с подозрением посмотрели им вслед, делясь впечатлениями.

Они вышли из метро. Дождь прекратился, небо – чистое. Парень улыбнулся.

– Погода – это второе чудо! Загадывай желание, одно на двоих, хорошо?

Девушка зажмурилась, перебирая пальцами, будто по клавишам пианино, открыла глаза, увидела немой вопрос, от ответа игриво уклонилась и потянула парня за собой. Разговаривая, они пошли в сад сначала по Малой Морской, затем свернули на Гороховую. Решили

выпустить Бабочку на свободу у памятника Пржевальскому. Парень раскрыл бейсболку, девушка осторожно подула на Бабочку, та выползла на козырёк, сделала взмах крылышками и, порхая, исчезла в кронах деревьев.

За Невой затрещало, забухало. Молодые обернулись на звуки, там искрились вспышки и сияние праздничного салюта. Держась за руки, они побежали в сторону Сенатской площади. На полпути девушка высвободила руку, встала на бордюр, прошла несколько шагов, балансируя, как «Девочка на шаре» у Пикассо. Вспомнила о цели, соскочила, схватила спутника за руку, они вновь побежали, а оказавшись на площади, вдруг замерли, парень – в недоумении.

– Ба-а-абочка, – надевая очки, прошептала девушка. Когда в небе угасал очередной взрыв бушующих огней, появлялся и медленно таял искрящийся контур Бабочки размером с «ковш» Большой Медведицы: крылья, усики, и всё это собрано из разноцветных вспышек и огней фейерверка! Она захлопала в ладоши, парень обнял её, опустил голову, вдохнул запах девичьих волос и сказал тихо-тихо на самое ушко:

– Бабочка – это ты...

Причуды Навигатора

Встречайтесь глазами

Оба крыла в старом здании университета занимают аудитории, исполненные в античном стиле, амфитеатром. Сегодня утром в одной из них не слишком высоко расположился Алексей. Перед ним, как у большинства студентов, лежал смартфон, рядом, на сиденье – куртка, под ней городской рюкзак. Из соседнего сектора, что занимала параллельная группа, на него нежно смотрела, подперев щёчку кулачком, Люба. Среди подруг она малозаметна, но придирчивый взгляд отметит, что девушка мила, опрятна и одета со вкусом.

Люба больна. Эта болезнь: дышать неровно к лицу другого пола, поразила её неделю назад. А началось с банальной чепухи: она немного опоздала на лекцию по философии, хорошо, преподаватель разрешил присутствовать, и она, не выбирая, заняла первое свободное место, поправшее ей на глаза. До перерыва Люба сидела за Алексеем и, слушая о Канте, разглядывала завитки волос на его шее и макушке, лёгкий пушок на щеках, руки, уши, т.е. всё то, что попадало на глаза. Между тем голос лектора сделал своё дело – Люба прилегла щекой на кисти рук и погрузилась в мечты. В реальность вернул тонкий аромат чистого тела и туалетной воды, и уже скоро Люба его ловила, затеяв игру: она искала в

нём мужские нотки и давала им своё описание. В общем так: с этого часа Алексей ей нравился, и не последнюю роль в том сыграли её фантазии.

Прозвенел второй звонок, забегали, засуетились студенты. Бодро вошёл преподаватель, закрыл за собой дверь, оглядел аудиторию, что-то пробормотал и направился к кафедре, кивками обозначая секторам поклоны. Шум стих.

На кухне, за столом – бабушка и дедушка. Обед подходил к концу. Бабушка встала и убрала со стола пустые тарелки. В прихожей щёлкнул замок. Спиной вперёд, закрывая за собой наружную дверь, вошёл Алексей. На голове – капюшон, за плечами – рюкзак, перед собой он держал бликующий смартфон. Развернулся и негромко, не поднимая глаз, заявил о прибытии:

– Привет!

– Без навигатора дорогу домой уже найти не можешь, – с иронией отметил дедушка.

– Ну, что ты, дед, цепляешься! – укорила бабушка и добавила ласково: – Лёшенька, раздевайся, мой руки и быстро за стол, пока не остыло.

– Ща, ба! – ответил Алексей, раздеваясь. – Как смешно, дед! Здесь не только навигация, здесь теле, радио, видео, учебные и познавательные программы, справки, новости. Подари себе на юбилей.

Алексей с рюкзаком прошёл в глубину квартиры. Дед взял пульт, включил телевизор. Бабушка себе и ему поставила чай, внуку – тарелку с горячим. Появился Алексей, показал чистые руки, достал из кармана смартфон и положил на стол, сел.

– Савелий Крамаров отдыхает, – усмехнулся дедушка, откусывая от пирога.

– Всем приятного аппетита! – шевельнув бровями, пожелал Алексей.

– У тебя, дед, все ассоциации только с любимым прошлым.

– Спасибо! И тебе приятного, – пожелала бабушка.

Дедушка, присоединяясь, кивнул и, прожёвывая кусочек, добавил:

– Твой интернет-заказ привезли. Упаковку я снял, а собирать бабушка не разрешает, хочет, чтоб ты сам.

– Конечно! – пояснила бабушка: – Мы так с Лёшей договаривались, пусть учится... Надо будет, позовёт, не переживай.

Дедушка и бабушка перешли в гостиную. Он смотрел ТВ, она вязала, поглядывая на экран поверх очков. После обеда прошло около часа. Из комнаты Алексея периодами доносились постукивание, звуки падения

предметов, чей-то голос. Промежутки увеличивались. Дедушка, показывая на часы, поднялся.

– Пойду, посмотрю.

– Будь поласковой.

В комнате, где проводилась «отвёрточная» сборка, на полу лежали детали будущего стола, фурнитура, смартфон, в стороне – монитор и системный блок. На коленях стоял Алексей и слушал смартфон, откуда доносились советы блогера. В дверях появился дедушка, заметил нетронутую схему сборки, вздохнул:

– Даже не разворачивал, Кулибин. – Алексей, поморщился:

– Кому она сегодня нужна. Есть видео, есть мастер-класс.

– Однако вижу, мастер тебе плохо помогает. – Дедушка взял пару, образующую мебельную стяжку. – Смотри: это стяжка. Винт вкручивается в отверстие на одной детали, – дед вкрутил, – а эксцентрик вставляется в большое гнездо на второй детали. На эксцентрике есть стрелка, смотри, – показал дед...

В гостиной бабушка продолжала вязать, ревниво прислушиваясь к голосам мужчин. Зазвонил мобильный, бабушка взяла, нажала кнопку:

– Да! Слушаю Вас. – Пауза. – Здравствуйте. – Пауза. – Да, заказывали. – Пауза. – Ох! Огромное спасибо! И когда можно получить? – Пауза. – До свидания.

Бабушка положила телефон и повернула голову ухом к комнате внука, где дедушка завершал сеанс обучения: – ...которая образует спираль. Эксцентрик захватит его головку и потянет винт к себе. – Слышно, как дедушка запыхтел. – Вот так! Возьми силовую, эта не годится... Ну, работай! Открой окно. Позовёшь, если что...

Дедушка вернулся в гостиную, бабушка встретила его улыбкой и поделилась новостью:

– Только что звонили из льготной аптеки: лекарство привезли, можно забрать. Ты не сходишь? – Реакция дедушки была предсказуема:

– С удовольствием! Но развивать в себе чувства сострадания к больным и немощным надо, в первую очередь, внуку. Во-вторых, ему полезно двигаться! Он ночью на связи то с Камчаткой, то с Сахалином, а днём мы на цыпочках. Безоговорочно, – вперёд!

– Ох, дед... Но только я сама его попрошу.

Наконец, стол поставлен на место. Алексей навёл порядок, установил компьютер, сел в кресло, осмотрелся довольный, позвал:

– Де-ед!.. Ба-а!..

Зашёл дедушка, следом бабушка, прижимая к груди листок. Внука сразу не заметила:

– Звал, Алёша? – Увидела – Ух, ты! – Алексей встал. – Бабушка подошла, обняла, поцеловала. – Какой ты молодец! – Украдкой показала дедушке листок, тот кивнул. – Лёшенька, полчаса назад звонили из льготной аптеки: привезли лекарство для меня. Будь добр, сходи, получи.

– Нет проблем, Ба!

– Весь в меня, – гордо пошутил дед: – Когда я был маленький... – Но за него завершила бабушка, добавив: – с кудрявой головой, – и коротким жестом отмахнулась.

– Алёша, вот рецепт и адрес.

Дед заторопился: – погоди, мигом план набросаю.

Алексей поморщился: – Не надо! У меня смартфон.

– Твой лучший друг Навигатор? Всё-то у вас не так! Надо ж уметь и по схеме: мало ли. Хорошо, когда на корочке записан ТриДэ-образ окружающего...

– Ты дай ему ещё компас в дорогу! Иди уж, не мешай!

Из подъезда длинной многоэтажки вышла Люба. Услышала, как хлопнула дверь соседнего подъезда, и под козырьком появился Алексей, провёл со смартфоном какие-то манипуляции, поправил наушники и осмотрелся. Люба непроизвольно улыбнулась, но он её не заметил, спустился на тротуар и направился в ту сторону, куда шла Люба. Люба изменилась в лице и, не ускоряя шага, гордая и неприступная, последовала за ним.

Неожиданно Алексей притормозил, посмотрел на очередной подъезд, на смартфон, пожал плечами, вошёл и вызвал лифт. В кабине, следуя инструкции, нажал кнопку в верхнем ряду. Застонала лебёдка, скоро стихла, двери открылись, Алексей вышел на площадку, покрутился и поднялся по лестнице на два этажа. Следуя предписанию, вызвал лифт, спустился и вышел из подъезда. Подумал, убрал смартфон и снял наушники.

К подъезду, не глядя на него, подходила Люба. Он спустился на тротуар и сделал несколько шагов ей навстречу. Оба остановились. У Алексея была небогатая практика общения с незнакомыми людьми, тем более, просить их о чём бы то ни было. Своё стеснение или неловкость он скрывал, делая лишние движения либо разглядывая окружающее пространство, а может делать и то, и другое одновременно.

– Добрый день!.. Помогите, пожалуйста! Смартфон мой глючит. Как пройти к аптеке, где отпускают льготные лекарства? – Алексей достал листок. – Вот адрес.

Нетерпеливо переступая, он смотрел по сторонам. Люба заглянула в листок, подняла глаза и тут же опустила.

– За углом того здания. – Показала. – Слева будет вывеска, над ней – радуга. – Добавила с иронией: – Радуга может сбить с толку – сообщество не там.

– Спасибо! – Алексей убрал листок.

Люба, потупя взор, аккуратно его обошла и продолжила путь. Алексей её обогнал и вышел на указанный маршрут. Что-то заставило его обернуться, затем ещё раз: «Хорошая девочка, всё при ней. Встречал вроде, но где?» Люба шла, по-прежнему, устремив взор в точку перед собой.

Алексей возвращался из аптеки тем же маршрутом. Остановился у того же подъезда. Он сделал несколько кругов, присел на скамейку, нахохлившись, огляделся. Встал, вздохнул и, склонив голову, направился к своему подъезду.

Следующее утро в аудитории начиналось, как обычно. С небольшим опозданием вошёл Алексей, в руках смартфон. Люба на том же месте, одета в светлое, нарядней и причёска. Увидев его, вытянулась, в глазах мелькнула искорка: «Я – здесь! Оторвись от смартфона, посмотри на меня!» Алексей остановился у своего ряда, приподнял голову, окинул взглядом товарищей.

– Всем – привет! – прошёл на место и скинул на стол рюкзак.

Люба надула губы, отвернулась и подставила под щёку кулачок. Она так и не увидела, как Алексей неожиданно замер, нахмурил брови и ещё раз оглядел товарищей, в том числе её сектор, расслабился, сел и переложил рюкзак на сиденье рядом. Прозвенел второй звонок.

Люба вышла на лоджию, облокотилась на перила, зажмурилась. Но недолго она испытывала покой и умиротворение, вспомнила о делах. Посмотрела вниз, увидела, как из соседнего подъезда вышел Алексей, в руке – смартфон, на голове – наушники, спустился на тротуар и бодро пошёл по направлению к месту их вчерашней встречи. Вдруг остановился, обернулся и несколько секунд всматривался в ту сторону, откуда вчера появилась Люба.

Люба засуетилась, быстро оделась и выбежала из квартиры. Она так спешила, что даже не заметила, как оказалась на улице. Впереди, не очень далеко, шёл Алексей. У приметного подъезда он притормозил, посмотрел на смартфон и вошёл в подъезд. Люба, замедляя шаг, приблизилась и остановилась. Скоро из подъезда вышел Алексей, а Люба тут же продолжила движение. Он её заметил, облегчённо вздохнул, улыбнулся и пошёл навстречу. В двух шагах оба остановились.

– Вы не поверите, а я вас ищу!
– Опять навигатор шалит?
– Да нет... – Чуть-чуть склонил голову: – Здравствуйте!
– Мы уже виделись, Лёша. Конечно, здравствуй.
– Н-не понял... – смутился он и тут же: – Алексеева! Не узнал, счастливой будешь. А как тебя зовут? Ты уж прости, мы ж в разных группах.

– Люба, – тихо ответила она.
– Прикольно! Будущее, как на ладони.
– Моё? – ещё тише спросила Люба.

Алексей спрятал навигатор и положил Любе руки на плечи. Люба сделала полшажка навстречу, но он не заметил.

– Нет, наше! Прикинь, Алексей в тебя, типа, влюбился!
– О чём ты? – Щёки Любы стало заливать пунцовой краской.
– Ты – Алексеева Любовь, т.е. моя любовь. Вот и говорю: «как на ладони».

– Не шути так больше...

Люба прижала ладони к горящим щекам, погладила. Алексей немного подумал и убрал руки с её плеч.

– Ладно, договорились. Но если что, скажи, и мы избавимся от страшного проклятия. – Поискал её взгляд. – Пойдем, погуляем, есть время? – Люба прикрыла глаза и кивнула.

Они прошли немного вместе, Алексей улыбнулся и поделился мыслью:

– Думаю, Навигатор специально уводил меня с маршрута, чтоб я тебя дождался... Чем не игры искусственного разума? – Им стало весело, так они и шли рядом, шли и смеялись.

Герой прошедшего времени, или Мечтать не вредно

Пригнувшись и широко размахивая руками – так могут конькобежцы – Анатолий на одном дыхании преодолел лестничный пролёт между двумя этажами, на предпоследней ступеньке остановился, выпрямился, шумно вдохнул изрядную порцию воздуха и... выдохнул. Над ним возвышалась завуч их школы, закрывая собой переход к учительской. Свои, кто помоложе, окрестили её Совой за сходство с персонажем из мультика про Винни-Пуха. Сова на проявленную им подростковую шалость ласково улыбнулась и объявила:

– Анатолий Константинович, завтра Вас ждут в Администрации. Вот видите, о нас не забывают, помнят, что скоро и Новый Год, и Рождество. Всё! Молчу-молчу. Пусть это будет сюрпризом. Зайдите к Леночке, она

скажет, во сколько прибыть и в какой кабинет, потом – ко мне, посмотрим расписание и согласуем подмену...

Повалил густой снег, и в свете уличных фонарей сказочно закружились, сближаясь и тут же разбегаясь, миллионы снежинок. Некоторые, почувяв в этом особую прелесть, объединялись в вихрь и улетали назад, ввысь, в темноту, желая вновь испытать удовольствие: повторить в ярком сиянии те несколько головокружительных па, о которых мечтали, перешёптываясь, когда парили в чёрном холодном небе.

Двери школы распахнулись, и первой появилась фигура в красной куртке и спортивных штанах. Придерживая тяжёлую дверь, физрук с поклоном пропустил группу своих коллег наружу под козырёк и на припорошенные пушистым снегом ступеньки. Оказав услужение, отпустил дверь, обогнал всех и встретил внизу перед решёткой ворот, продолжая торопливо излагать начатое им в глухих коридорах затихающей школы – что-то из нескончаемой череды весёлых эпизодов:

– Да-а! Совсем забыл! В «Авангарде» – ретроспектива шедевров итальянского сюрреализма «Дамы и господа». Кла-а-асс! Там мужик один, Гаспарини, прощаясь, повернулся, а из-под пиджака – ха-ха-ха! – подтяжки свисают! Юрий Николаевич, сходите с Анной Павловной, поностальгируйте.

– Мы, Сёмчик, каждое утро, встречаясь с вами, только этим и занимаемся.

– Ха-ха-ха! А где вы находите укромный уголок?..

Выйдя на улицу, компания разделилась на три части. Средняя – а её составила одинокая парочка – перешла проезжую часть и направилась к остановке. Взяв кавалера под руку, молодая женщина решила продолжить прерванный присутствием посторонних разговор:

– Сколько раз говорила и ещё раз повторю: отец Павлика – Валентин. Хватит, хватит! Забудь!.. Приходите-ка 31-го с Ольгой к нам. Вы – люди свободные, посидим, поболтаем, проводим Старый, встретим Новый. А? Что скажешь?

– Нина! Ты посчитай...

– Толя, ты опять за своё! Прекрати!

– У вас в те дни просто физически... Люблю... и Павлика очень...

– А вот и мой автобус, – перебила Нина и, подключив нежность, добавила, сметая снежинки с его воротника: – Ладно, до завтра. Валентин давно ждёт меня: мы договорились после работы заскочить на Ёлочный Базар, чтоб поменьше было потом суеты: постоит красавица на балконе. Ольге – привет. Завтра с тобой Валентин свяжется.

– Здравствуйте. Разрешите? Кочетков... двадцать пятая школа.

– Здравствуйте, проходите, присаживайтесь... минуточку... Для Вас, Анатолий... Константинович, приятная весть: Вам как участнику город выделяет квартиру. Забота государства... а может, – долг: сначала – Вы, потом мы, т.е. оно, а в итоге – баланс... впрочем, не всегда. Вы меня не слушаете? Анатолий Константинович!

Анатолий открыл глаза и ответил неожиданно вопросом:

– А в общей очереди кто первым?

Завотделом вскинула брови, протянула руку к открытому сейфу и достала толстый журнал, развернула на одной странице, затем по алфавитному указателю – на другой:

– Сусоколов Валентин Алексеевич, хирург из 2-й городской. Женат, сыну шесть лет. А что такое?

– Мы с ним давние друзья. Хотел бы поменяться местами. Могу подождать полгода в общежитии, у нас детишек нет, а его семья, чёрт знает сколько, по частным мотается... Павлику скоро в школу...

– Анатолий Константинович! Вы в таком случае должны будете написать заявление и перейти в другую очередь. Заметьте, Вы не станете автоматически первым на следующую квартиру. У нас есть и другие очереди. Например, ветераны, инвалиды, военные пенсионеры, да мало ли... понимаете. Скандалов и претензий – хлопот не оберёшься! Я Вам по секрету скажу: времена настали... не то слово! В одночасье всё может рухнуть, и останетесь у разбитого корыта.

Анатолий почувствовал ком в горле, замотал головой, поднял раскрытую ладонь и тут же плотно прижал её к столу, показав этим жестом, что в своём решении он непреклонен.

Считанные часы до Нового Года! Лучший повод вспомнить детство: ёлка, серпантин, хлопушки, подарки, запах мандаринов, грецкие орехи, мамины губы и её щёки с мороза, санки, рукавички на резиночке... А главное, все любят друг друга и ходят в гости.

У порога Ольгу и Анатолия встретил Валентин. На нём фартук, галстук, рукава засучены, чубчик сбился:

– С наступающим! Проходите, раздевайтесь. Толя, сумку... Тяжёлая! А пошто в снегу-то? Не разбил?

Нина вышла из кухни:

– Ребята! С наступающим! Мы так рады, думали, не дождёмся, наконец-то! Оленька, тапочки позади тебя, пойдём мужикам праздник строить, не покладая рук. Такая у нас с тобой стезя или поприще. Валя, ты больше не нужен, побудь с Толиком. Можете позволить себе по пятьдесят. Да, Толя! Павлик тебя весь вечер ждёт, поиграй с ним в шахматы...

Наконец, стол накрыт, и в очередной квартире вступил в права ещё один – здесь воспользуемся лексиконом программистов – запущен ещё один экземпляр домашнего новогоднего приложения...

А н а т о л и й (*Валентину*). У-у-у! Замечательный коньяк, скажу тебе.

Н и н а (*любовно глядя на Валентина*). Это руки у Валечки замечательные.

А н а т о л и й (*ловит взгляд Нины и встаёт из-за стола*). Потанцуем?

Н и н а (*посмотрев на Ольгу*). С удовольствием! (*Танцуют. На правом плече Анатолия – рука Нины, она прижалась к ней щекой. Анатолий спрятал лицо в копне душистых волос. Томный взгляд Нины скользит по стенам, по потолку.*)

В а л е н т и н (*встаёт и галантно подаёт Ольге руку*). Незаметно присоединимся?

О л ь г а. Обязательно. Одних их оставлять ни-ни...

В а л е н т и н (*выходят с Ольгой на «пяточок»*). Молодёжь, нуте-ка, немножечко в сторону! (*Танцуют все.*)

Полумрак, кружатся пары... неожиданно Нина выпалила:

– Мы же Старый не проводили! – чуть присев и повернувшись, ловко освободилась из жарких рук и крикнула звонко: – Ребята! Марш все за стол!

– Друзья! – завладев вниманием, Валентин взял паузу и проводил Ольгу до места, подошёл к своему и объявил: – Прежде, чем вспомнить о Старом, хочу поделиться радостью... Нет-нет, Ниночка, вот сейчас ты и узнаешь... Ох, дух захватывает, – перевёл дыхание. – Рассказываю... Три дня назад меня вызвали в администрацию и вручили... ордер на квартиру!

– И ты молчал! – женский визг, голоса смешались: – О-о-о!.. Мы так рады за вас!

Скоро притихли и наполнили бокалы перед важным и обязательным тостом. Но вновь задержка: теперь обратила на себя внимание Ольга:

– Думала не здесь, на Рождество, но что скрывать... У нас с Толиком будет маленький!

– И ты молчала!.. Мы так за вас рады!.. А ты ничего, молодец, герой! – и, как в прошлый раз, голоса смешались, общий гомон...

Наконец, Валентин произнёс тост во славу Старого Года, и настроение всей компании в один миг взлетело куда-то высоко-о-высоко. Затем – по второй, за ней – танцы, фанты, прихватили Павлика и всей гурьбой выскочили на улицу, затем – по третьей...

Телевизору скучать надоело, и он заунывно заскрипел из своего угла: «Дороги-ие россия-яне!..» Те засуетились: под перезвон курантов пробка ударила в потолок, в бокалах вспучилась пена, а с первым боем бокалы зазвенели, посыпались пожелания, немного помолчали, вслушиваясь в

непривычный гимн новой России, чем стала «Патриотическая песня» Глинки...

Через час Кочетковы засобирались. Такси вызывать не стали: решили, сначала пешком, а там видно будет...

Они медленно шли в хрустящей морозной тишине. Анатолий после долгих размышлений, сопровождаемых тихими вздохами с протяжными «да-а-а» на конце, сформулировал окончательный вывод и, прижав локоть жены к своей груди, объявил:

– А ведь мы теперь – настоящая семья.

– Да... Пять лет ждала... Через три месяца отнесёшь справку, чтобы маленького учли в составе семьи.

– Послушай, а стоит ли нам за город держаться? Может, переберёмся в село? Таких специалистов там с руками оторвут, вдобавок – подьёмные, жильё, земля, льготы. Выберем, где будут лес и речка. И везде за просто так – луга, воздух, гроза, и всё можно потрогать! Утром будут петь петухи, услышишь колокольчики – то пастух со стадом прошёл, сбегает на речку, а там розовый туман... Как представлю, какие глаза у сельских ребятишек... А знаешь, как живут на селе? Там надо со всеми здороваться. И с тобой все будут. А ты слышала их песни по вечерам? Там наш народ, наши корни.

– Ну-у-у, тебя опять понесло, философ. Давай о серьёзном поговорим завтра. В принципе, я согласна. А сейчас можешь помечтать: мечтать не вредно, дорогой, а я тихонько слушаю...

Валентин собирал со стола и ставил на поднос посуду. Пришлёпывал тапочками в такт ритмичной мелодии и думал о чём-то, наморщив лоб. Когда в очередной раз мимо, напевая и поигрывая бёдрами, проплыла Нина, решил поделиться:

– Не везёт Толику... Нет-нет. Долгожданный малыш – это счастье. Я о другом: когда был в администрации, завотделом мне намекнула, что мы, похоже, последние из могикан. Строительство не финансируется, замораживается... В общем, скоро будет так: «деньги решают всё». А халва останется в прошедшем времени. Надо признать, что это где-то жестоко и несправедливо. – Повернул подбородок к левому плечу и постучал по столу. – Тьфу-тьфу-тьфу. Пусть нашим повезёт... Счастья вам, ребята...

Вопросы выживания

Настя, медсестра в городской больнице, вернулась со смены вовремя, позавтракала с Никитой, собрала и отправила его в школу. Такое начало

дня прибавляло настроения, но расслабляться не время. Первое – посетить терапевта. Положила в сумочку медицинскую карточку. А по пути снять деньги и заплатить за квартиру. Набросала на листке, что надо и можно сделать до обеда. Прикинула – остаётся час. Быстро переоделась и занялась уборкой.

В отделении сбербанка заняла очередь и направилась к банкомату. Прошуршав насыщенным шелестом, тот выдал пять новых купюр по тысяче. Настя опустила стопку в сумочку и быстро отошла: ей всегда мерещилась откровенная глупость – те, кто рядом, пришли специально, чтобы проследить за ней.

Объявили и высветили шифр её очереди и номер операционного окна. Настя подошла, достала квитанции, деньги, отчитала сумму. Посмотрела под ноги, переступила, заглянула в сумочку, ещё раз отчитала. Денег хватало, но в остатке не доставало тысячи. Оплатила расходы, отошла, присела. Открыла сумочку, осмотрела, ощупала последнюю тысячу. Досадно стало: «Ну, рохля, сама виновата!» Вздохнула и пошла к выходу. Проходя мимо банкомата, осмотрела панель, пол – чисто.

Перед кабинетом участкового – кучка пенсионеров. Дождалась очереди и вошла в кабинет. Участковый приветливо улыбнулся и протянул руку за карточкой. Положил на стол, полистал, нашёл свою запись, углубился. Раскрыл на последней странице, там лежала тысяча. Не поднимая глаз, свернул, убрал в нагрудный карман и начал писать заключение, перебирая бумажки с результатами анализов. Расписался, поставил печать, вернул карточку, заключение и пожелал удачи – приём окончен.

Настя на дрожащих ногах встала, поблагодарила и вышла на свет. Собственная оплошность напрочь лишила её равновесия. Лёгкость, с какой участковый присвоил деньги, была поразительной. Когда сама, заискивая и улыбаясь – лицемерие, причём самое отвратительное – претензии только к себе. А они? Они же – люди и, следуя моде, считают себя православными. Неужели не понимают?

Евгений поставил компьютер «на сон» и потер виски. Зрение падает, поза статическая, от напряжения, как говорят разработчики, мозги закипают. Пора заняться фитнесом. Придуманным фитнесом Евгений занимался, уходя на перекур. Он набрасывал куртку, выходил в коридор, спускался по лестнице на первый этаж и выходил на улицу. В хорошую погоду за десять минут можно дойти до светофора и вернуться, в плохую – покружить под большим козырьком и, минуя лифт, подняться на свой этаж.

Вернулся в отдел, там его ждала секретарша.

– Евгений Александрович, мы готовим вечер. Не могли бы Вы зайчика принести, а я его приготовлю.

– Однако, припозднились вы с заказом: остался один выходной, а зайчик не каждый день встречается. И в него попасть ещё надо. Ладно, постараюсь.

Зазвонил телефон. Выслушал и направился к лифту. Внизу ждал, накинув капшон и засунув руки в карманы, друг детства Дима. Разговор начал с ерунды, затем перешёл к тому, что привело его и что давно не было секретом:

– Жека, ты же знаешь, у моей сегодня день рождения, а я пролетаю: гонорар ещё вчера обещали. Не одолжишь пару-тройку? Через неделю верну!

Евгений положил ему на ладонь деньги, извинился, хлопнул по плечу и, показав, как торопится, вприпрыжку проскочил в двери, обернулся и помахал рукой. У лифта дал установку забыть об эпизоде, в кабине, разглядывая потолок, спокойно выдохнул.

Настя вошла в прихожую.

– Никита! Ты дома? Почему не встречаешь? Почему свет в коридоре? Кто приходил? Как успехи? Уроки сделал? Обедал?

– Обедал, обедал. Мам, ты в дом-то войди. Пятерка – по физике, по математике – четыре... Делаю... Мишка за уроками заходил: его в среду выписывают.

Немного погодя Настя, уютная, домашняя, подкралась к Никите, обняла за плечи, подула в макушку.

– А почему Валентина Ивановна поставила красным двойку в треугольнике?

– То греческая буква «альфа». Угол обозначает. Я пропустил, но Валентина оценку не снизила.

– Она нам не подружка, значит, – Валентина Ивановна.

Настя потрепала сына по кудрявой голове, чмокнула в висок и вышла. Вернулась со свёртком, пока разворачивала, объяснила:

– У нас дедушка выписался, он тебе книжку оставил.

Никита осмотрел:

– По программе читал что-то. Скуchnоватый стиль.

– Он говорил, тебе будет полезно почитать про людей сильных духом: «Белый Клык», «Любовь к жизни». Никита, ты меня ругать не будешь? Я тысячу потеряла. Но ты не думай, летом, как и договаривались, в компьютерный лагерь поедешь. Я же обещала. И ты обещал хорошо учиться.

– Мам, не переживай. На каникулах, если примут, поработаю курьером. А санитаром в июне возьмёшь к себе?

– С ума сошёл! Замывать больных, по палатам «утки» да «судна» разносить.

– А кто одиноким поможет? Они, мам, тоже по-человечески и жить, и умереть хотят.

– Оставим, не детский разговор. Смотрю, взрослеешь быстро.

– И ты не мешай, а то наделаю ошибок.

В полутёмной квартире – тишина. Прикрыв уши, Никита читал под светом настольной лампы про сильных людей. В эти минуты он, возможно, полз по тундре, обдирая на камнях ягель, а может, бился в кровь на мексиканском ринге. Настя, приготовив ужин, смотрела телевизор.

Позвонили. Настя пошла открывать. Из прихожей послышалось сначала «Ой!», а следом – «Хэпи бё-оф дэй ту ю-ю! С днем рождения, Настенька! Можно?» Догадавшись, кто это, в прихожую влетел Никита:

– Привет, дядя Женя! О-о-о! Тортик!

– А вы, что же это, господа, забыли, что у мамы сегодня день рождения? За это наказывать надо нещадно и с пристрастием. – Ухоженный, стройный мужчина, не на много старше Насти, прошёл в комнату и огляделся. – Сидите в потёмках?! В этот вечер должно быть много света!

– Хризантемы чудесные! Простоят до восьмого. Да, Женечка, представь себе, забыли. Мы такие. Дай щёчку... У-у, колочий!

– Всего-то за день. Впредь буду знать, мадам, что к вам на приём через визажиста.

– Дядь Женя, мне очень стыдно. А мама о себе не думает. Наша пчёлка то в поле, то в улье, и так с утра до утра.

– Что это? А-ах! Нет, нет. Же-е-е-енька! – Настя замерла перед зеркалом. – Спасибо! Мне так неудобно. – Вновь ожила: – Ребята! Оставьте вас на минуточку, стол накрою и позову, хорошо?

– Настенька, мне только чаю. Ужинать буду дома.

Настя из кухни, позванивая посудой:

– Послушай, так нельзя! Мужчины, мойте руки, и милости просим к столу!

– Диму давно не видел?

– Н-недели две. Всё такой же. Денег хочет много, а работать лень. Наш национальный герой: всё б ему «по щучьему велению». Идеи бредовые вынашивает. «Какой же ты разгильдяй, Димка, – мысленно укорил друга Евгений. – Такая девочка славная! И хозяйка, и миленькая, а душа-а...» – И перевёл внимание на Никиту:

– Что читаешь? Спорт не бросил?

– Хожу! Нравится! Сегодня – «Любовь к жизни» Джека Лондона.

Вопросы выживания.

– Правильно, зачем перед компьютером тупеть и дистрофию развивать. А ты знаешь, наблюдая, чем питаются наши братья меньшие, выжить можно, не посещая супермаркета. Я не о грибах и не о ягодах.

Возьмём глухаря, он, например, любит корешки папоротника...

– А я корешки есть не стану, дождусь глухаря и спасу вас от голода.

– Ну, ты, брат, силён! – улыбнулся Евгений. – Кстати, скоро двадцать третье, готовимся к корпоративу, и одна юная коллега спрашивает: «А можно Вам заказать зайца?» Отвечаю, заказ-то приму, но это редкая удача у одинокого странника.

– А фотографию, дядя Жень, дала?

Евгений захлопал ресницами:

– Свою? Н-не по-онял. Какую? Зачем?

– Ну как же. Она Вас киллером нанимает. Положено показать фото жертвы.

Одинокий Странник рассмеялся и нежно взглянул на Настю, да так, что та опустила глаза, а Евгений покраснел.

– Остёр твой Никита. Нестандартно мыслит, не догоняю. – Повернулся к Никите: – А ты определился, кем по жизни стать хочешь?

– В детстве – путешественником.

– Как Конюхов? А детство – это когда?

– Вчера. Только не в одиночку. И не на ледоколе, и не на арктической станции. Своими ногами землю мерить. Правда, это не модно, и денег не зарабатываешь. О семье надо думать.

– Да, парень, всё по-взрослому, – согласился Евгений, наблюдая, как исчезает на доньшке сахар, и светлеет от лимона крепкий чай. – А давай так: мы с тобой по субботам будем путешественниками, а в остальные дни отдавать себя любимой работе и семье. У меня получается. – На этих словах запнулся, но Настя сделала вид, что неправда осталась незамеченной. – Как исполнится восемнадцать, ружьё подарю. Лежит в деревне одностовка «тулочка» 16-го калибра. Советская, штучный экземпляр, лёгенькая, приёмистая, бой резкий. Считаю, с этого дня тебя ждёт. Побродим вместе. – Заметил настороженный взгляд Насти и подобрал романтическое определение для кровавого, с точки зрения женщин, промысла. – А главным будет у нас полное и вдохновенное соединение с природой.

– Соединение вас ожидает в перспективе. Реально же Никита мечтает о компьютере. В классе у всех, кроме нас. Для начала хорошо бы летом в специальный лагерь попасть. Никита изучил бы компьютер и отдохнул. Женечка, у тебя в городе море друзей: кто при власти, кто при компьютерных делах. Может, помогут? А вдруг!

– Не забуду. Сделаю всё, что могу. Ладно, буду собираться: Катерина заждалась, наверное. Настенька, Никита, спасибо! Всё замечательно. Через пару недель навешу. Получится – раньше. Никита, береги чувство юмора и не превращай в сарказм. В словаре посмотришь, а я уже оделся, и покидаю вас. «Душа моя сегодня не на месте, рыдает раскалёнными слезами». Ну, что ты смеёшься, Настенька? Это – наш шансон. А вот это сможешь угадать? «Слёзы, подступая, льются через край». Сдаёшься? Утёсов: «У меня есть тайна». Ты должна её знать.

– Мам, а дядя Женя, когда ты не видишь, так на тебя смотрит... А вы давно знакомы?

– Он был свидетелем на нашей свадьбе. С твоим отцом учились вместе. Прошёл месяц, решил, что и ему пора. Не всё ладится в его семье. Жаль, весёлым бывает теперь редко.

Подперев щеку кулачком, Настя задумалась, скоро встала, поправила кресло и прошла на кухню наводить уют. У окна, перебирая шторы, вполголоса подвела итог: «Старая истина: что имеем, не храним. И когда ж ты, наконец, поймёшь, Катерина?»

«Они вместе, шеф, – мы возвращаемся»

Автобус вильнул кормой и притормозил у загородной остановки. Задняя площадка загудела: «Дайте выйти! У-у, бар-раны!» Парень во флотском реглане ступил с подножки на снег и отошёл в сторону. Вывалилась ватага, выдёргивая одежду из челюстей салона, и, не медля, внутрь втиснулись новые пассажиры с ёлочками, сумками, детишками. Парень попробовал вжаться, но двери не закрывались... раз-другой, и водитель не вытерпел: «Выйди, сынок: за нами – сто двенадцатый пустой».

Он остался и, нахохлившись, стал измерять остановку приставными шагами, потом цепочкой, постучал ботинками, посмотрел на тёмный горизонт, притихший перед полночным фейерверком, обернулся: на наледи «запорожец» занесло так, что тот сполз задом в кювет и заглох. Вышел дедок, постоял тупо, огляделся, заметил парня и улыбнулся:

– Сынок! В такую ночь – святое ж дело, а!?

– Лег-ко!

Попыхтев, иномарку выкатили. Дед повозился, завести не смог, ещё раз улыбнулся:

– Толкни-ка на счастье!

Парень упёрся, ещё раз, под ладонями задрожало, «запорожец» икнул и задрезжал по шоссе, а за ним последний автобус из-за спины обдал дымом, включил форсаж и увёз надежду.

Ему-то что осталось – любовь да вера? Двенадцать километров – два часа. Ладно, к полуночи, к бою курантов он будет дома. Перешёл на левую обочину, поднял капшон и зашагал. Через полчаса оглянулся, вдали мигнул огонек. Минуту спустя поравнялось такси.

– Садись, сынок!

– Спасибо! – поблагодарил, устраиваясь сзади. – С наступающим!

Снял шапку, расправил шарф, и вдруг его ослепил взгляд справа из зазеркалья:

– Макси-им! Ты!?!.. – и с болью: – Где ж ты был всё это время, где пропал?

– Ве-ерочка, приве-ет... На флоте три года... то ты не отвечала, то мы по полгода в автономке, потом по контракту... А мои, потрепало их, живут теперь в посёлке. Вернулся вот, а кругом... А ты сама-то как?

– Макс, я в этих краях впервые: подруга позвала «на ёлочку»... А говорят, чудес не бывает. Бывает!.. Решено: едем ко мне!.. Брось! У меня всё-всё есть! Дяденька, миленький, разворачивайте!

Достала телефон:

– Лариса, не получится... Нет, нет и нет. После... Переживёт, не впервой... Целую! Пока-пока! С наступающим!.. – и нежно Максиму: – До двенадцати вагон времени. И пёрышки почистишь, и отдохнёшь, и расскажешь про автономку-разлучницу.

– До свидания, дяденька! С Новым Годом!

– Завидую вам! Чего уж там: будьте счастливы! – всё, что могу.

Максим опешил: «Оба водителя, они что, близнецы? Мистика! А самый первый? Жаль, лица не видел», – и отъезжающему такси улыбнулся вслед: вернулась надежда.

IV. ЗДЕСЬ ПАМЯТИ ПРИЮТ

*Мы – дети великой красной империи, явившей
неудачный опыт построения новой цивилизации*

Полночь. «Зелёная» линия метро на пути к Белорусскому вокзалу. На полу – крылатый муравей. Приходит мысль сначала вяло, как бы пробуя, а затем, как вспышка: вот-вот во Вселенной произойдет катастрофа, и преврётся тщательно выстраиваемая веточка длиною в миллиарды лет, и не будет слышен даже слабый рокот Грома Небесного.

На протяжении всей Истории наши предки боролись и выжили в большом Мире, чтобы у каждого из нас был свой первый, уникальный нематериальный маленький мир, соединяющий на старте три поколения. Мир, где всё по-настоящему: и любовь, и радость, и горе, и преданность, и доброта.

Миров множество, и когда исчезает один из них, а с ним память о том, первом, другие этого не заметят. Но можно сделать так, чтобы он не исчез бесследно и сохранился в твоих младших мирах. Для этого есть слово.

Один близкий мне человек говорит, оглянись, можешь не успеть. Успел и смог рассказать обо всем, что увидел.

Исходным материалом для литературной композиции данного раздела послужило содержание повести «Красная планета».

Победители

Части 252-й стрелковой дивизии с ходу форсировали Мораву. Чехия, утро 5-го мая 1945 года. Впереди – Прага, позади – освобожденный Брно. Дорога ведет к возвышенности, поросшей лесом. По дороге растянулась колонна нашей пехоты, похожая на поток беженцев: кто на велосипеде, кто на телеге, кто на машине, большинство – пешком. Голоса, урчание моторов, шумно, звонко. В колонне, привычно отмеряя фронтовые километры, оставив за плечами донские степи, Курскую дугу, Украину, Молдавию, Румынию, Венгрию и Словакию, шёл в запыленных сапогах от Западного фронта и Сталинграда недоучившийся студент-художник Алексей, советский офицер, лейтенант, родом из крестьян Рязанской губернии, сын русского солдата, год призыва 1922. Тот самый, из которого до Победы посчастливилось дойти всего лишь двум-трем парням из каждой сотни.

У подошвы возвышенности колонну встретил немецкий танковый заслон. Четыре «Пантеры» выкатили из леса, начали стрелять. Немцам нужно было приостановить русских, чтобы основные силы смогли оторваться и уйти к американцам. Пехота устремилась в поле. Алексею всё было ясно: танки задачу выполнили, сейчас развернутся и уйдут – обычная тактика преследуемого врага. Он спрыгнул в кювет, прилёг, утрамбовал на скате тёплую землю и начал что-то вычерчивать. Танки стреляли через дорогу по пехоте, бегущей по полю, один снаряд попал в ствол дерева у обочины и разорвался. Стена горячего воздуха жестко ударила сзади, вдавила в землю, осколок пробил околыш фуражки, вонзился в левый висок. Алексей потерял сознание. Это был его последний бой...

До войны Вера училась в Педагогическом институте в Аккермане, что стоит на берегу Днестровского лимана напротив старинной крепости. Вере было восемнадцать, когда она с подругами примчалась в военкомат и записалась добровольцем в Красную Армию. Направили девчонку в зенитную часть. И выпало на их долю участвовать в обороне Одессы, отступать на Крымский фронт, защищать небо Севастополя, затем – трагическая эвакуация в Геленджик, ранение, госпиталь.

Она вернулась в Севастополь в мае 44-го с частями 2-й Гвардейской Армии и видела на Графской пристани необрунные тела врага в чёрных мундирах.

Окончание войны Вера встретила старшиной медслужбы 141-го хирургического подвижного полевого госпиталя в Чехословакии, в поселке Насвад. Так дописано к коротким посланиям на сохранившихся фотографиях. Соотечественники, приняв название на слух, могли его

исказать. Скорее, то был Нави-Сади: находится он в середине отрезка Будапешт-Брно, на траверзе – Братислава.

В День Победы, когда вокруг все грохотало и пело, из палаты одного героя вышел слегка захмелевшим свободный медперсонал госпиталя. В проходе появились носилки с новым раненым, Вера их задела, они упали. На носилках был Алексей. Вера, чувствуя вину, пришла к нему в палату раз, другой. Он долго оставался на поле боя без оказания медицинской помощи, и подобрали его санитары другой дивизии. Вера дала ему свою кровь, стала выхаживать. Весна, войне – конец, и в их сердцах проснулась любовь.

Когда стало известно, что госпиталь должен был выехать на Дальний Восток, Алексей «похитил» Веру. В январе 46-го в советской Дипломатической Миссии в Будапеште они зарегистрировали свой брак и прожили в этом городе до середины 47-го. Первое время Алексей был комендантом парома, курсировавшего через Дунай, Вера – где-то медсестрой. Жили неплохо. На спички, соль, мыло, сахар в мало пострадавшей и обеспеченной продуктами Венгрии можно было выменять всё, что угодно. Яичница из тридцати яиц на завтрак, жирный жареный гусь на обед – такое стало привычным.

Жили в квартире бежавшего венгерского аристократа вместе с лохматым пёсиком по кличке Шандор. Он обожал бегать по клавишам пианино и подвывать. Наши офицеры научили его ползать по-пластунски, поэтому пупок у него был всегда голый. Победители радовались жизни, и часто по вечерам молодые пары собирались вместе. Вера к шумному обществу относилась настороженно. Алексей же на вечеринках любил подурачиться, поплясать, размахивая над головой пистолетом, обожал всякие переодевания и страшилки.

Летом 47-го Алексею предложили новое место службы в Союзе – Сахалин. Поехали через всю страну поездом, далее паромом. Прибыли – место занято. Предложили послужить на Камчатке. Прибыли – опять занято! Есть нечего – продовольственный аттестат просрочен. Молодые люди остаются на судне, стоящем на рейде в Авачинской бухте. Алексей сплёл из каната лесочку, из жести сделал блесну и ловил с борта рыбу, улов относил на камбуз, там им жарили – капитан разрешил. Вскоре вызвали на берег, предложили должность начальника приёмо-передающего радицентра на Чукотке. Находится она в Западном полушарии, недалеко Берингово море, за ним США: остров Святого Лаврентия, Аляска. Алексей и Вера улыбнулись друг другу и согласились, поняв, что на этом их мытарства закончатся: дальше-то некуда.

Прибыли в поселок Провидение на западном берегу бухты с таким же названием. Через акваторию напротив – поселок Урелики, а рядом с ним на горе Беклемеш, над входом в бухту – радицентр, который обеспечивал самую дальнюю связь с Москвой. Всё хозяйство – взвод солдат, в основном, бывших фронтовиков, и ряд раскалённых радиоламп в рост человека.

Жилище – вначале войлочная палатка, в ней буржуйка, позже – маленький дощатый домик с одним окошком. Утепление – запрессованный между досками мох. В непогоду в тонкие щели пурга наметала вовнутрь сугробы снежной пыли, в голове намерзал лёд. Нередко утром по телефону надо было вызывать солдат, что бы те откопали вход из-под метровых заносов. Когда появились детишки, спать их укладывали между ног.

С открытием навигации в бухту приходили пароходы. Дрова, брёвна сбрасывали в море. Они прибывались к берегу либо их отбуксировали на вельботах. Дерево было на вес золота. Освобождающаяся деревянная тара выдавалась по списку, т.к. с её помощью можно было благоустроить жильё. Лошади, коровы, свиньи, птица дохли, не выживали. Танки, что присылали для усиления гарнизона, проваливались в мерзлоту или срывались в ущелья.

Рядом, между поселком и горой Беклемеш пряталось озеро Ыстигэд. Сюда ходили в свободное время на рыбалку за гольцом. Ловили на блёсенку из пультки, из которой выплавляли свинец. Ставился маленький импровизированный шатер, расчищался снег, делалась лунка. Если лечь, прижаться ко льду, ладоням глаза от света закрыть – видно дно, гальку, рыбу. С первой кожицу долой и – на лёд. Как только рыбка замерзнет, можно сделать нарезку, строганину, посолить, достать и налить, наконец, спиртику... вспомнить...

Зимой из тундры приезжал на нартах, запряженных собачками, знакомый чукча Амуму. Сразу спрашивал:

– Калишики, водки дай!

Выпивал разбавленный спирт, хмелел, выходил на снег, втыкал длинный шест, набрасывал на голову капюшон кухлянки, укутывался, ложился рядом, собачки сразу же, как по команде, пристраивались вокруг него, и до утра под сполохами северного сияния все спали. К утру над ними наметало большой сугроб, виден один шест. Вдруг из-под сугроба выскакивал Амуму, гикал... и только облако снежной пыли некоторое время кружило на месте ночёвки.

В 48-м у них родился первенец, мой старший брат Валентин, в 50-м – я, Виктор, а в августе на американском фрегате по штормовому морю мы отправились на Большую Землю, во Владивосток. Приехала три года назад молодая супружеская пара, вернулась с двумя сыновьями. Не хватало

мелочи: была на маме та же шинель, те же сапоги, не было габардиновой синей военной юбки, из которой сшили писцовую шубку для старшего братика.

Впереди их ждали военная служба в горно-артиллерийском полку и жизнь в бараке в ауле Дзауджикау под Владикавказом, где вкопанная до башни «тридцатьчетверка», кем-то забытая, продолжала держать оборону. А на десерт, как приз – чистая, аккуратная Германия со следами войны, но без следов разорения, и служба в пяти советских гарнизонах 2-й Гвардейской Танковой армии. Наконец, в 60-м их встретила ещё не оправившаяся от войны Россия со своими постаревшими, покалеченными и нищими сыновьями в пригородных «трудовах» поездах и на асфальте перронов.

В январе 60-го поздним вечером в Магдебурге, где на подъезде к вокзалу еще можно было видеть разрушенные войной здания, мы в последний раз поужинали в немецком ресторане, ножи и вилки сложили так, как показал папа, дав этим знать официанту, что наши тарелочки можно убирать. Дождались своего часа, зашли в вагон и выехали в Союз, в долгожданную неизвестность.

Уже понимаем с братом, – и потому молчим, – что с этого дня только сновидения принесут нас в военный городок в Рослау и подарят минуты беззаботной жизни. Наверное, в мыслях родителей, все выглядело несколько иначе: они переступали черту, и уходили в прошлые годы их жизни, содержание которых определила соединившая их война и военная служба. Они приближались к тому, к чему папа в последние месяцы все чаще и чаще обращался вслух и в мечтах – быть рядом с близкими ему людьми, вернуться в милые его сердцу места: в родное село, где он вырос, в город, где учился и откуда ушел на фронт. Маме после войны возвращаться было некуда, встретиться не с кем и главным для неё оставалось, – это я сохранил в памяти, – жить там, где смогут учиться и строить свое будущее ее дети.

Германия, Польша, граница и Брест... Бородинское поле, при каждой встрече вызывающее трепетные чувства, все это промелькнуло и осталось далеко позади. Уже за окнами вагона неспешно разворачивается вся Москва, показывая, что до прибытия на Белорусский вокзал остается совсем-то ничего. По трансляции традиционно зазвучала «Москва майская». Давно знакомые слова: «Утро красит нежным светом стены древнего Кремля», глубоко проникают и поднимают еще чуточку выше приятное чувство ожидания, безраздельно царствующее в душе...

В ноябре мы открыли дверь в нашу новую двухкомнатную квартиру на последнем этаже рязанской хрущевки. Как и в предыдущих случаях,

меня, не давая расслабиться, на следующий день отвели в школу. Но только спустя несколько дней я смог уверенно и спокойно пойти в школу, и то, только после того, как выпросил и надел кофту брата с заштопанными локтями, что, наконец-то, сблизило меня со сверстниками, а новый красивый свитер из Германии отдал соседу.

Состоялось честное знакомство с Союзом, которое не идёт ни в какое сравнение с идеализированным видением его во время летних отпусков. Как это было, например, в дни Фестиваля в Москве или в уютной деревне со всегда заботливыми родителями рядом. Незаметно привык к мату, к спящим пьяным на скамейках и на асфальте. Меньше стали удивлять проявления нашей природной «отзывчивости» в форме грубости и хамства. Перестали вызывать вопросы звонки в дверь нищих, цыган и погорельцев. Привык к калекам слепым и безногим, к грохоту подшипников их тележек по мостовым, к исполняемым ими в электричках военным песням под гармонь с прицепленной алюминиевой кружкой, песням торжественным или преисполненным тоской и печалью.

Действительность, показавшаяся при первой встрече чуждой, непривычной, должна как можно быстрее стать частью нашей с братом Родины. И она начинает постепенно ею становиться. Свою родину, посёлок Урелики на Чукотке, нам не суждено увидеть.

Половское

Село Половское, вотчина одной из ветвей князей Кропоткиных, расположено на правом берегу Оки, выше по течению Старой Рязани примерно на 18 км. В этом месте лесостепь сходит к широкой пойме оврагами и буграми. Как раз на таком изломе и стоит село. В пойме – заливные озера и бесконечные луга, на лугах – стада коров, овец, гусей, табуны лошадей. На реке напротив села и ниже с довоенных времен остались песчаные косы, намытые драгой. В то время, точнее, в 1938-м году и был найден тот древний чёлн-однодеревка, что был подарен жителями села городу и выставлен под навесом у входа в краеведческий музей.

1. Река детства

Рекой, в которой я искупался впервые, была Эльба, несущая тёмные воды через всю Германию в Балтийское море, не забывая пройти под мостом, соединяющим небольшие немецкие города Дессау и наш Рослау, где жили мы в военном городке советской танковой дивизии. В Союзе, не считая мелких речушек, большими реками, где посчастливилось

искупаться и поплавать, были Ока, Дон, Днепр, Кубань, Западная Двина и Волга. Самые приятные воспоминания остались от времени, проведённого на Оке. Мы купались в этой чудесной реке всё лето: с ребятами нашего двора на пляже и на перекатах, с двоюродными братьями и сестрами напротив родного села Половское.

С пацанами нам нравилось, сбросив одежду на пляже, пройти немного выше по реке, отплыть от берега, прекратить махать руками и помчаться с криками по течению. Пролетая под настилом плашкоутного моста, успеть ухватиться за перекладину и повисеть минут пять в тени между понтонами в сужившемся быстром потоке, болтая о всякой чепухе и слыша над собой голоса, шаги, скрипы и шуршание колес. Нравилось по сигналу всем сорваться и понестись дальше, по очереди, как можно выше, вылетать вверх, вытянув руки над головой, в эти секунды набрать полную грудь воздуха и солдатиком уйти под воду... И там, в тонко звенящей глубине, на пределе почувствовать ногами дно, извернуться и схватить в кулак тёмный песок. Выскочить и, победно улыбаясь, показать ладонь друзьям, при этом незаметно проверить, видел ли берег мою ловкость.

Длинные косы напротив села были всегда, их намыла перед войной драга. От станции до Рытвины лежал один их массив. Немного подальше, от Коловерти до Пашкиной будки – другой. Оба щедро поросли ивой.

Первый был изрезан протоками, имел светлые пляжи и заводи с прогретой водой. В заводях, оказавшись отрезанными от реки, стояли с раскрытой пастью щурята, ползали, покачиваясь на мясистых ножках ракушки, вырезая в тонком иле серпантин следов. Над протоками, легко вписываясь в повороты, проносились стаи ласточек-береговушек с визгом, в который сливалось их во стократ умноженное щебетание.

Между первыми и вторыми косами укрепился круглый, лохматый остров. Берега, куда можно выйти, у него не было. Как вариант, мы этот островок обходили вброд и шли от него вниз по течению, где по колено, где по грудь, ко вторым косам. Та из них, что ближе к фарватеру, самая привлекательная. На её внешнюю сторону, к пароходам, выходил длинный широкий пляж. Лежишь в струях воды между косами на отмели, а в высоком небе поршневые Як-18 из Рязанского аэроклуба, не спеша, фырча и поблескивая, наматывают фигуры пилотажа. Каникулы!

Вечером бабушка чистила пойманную плотвичку и окуньков, жарила с яичницей, ставила на стол чашку с творогом, политым молоком и посыпанным сахаром, к нему – испеченные в русской печи любимые ржаные лепешечки. Ожидая ужин, лазили в ящик стола и в который раз рассматривали дедушкино питерское фото с товарищем. Они стояли в сквере на Охте в царской парадной форме, в бескозырках с жёлтыми, как

говорил дед, околышами учебного батальона 268-го Пошехонского пехотного полка и смотрели на нас.

Мы пили чай с черносмородиновым вареньем или молоко с чёрным хлебом, намазанным маслом и посоленным сверху – как это вкусно, дед показал. Потом шли в сарай, на сеновал, где, наболтавшись и насмеявшись, послушав корову, не сговариваясь, засыпали. Утром, если с вечера не подготовились, летели за червями на колхозную конюшню, на грядку за огурцами, к бабушке за чёрным хлебом и – на речку.

2. Малая Родина

Добрые 60-е. Наш дом стоит в пологой ложине в середине улицы Клем, продолжение которой ведёт через насыпь на «поляну» к Ромашиной будке над рекой. Дом кирпичный, пятистенок, заменивший сгоревшую в 1927 году избу. С крыльца виден спуск с бугра, по которому летними вечерами деревенские пацаны верхом без седёл шумно и пыльно гнали в ночное табун гнедых и рыжих лошадей. Слева от крыльца – ворота в малый дворик, справа на стене пластина с нарисованной лопатой – она как памятка, с чем бежать на пожар. Перед домом – палисадник с рябиной, за ним – ворота в сад.

Если подняться на бугор – как приедешь, бегом на глинище осмотреться – испытаешь тихое очарование. Вид на дальние дали, на Оку и луга изумительный: в небе кричат чибисы, в траве – коростели и перепела, по фарватеру, пыхтя, гребут колесами пароходы, чистый песок по берегам и на островах.

А внизу под берёзой – наш дом и часть сельской улицы с мелкой ромашкой по краям. Хорошо становится на душе, когда ступишь босыми ногами на эту дорогу, и пальцы погрузятся в бархатную пыль. Сделаешь шаг, и между пальцами выпорхнут фонтанчики пыли.

Заходишь... Прохлада, чудесный запах в сенях, деревенский квас на лавке. На первой половине – кухня, русская печь с лежанкой, под ней подвальчик для обогрева молодняка в холодное время года. Герань на окнах, на стене довоенный пейзаж, написанный отцом: берег Оки у Пашкиной будки, песчаных кос ещё нет. Под ним подлинный Высочайший Манифест 1905 года: «Божиею Милостию Мы, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая...» В центре – стол, в его ящичке питерское фото дедушки в царской парадной форме с товарищем. Во второй комнате – окна в сад, фотографии на стенах, комод, а в нём старинные солдатские пуговицы с орлом, штык четырёхгранный от трёхлинейки!

Перед внутренним крыльцом – малый дворик, где проходит вечерняя дойка с раздачей парного молока, на заборе – ржавый ребристый диск от «Льюиса», шест со скворечником, в углу наши бамбуковые удочки, а черви для рыбалки спрятаны от кур под крыльцо.

За домом в саду – сарай. На его ближней половине содержится всякая живность. На дальней – двухъярусный сеновал, у входа место для слесарных поделок с наковаленкой из рельса, инструмент, вдоль стены крестьянская утварь: серпы, коса с рамкой для скашивания овса, пшеницы или ржи, хомут, ремни; баллон от шасси Ту-104, весла, наши луки со стрелами. Пол земляной, прохладный. Крыша крыта соломой. Изнутри у её основания и по стропилам множество наклепленных гнёзд деревянных ласточек, их отличает от городских красное пятнышко на горлышке.

Летом мы обычно ночевали в сарае. В притихшем саду в смородине пел соловей. Около десяти дробно пролетал по насыпи «вернадовский» скорый. Изредка доносилось постукивание деревянной колотушки, с которой жители каждую ночь по очереди обходили село, проверяя, нет ли какой беды.

Лёжа на душистом сене, мы болтали. Под нами вздыхала и пережёвывала траву корова, от неё же доходили всегда смешившие нас звуки: журчание и шлепки об пол.

Если мы не собирались на рыбалку, то звон утренней дойки не будил нас, а возвещали нам о приходе нового дня раннее щебетание суетливых ласточек и полоски света в свежем воздухе и на стенах.

3. Старина уходящая

Так похоже на солнечное зимнее утро начало этого ноябрьского дня! И кажется мне, что не смогу надышаться морозной свежестью. Иду, разбрасывая носками ботинок сухой и пушистый снег. Его неожиданно много для этого времени: по щиколотку.

Для нашего отца этот день был особенно памятным: начало ликвидации под Сталинградом 6-й армии фельдмаршала Паулюса. Папа в послевоенной жизни ни разу не пропустил этот день, а мы с братом – его суровые рассказы о войне... О морской пехоте, по ночам поднимавшейся в вечность по крутому обрыву на правом берегу Волги у переправы, о рёве «катюш» и несмолкаемых залпах орудий ранним утром 19 ноября 1942-го года... О сошедших с ума солдатах вермахта, встречавших наши атакующие цепи, о немецких гниющих госпиталях в разрушенных подвалах, о нескончаемых колоннах обмороженных пленных...

За плечом наградной «Заур» отца, стволы 49-го года из крупновской стали и ремень еще тот, с которым он сам ходил. Позади деревенька Сентюрино, лес уже рядом, и вот погружаюсь в его тень, иду в ста метрах

в глубине вдоль опушки. Среди сосен торжественно и тихо, только нет-нет да гулко простучит дятел или выстрелом треснет дерево на морозе. Справа в просветах вижу яркое заснеженное поле. С той стороны длинными полосами проникает солнечный свет. Легкий ветерок, блуждая в вершинах, вдруг потревожит невесомую кухту. И тогда, радужными вспышками играя, протянется седая дорожка бесшумным водопадом и медленно растает, уходя в сторону. А в феврале все будет иначе: он зашумит, съезжая и увлекая нижние слои, так, что услышишь его шуршание метров за пятьдесят, и тяжело бухнет по насту или... за воротник! А вот и «утренний» заячий след! Но нет, пока не хочу переключаться на него, не хочу так скоро покидать этот храм, который открыл для себя во второй половине жизни.

Пошли небольшие высотки, поросшие ёлочками. Иду то вверх, то вниз от одной к другой, отодвигая от лица припорошенные лапы и затем выгребая из перчаток с запястий снег. Когда спускался с очередного склона, услышал неясный шум. Движение чего-то живого, но не людей, не машин: странный шум, тихо и часто бухающий и шипящий. Остановился в ёлочках, присмотрелся – впереди и ниже изгибается участок дороги, уходя по пологому спуску влево. То, чего я пока не вижу, приближается ко мне справа со стороны Межево и находится за соснами, за поворотом...

Вот это да! Из-за бугра появляются и катят ко мне розвальни! Настоящие крестьянские розвальни – деревенские сани! Бежит рысью, семена, небольшая гнедая лошаденка в клубках пара, а в санях – мужичок. Да не просто мужичок! Он стоит на коленках, на голове ушаночка с клапанами вразлет, в руках вожжи, и что-то вполголоса напевает. Они проехали чуть ниже и рядом, меня не заметили, повернули и скрылись за поворотом.

Такая награда мне – и за что! Да-а-а... За этим стоило тащиться ни свет ни заря, и еще как стоило! А когда я в первый раз их увидел? Ну, боярыня Морозова, та не в счет. Вспомнил! Мы приехали в отпуск из Германии в Половское, на родину отца. Валя, мой старший брат, в те дни, что мы провели в деревне, ходил в сельскую школу, а я нет. Значит, то было под новый 57-й. Папа – он всегда в отпуск приезжал в форме – пока поезд стоял у перрона в Рязани, сходил к паровозу и попросил машиниста притормозить у родного села. Все так и вышло, и мы успели выгрузиться в снег на откосе, где нас поджидал дедушка на розвальнях. Мы погрузили багаж, упали на сено и тулупы, и лошадка, крутя хвостом и теряя по дороге каштаны, повезла нас по сельским улочкам к дому...

Зима в русской деревне... А запах!.. Неповторимый запах из смеси ароматов мороза, березового дыма из трубы, махорки, керосина, валенок, овчин, сена, конского навоза и всего прочего, без чего был немислим деревенский быт. И именно зимой, потому что летом его заглушают

ароматы садов и огородов, теплой земли, луговых и полевых трав, ласковый ветерок с реки. Запах малой родины – пусть не нашей, а отца – помнишь всю жизнь, и он приходит из прошлого, виновато улыбаясь: «а меня-то уж нет, брат...»

Махорочка... Её огонек тлел по углам в сельском клубе, когда мы, затаив дыхание, смотрели, сидя на полу, «Герои Шипки». Или когда, насыпав ее на ладонку, готовились к душевной беседе дед с соседом и не касались темы разговора до той поры, пока «козью ножку» она не заполнит до краев. Прикуривали, затягивались, перебрасываясь взглядами, и... теперь можно и поговорить. Весело потягивали её солдаты в курилке на скамье вокруг вкопанной металлической бочки. Может, от того и запах солдата в те времена был узнаваемый, сейчас-то он никакой. Подростком изредка её покурил и я с пацанами в подъездах, на рыбалке или в походах. А в последний раз вдохнул её аромат в октябре 84-го, когда проводили мы в последний путь нашего деда, унтер-офицера 268-го Пошехонского пехотного полка, Питерского красногвардейца, солдата Ленинградского фронта.

Столы были расставлены в саду под яблонями, которые он прививал и мне, малышу, стоящему у его правого плеча, рассказывал и показывал, как это надо делать...

Примерно через час в сад зашёл высокий, сутуловатый старик. Помянул деда Андрея и встал в сторонке. Старика звали Петром. В ту минуту он готовился сделать самокруточку. Пропустить? Ни в коем случае! Подходим с Валентином. Предлагаю взамен сигареты и прошу позволить нам покурить его табачку. Взял из его запаса бумажку, насыпал щепотками валик махорки, скрутил, склеил по всем правилам, прикурил... Есть в ней что-то родное... Со слов дяди Пети после ухода деда Андрея он стал самым старшим в селе. А еще от него мы узнали, что в Первую мировую он был солдатом Русского экспедиционного корпуса во Франции! С беззубым дядей Петей сдержано улынулись некоторым эпизодам из той жизни, и ещё тому, как он произнёс несколько французских слов, из которых мне запомнилось «мамзели».

Прошло сто лет с того времени, когда один русский солдат пылил сапогами по дорогам Белоруссии и проливал кровь в окопах под Сморгонью, а другой глотал немецкий газ в грязи под Верденом и Реймсом. А мне посчастливилось знать обоих: любить своего деда и обменяться рукопожатием с нашим земляком. Встречались наши взгляды, мои руки чувствовали и сохранили, пусть с ничтожной долей вероятности, тепло обоих, но я готов поделиться им. На самом деле мы не так уж далеко отошли во времени, связь есть. А мы сегодня хотим ли, стремимся ли сохранить её?

Эпилог

Как-то натолкнулся в Интернете на рекламу продаваемым участкам в «уютном» месте, в селе Половское, и почувствовал неясную тревогу... Неожиданно в начале лета прошлого года, спустя тридцать лет, смог побывать в нём. Строятся городскими из Москвы и Рязани коттеджи, закатываются в асфальт деревенские улочки, устроены свалки на «поляне» за насыпью. Ока обмелела, весеннего разлива нет, косы одичали, пляжей нет. Родовой дом поделен, ручей Клем высох. Было в селе акушерское отделение, была средняя школа, клуб. Сегодня ничего этого нет. На поляне не пасутся стаи гусей, нет сельского и колхозного стада и табунов, да и колхоза нет. Местные мужики спиваются. Сельская русская община уходит в небытие. Кто так решил? Почему она больше не нужна?

Памятник павшим землякам восстановлен. А иначе никак, иначе стало бы мерзко, стыдно и нестерпимо больно всем нам: и новым, и старым.

Мы из Рощи, или Добрые шестидесятые

1. Роща

Наш дом в Рязани, где нам предстояло в последний раз пожить вместе, стоял на южной окраине новостроек микрорайона «Городская Роща» или, как говорили, в Роще или Горроще. Для особо осведомленных граждан – Рюминская роща.

Кварталы-близнецы в Роще строились, главным образом, для рабочих нового нефтеперерабатывающего завода, но квартиры в первых подъездах распределяла городская власть. Нашими соседями оказались два преподавателя военных училищ, несколько военных пенсионеров, один с сильным психическим расстройством, полученным из-за потери секретного документа, врач, учителя, писатель, бывший узник Бухенвальда, слесарь-выпивоха, перманентно занимавшийся ремонтом входной двери и т.д.

Между микрорайоном и старым прудом, за которым проходил железнодорожный путь в Поволжье, за Урал и в Азию, лежал средних размеров массив лиственного леса с тем же названием «роща», получивший позже статус городского парка и красочную вывеску над входом: ЦПКиО. Забавный случай – среди граждан, собравшихся у кассы, живо обсуждался вопрос: «Что это значит?» Стоявший неподалеку милиционер отреагировал немедленно: «Центральный парк культуры имени Отдыха», здорово, да?!

Через эту рощу лежит самый короткий пеший путь к центру города. Мы часто им пользовались в обоих направлениях: утром на тренировку или на военную кафедру, на заре со свидания, чтоб успеть позавтракать и побриться перед работой, или просто, желая сохранить в себе утреннюю свежесть, отказавшись от перспективы тащиться в троллейбусе через добрую половину города. Мы, дворовые мальчишки, пока нас объединяла школа и немудреные интересы, часто топали ночью пешком на рыбалку через нашу рощу, чтобы не пропустить «зорьку» на Оке.

В первую зиму, почувствовал это сразу, в меня по-соседски влюбилась девчоночка Ира. Гуляю во дворе, и она гуляет, повернулся и вижу, она смотрит и улыбается нежно. С того дня, сделав уроки, только выйду из подъезда, а сердечко уже постукивает, и тоже стал ей улыбаться, наслаждаясь тем незнакомым, но приятным, что начинало кружить внутри меня. Ира молчит, и я молчу, и улыбаемся друг другу детскими глазами и губами. В школе на перемене спускаюсь на второй этаж и, напустив на себя озабоченный вид, пробегаю по коридору и ищу ее глаза. Увидел, и мне хорошо, и после звонка первые пять минут учителя не слышу.

А в первую весну всем нам посчастливилось пережить незабываемое событие. Это произошло 12 апреля 1961-го года. Яркий, солнечный день. На большой перемене узнаем – Гагарин! Всё, уроков не будет! Ликование теснится в груди. Бегу домой. Громкоговорители на крышах тоже безумно рады тому, что их освободили от ожидания регламентированных событий, и в паузах между маршами и патриотическими песнями повторяют: «Передаем сообщение ТАСС!» Вечером папа суетится у телевизора, ищет ракурс и на короточках делает снимки экрана.

Пролетели незаметно два года – школа, авиамодельный кружок, библиотека, исполнение маминых поручений, лыжные прогулки, восхитительные каникулы в деревне и тому подобное. Но идиллическое течение жизни в кварталах, подобных нашему, долго продолжаться не могло. В подтверждение тому – происшедшее со мной теплым весенним вечером в соседнем дворе. Покатавшись на качелях, уступил, кому положено очередь, и дважды оттащил от качелей капризного Мелкого. Тот убежал и скоро вернулся со старшим братом и гурьбой пацанов, среди них я заметил своего соседа по лестничной площадке, он сосредоточенно исподлобья через челку смотрел на меня. Брат Мелкого, крепкий, коренастый, широкогрудый парень, по подсказке «вот он!» подошел ко мне и без разговоров въехал кулаком в лицо. Этого со мной никогда еще не было, во мне застыл, не найдя выхода, крик: «Это не справедливо, не честно, виноват Мелкий!»

Я тут же поднялся, старший со словами «ты так» въехал мне еще раз. Я встал и ушел без слез, глотая обиду. При следующей встрече с соседом я услышал от него замечание, как от более взрослого и опытного:

– Не надо было подниматься, второй раз не получил бы.

Как мне следовало поступить тогда, упасть и заплакать, или убежать под свист и улюлюканье, заработав в этих дворах на всю жизнь репутацию трусливого слабака?

Прошло время, дети взрослеют быстро, обиды проходят, и все последующие годы, что я прожил в Роше, встречаясь во дворе со старшим братом Мелкого, ни он, ни я не задавали себе вопрос, кому из нас на этот раз первому здороваться.

До сих пор помнится всякая чушь. Вот на пустыре напротив школы, рассчитавшись на две команды, начали играть в футбол. Мне надо остановить атаку Афони, обошел его спереди, отобрал мяч, но тут же получил толчок ладонью в спину и полетел грудью в пыль. А ведь только что все азартно спорили, как надо мяч из-за боковой вбрасывать, а здесь – грубое нарушение и тишина?... Посмотрели новый фильм «Три мушкетера» и давай на стройках носиться со «шпагами», каждый себе – Д'Артаньян. Вот успешно дожимаю на открытом этаже Рошфора-Сошникова, тому надоело, подошел и ткнул новичку в зубы.

Подобные примеры испытания обидой, несправедливостью привели к тому, что в моем характере стали более заметными черточки, говорящие о стеснительности, неуверенности, замкнутости и даже угрюмости. Эти качества приводили к появлению новых причин для детских огорчений, а те, в свою очередь, – к укреплению так мешавших мне новых качеств.

2. Гена

Неожиданно между нами с Геной возникла дружба. Он учился в 5-й школе, был на два года старше, жил этажом ниже, имел сходство с Ван Клиберном, шапку русских волос, впалую грудь, худые широкие плечи и кавалерийскую походку, сутулился. Гена разводил рыбок, и я стал разводить. Он читал Дюма, и я стал читать Дюма. Он шел кататься на коньках на «Трактор», и я шел, раздобыв старенькие коньки. Но Гена умел и всякий раз из дома выходил на коньках. В какой-то вечер я повторил это, но, быстро устав, ушел со стадиона один, добрался кое-как до пустыря перед домом и преодолел его уже ползком, утопая в снегу и глядя с мольбой на свет в наших окнах.

Гена предложил купить простенькую модель яхты, я согласился. Принесли домой по коробке с деталями, то у него, то у меня, помогая друг другу, собрали. Свою яхту Гена покрасил сам, я попросил папу – он художник. Вышло красиво – белая мачта, белый мостик, кирпичного цвета палуба, черный корпус и киль. Краска легла профессионально. А когда увидел, что получилось у Гены, я расстроился и позавидовал. Оказывается, что покраска, выполненная неумелой рукой, создала яхту, потрепанную бурями, тертую коралловыми рифами, а ватерлиния, проведенная

нетвердо, смотрелась так реалистично! Ну что, теперь надо шить стаксель и грот. Робко спросил маму, не разрешит ли она использовать старый шелковый пионерский галстук, мне казалось, что это кощунство. Нет, мама разрешила и помогла правильно скроить и закрепить паруса на мачте и рее. Вечером я поставил яхту килем на письменный стол рядом с аквариумом и укрепил подпорками. «Завтра выходим в первое плавание!» Глядя добрый десяток покойных минут на этот пейзаж с рыбками, прокручиваю в голове всякие детские фантазии. «Да, жаль, капитана нет... Ладно, вылеплю, но потом, если захочу».

Мы с Геней быстро семенем вниз по Островского к роше, через рошу – к пруду. Встречая редких прохожих, гордо смотрим на наполненные утренним ветерком паруса. Скоро перед нами открывается гладь пруда. Толково, с учетом направления ветра выбираем берег. Уходим с головой в инструкцию, настраиваем паруса на боковой бриз. Отматываем ниточку с катушки, привязываем ее к носу и закрепляем несильно пластилином на корме. Осторожно испытываем оснастку вблизи берега и отпускаем оба фрегата в рискованное плавание, сматывая потихоньку нитки с катушек. Проследив за яхтами почти до встречи с противоположным берегом, дергаем за нитки, срывая пластилин, разворачиваем наши галеоны носами на нас и только успеваем нитки выбирать. Праздник состоялся! Повторив несколько рейсов в Индию за чаем и пряностями, мы идем домой, испытывая друг к другу уж очень хорошие чувства.

В конце августа, закончив шестой класс и приятно отдохнув в деревне, встретил Гену во дворе нашего дома. Оказывается, после восьмого класса, он поступил в музыкальное училище по классу «Кларнет»... Выходило так, что ему удалось скрыть от меня, как музыка прекрасна, и что он давно увлечен ею? Значит, он знал, что не сможет разделить со мной любовь к искусству, и мы не сможем вместе заниматься изучением клавиш на этом загадочном инструменте, я догадывался, что он духовой.

Как-то перед Новым Годом зашел Гена и пригласил меня в гости – ему подарили кларнет! Спустились на этаж, зашли в его квартиру. Я устроился в кресле у книжной полки. Гена вынес эту дивную черную трубочку с блестящим тюнингом по всей длине, дал потрогать, показал, что надо сделать с губами, как следует нажимать клавиши, чтобы из раструба внизу полились чарующие звуки. Гена набрал полную грудь, покачался немного и, облизнувшись, начал играть. Не тут-то было! Спрятавшиеся звуки не хотели поддаваться нажимам пальцев на клавиши, они повели себя, как непослушные маринованные маслята на тарелочке. Странно, ведь раньше как: замелькали палочки в руках – дробь, выдул из себя в горн серию воздушных подач, получи сигнал «На зарядку становись!», – и всем слышно. Здесь же – мы-э, зы-э, си-ии. Гена покраснел, на лбу выступила испарина, снизу из трубочки закапало. Звуки

строились веселым «трамвайчиком», но никак не составляли мелодию, ну, только что, может быть, – это джаз?! Да, на этот раз, точно, хорошо вышло, что не повторил в себе его увлечение, тем более, не имея слуха (себе я мог в этом признаться).

3. Стиляги и шпана

Большинство ребят нашего двора были из рабочих семей, со своим видением жизни, своей правдой и опытом. Сравнить этих «непутевых» ребят с «благополучными» мальчиками можно, разве что как дворняг с породистыми собачками. Как в любой модели сообщества, среди них тоже встречались такие, кто держался сам или кого удерживали на расстоянии: они могли быть не до конца честными, не всегда смелыми и добрыми, могли быть глупыми. Если они не исчезали раньше со сцены, как это случилось с Борей, прострелившим ногу чужому мальчику и ушедшим «в бега», приходило их время. Когда другие определялись и выходили в большую жизнь, освобождая позиции в дворовой иерархии, эти быстро занимали вакантные места, что незамедлительно приводило к эрозии дворового коллектива.

В Роще, кроме непутевых и благополучных ребят, были хорошо известны другие распространенные в то время категории, например, шпана и стиляги.

Стиляги появились около пяти лет назад, после громкого московского фестиваля и до середины 60-х еще можно было натолкнуться на следы этого явления.

За толстым стеклом внешней стены холла кинотеатра «Юность» зима, не спеша, похоже, на всю ночь, намерена была раскрутить метель. В холл, отметившись у билетера, прошел, привлекая к себе внимание, парень. Он равнодушно, направив взгляд в бесконечность, прошел мимо. Спрашиваю: «Кто это?», товарищ отвечает: «А, ерунда! Это Солнышко, стиляга, он безобидный». Когда он появился в холле, на нем было голубое полупальто, на шалевом воротнике приличный мех, под ним взбитый до носа красный шарф, дудочки, ну, и все остальное. Головной убор заменял соломенного цвета гребень собранных в «кок» волос, немного опускающихся ко лбу и тут же призывно уходящих вверх и назад. Услышал, что знают его все, в компании видят редко, почти всегда один, эдакий красавчик-блондин с романтическим прizziщем. Рощинская шпана Солнышко не трогала.

Ну и что! Мы тоже могли смастерить на своей голове модную прическу, все просто! Хочешь «кок», но у тебя нет ни старшей сестры, ни лака, то разведи сахарный сироп. Хочешь «на пробор», как у Марчелло Мастрояни, – пробрей полоску в парикмахерской и смажь волосы бриллиантином, в крайнем случае, конопляным маслом, но чуть-чуть, а не

так, как Веник на прошлой неделе, и нам на перемене пришлось из его волос вынимать розовые комочки. Солнышко, конечно же, имел лак, по-другому и быть не могло.

В нашей школе надолго задержались и не спешили ее покидать два неразлучных друга, имен не помню, которых окружающие тоже называли стилиагами. Один повыше, светлый, имел образ молодого Запашного, второй темноволосый, утонченный – образ юного Тихонова. Одеты модно, по тем временам безукоризненно и недешево: пиджаки, дудочки, цветные рубашечки, остроносые туфли (в 60-х манку уже не ценили), высокие «коки» на голове. Не торопясь, они фланировали по коридорам, оставляя в воздухе за собой запах неведомого одеколona. Оба беззлобно, свысока и эдак небрежно отवेशивали щелчки в макушки малышей. С учителями они корректны, учителя с ними вежливы. Моральные устои... не скажу, но к нам на урок пения в роли солиста часто приглашали «Запашного», и мы видели, как он с искренним чувством на лице и в глазах исполнял для нас «Бухенвальдский набат».

До конца 60-х не было покоя Роше от местной шпаны и набегов враждующих с нею соседней. В те времена в нашем городе существовали группировки Рощинская, Галенчинская, Приокская, Привокзальная, Шлаковская, с улиц Школьная и Весенняя, небольшая в районе клуба «Красное Знамя» и т.д. Бродили вечерами по улицам и жилым кварталам кодами по несколько десятков человек. Сегодня их лидером стал Храп, завтра будет Рубец или Рак, пройдет какое-то время, и на верхнюю ступеньку взойдет всегда пьяный Коля Черный, а спустя полгода перекроют движение и помчатся с криками и воплями по проезжей части, толкая впереди толпы инвалидную коляску, в которой восседает Таксист, их очередной кумир.

Шпана тоже имела свой шик, свою моду и своих пижонов. Типичный облик, державшийся до середины 60-х – надвинута на глаза папаха (фасон, как у членов Политбюро), или шапка с отпущенным на волю передним клапаном, или широкая кепка. Телогреечка растегнута до талии и отброшена с плеч на лопатки, красный шарф, узкие брочки с маленькими разрезами на щиколотках, красные носки. Кто победнее, у того кирзовые сапоги с отворотами и роль последняя. При этом обязателен громкий хриплый смех, на краю нижней губы висит сигарета, подбородок приподнят, и взгляд вызывающий, колючий, скачущий: врезать, врезать кому-нибудь. Когда молодежь в середине 60-х надела клёш, шпана дудочки расширила внизу клиньями в складку, а внутри складок повесила цепочки. Но это все от бедности. К концу 60-х их мода и их стиль постепенно исчезли: зарплата стала повыше, товаров стало побольше. Мечтаешь о полушубке, хочешь курточку или болонью купить: немного подкوبي, займи и – пожалуйста! Но я еще успел, пока шпанская мода не

ушла в небытие, прикупить на базаре телогреечку за одиннадцать рублей, перешить петли и пуговицы, придав ей трапециевидный силуэт, и в иные вечера побродить в компании с Толиком по дворам, опустив небрежно «москвичку» на брови и обмотав зеленый мохеровый шарф кольцом вокруг шеи.

После нескольких налетов шпаны на общежития радиотехнического института и повального избиения студентов, институт собрал своих дружинников, спортсменов, сочувствующих и провел в Горроще с молчаливого согласия милиции зачистки, буквально выдергивая из квартир наиболее насаливших, а сейчас притихших блатных, отмеряя им плату, соразмерную их заслугам. Жалоб не было. Своя шпана скоро присмирела, чужая от набегов отказалась и, если продолжала, то только на границах Роши.

Немного позже примеру института последовал нефтехимический техникум. Организация иная, цели непонятные, однако причина та же – месть за блокаду общежитий и избиение учащихся местной шпаной. По ночным кварталам потекли ватаги молодых агрессивных парней, получивших индульгенцию на драки. Но скоро милиция и администрация спохватились и утихомирили опьяневший от безнаказанности техникум.

4. Пацаны

Время прощания с безмятежным детством совпало с приходом в наш класс Толи Яковенко, отставшего на два года от своих сверстников из-за болезни. Толик – высокий худой блондин, заметно выше меня ростом, нос с горбинкой, чувственная нижняя губа, голос «с хрипотцой», походка вихляющаяся, мог рассмешить, да и сам был смешливый. Толя шустро катался на коньках, быстро ходил на лыжах, классно бросал шайбу, ловко сплевывал, свистел без пальцев и уже курил. Лидеров не признавал, и не стремился им стать. Короче, девчонкам он нравился. На уроках математики мы с ним первые тянули руки, чтоб ответить на устный вопрос или показать ответ в тетрадке. Как случилось, что мы стали дружить, не помню. Но моим родителям он пришелся не по душе. Его отец, дядя Костя, был старше моего, прошел в пехоте всю войну, был прост и немногословен, видно, что устал от жизни. И он, и тетя Маруся относились ко мне тепло и приветливо.

Именно через Толю я сошелся с другими ребятами нашего двора. Меня быстро приняла дворовая команда, и тут же, как Джокер, злорадно улыбаясь, начал душить в своих объятиях переходный возраст.

От улицы Островского, где стояла наша школа, до окружной дороги простиралось пространство, нарезанное на части первым, вторым и третьим оврагами. За горизонтом был еще один овраг, за ним – березовые

перелески. Мы назначили себя первооткрывателями всего этого края. Гуляли с целью и без цели, куда глаза глядят: захотим – до железной дороги, по которой в сторону Ростова и на Москву мчались поезда, захотим – до факела НПЗ или круто вправо – до учебных площадок десантного полка. Целями походов вдаль могли быть грибы осенью, зимой – бесшабашные лыжные спуски со склонов крутых оврагов. Бывали и другие дни, когда таскали мы с собой за пазухой самодельные «поджигные». Мы не могли истребить в себе благородный инстинкт, полученный в наследство от наших далеких предков...

Летом маршрут пролегал в обратном направлении – к Оке: все непутевые ребята нашего двора обожали вольную рыбалку без опеки старших. Мы сами выбирали погожий денек, договаривались и в два ночи встречались во дворе, чтобы прибыть на любимое место к рассвету, «на зорьку». Шли через рошу, спящий город, за ним на северо-восток навстречу солнцу к берегу Оки. В темноте порой не замечали, как разбредались на группы. Чтобы найти товарищей, не станешь кричать: просто опустишься на корточки и всматриваешься в горизонт, пока не заметишь сгорбленные под рюкзаками силуэты с бамбуковыми удочками.

А могли с вечера обосноваться на берегу, договорившись о встрече перед тем, как разбежаться по домам на обед. У воды, пока светло, запасали дрова для костра, готовили место для сна, расставляли донки. Собравшись в кучку, сидя и лежа у костра, отмахиваясь от комаров, переворачиваем прутиком картошечку, с выражением в голосе и на лице, которого не добьешься в классе, вспоминаем смешное из «Развода по-итальянски», зажимая между пальцами самодельный, длинный белый мундштук, как у Марчелло. Пересказываем анекдоты о Вовочке или о Чапаеве или суровые байки отцов-фронтовиков.

В ночи, на фарватере, мерцают красные и зеленые огоньки бакенов, изредка проходят с музыкой, шлёпая колесами, пароходы, отражая в волнах свет окон и фонарей, всегда при этом с шорохом оттягивая к себе в глубину воду, а затем выкатывая ее с шумом на берег. Все это время прислушиваемся к всплескам и стараемся не пропустить за своими голосами звон колокольчика, и вздрагиваем, если вдруг ухнет и начнет лязгать железом невидимая драга...

Кто-нибудь из нас вставал, выходил из круга, зевая, потягивался и подставлял разгоряченное лицо ночной свежести, всматриваясь в темноту. Оглядывался и думал, что только к нему луна протянула серебристую тропинку на черной воде, и только для него вспыхивают трассеры в звездном небе...

Создателем повенчанные, передо мной лежат Река и Берег. Он дремлет, отдавая ей тепло, Она его ласкает и всякий раз, кем-то

потревоженная, возбуждаясь, спешит покрыть любимого прохладными и влажными поцелуями. Поеживаясь в ожидании рассвета, запрокидываю голову и удивляюсь высокому небу: сзади может быть звездная, ясная ночь или подоблачный сумрак, а впереди уже разливается лазурь, в которой скоро растворится такая яркая Венера. Невидимое солнце, приближаясь из-под земли к горизонту, наконец, прикасается своими лучами к серым барашкам легких облаков, медленно плывущих на большой высоте ему навстречу, и перекрашивает их в розовый, а затем в золотистый цвет. И вот уже прищуриваюсь и чутьчку отвожу взгляд от расплавленного кусочка солнца, вспыхнувшего у самого горизонта, пробив землю. В эти короткие минуты ловлю себя на мысли: «Здорово, что победил лень и выбрал ночь, чтоб увидеть восход!»

В городе проводили эксперимент: объединяли в одном классе ребят, проявляющих склонность к математике и физике. В нашем девятом «Б» появились новенькие. Классный руководитель знакомство с нами подменила рассаживанием учеников по партам по своему усмотрению. Начала с одной девочки, сломала. Предложила тем, кому не нравится, покинуть класс. Встаю и выхожу. Иду по коридору, навстречу англичанка Анна Павловна:

– Витя, почему не в классе, что с тобой?

Выслушав, посоветовала:

– Эмоции спрятать, школу надо хорошо закончить, в других классах на это рассчитывать не следует, подожди, извинись, с тебя не убудет.

Так я и сделал, и в течение двух последующих лет классная дама свое раздражение в мою сторону не направляла. Сидел на задней парте в дружной компании из четырех парней. Не откладывая, мы записались в секцию бокса на «Спартаке». В течение года три раза в неделю встречались рано утром и шли через рощу, через Горбатый мост в центр. Учились технике бокса, выкладывались, по совету тренера не пили воду после занятий и мытья в душе, возвращаясь с тренировки, терпели и мечтали о чашечке чая с лимоном. Все были довольно успешными юными боксерами.

В это же время в нашей до сих пор безобидной дворовой компании появился Женя, до этого державшийся в стороне, сам он был не блатной, но рядом. Женя постарше нас, невысок, крепок, осторожен и уже работал где-то шофером-экспедитором. В итоге сформировалась группа из шести подростков, по соображениям Жени, способных на большие дела. Однажды в его словах я уловил намерение собрать кодлу и покорить Рощу, а ближайшая его цель – нас закалить и связать хулиганскими поступками: «кровью и делом».

Началось... В чужом дворе как-то ночью заметил он, что на дощатом столе спит пьяный. Скомандовал, обходим, встаем по краям. Женя молча вытряхивает у лежащего карманы. Мужчина просыпается, открывает глаза, приподнимает голову. Женя ему:

– Лежи спокойно, не дергайся!

Голова опускается на стол. Мы отходим, Женя считает деньги, делит и поровну раздает каждому. Мне плохо, но беру, как все. Происходящее, как во сне, и я абсолютно не готов к радикальному решению.

В другой раз зашли в девичье общежитие какого-то техникума, Женя наметил среди молодежи жертву, начал потихоньку давить, затравливать, вызывать на грубость. Предложил выйти на улицу. Вышли все. Те, кто оказался ближе, запрыгали, задышали, пытаются нанести удар, мешают друг другу. Чтоб не злить, парень на удары не отвечает и молчит. Стою рядом, участия не принимаю, но возбужден сильно.

В ту осень двор провожал в армию подросших пацанов. Самогон лился рекой, родители угощали всех щедро. Как так случилось, но я предупредил Женю, что ударю. Не маскируясь, нанес свинг широким движением по дуге снизу от бедра. Так я и не понял, пощадил он меня или в очередной раз проявил осторожность.

Зимой Толик потерпел фиаско: известный блатной «авторитет» отбил у него девчонку, и та охотно приняла ухаживания крутой знаменитости. Мы вечером встретились в кафе, взяли портвейна «три семёрки», захмелели. Толик от отчаяния завелся, вот-вот заплачет. Спрятал в рукав нож «лису», попросил, чтоб сделал то же. Ну что ж, и я убрал в рукав подарок родителей, туристический нож со столовым набором. На улице скользко, несколько раз упали, мой нож отлетел к прохожим, те показали и предложили поднять. Скоро сзади подъехал на мотоцикле милицейский патруль, заломил нам руки, свалил друг на друга в коляску и отвез в отделение. Отправили машину за родителями, а нас посадили в разных комнатах писать объяснительные. Дружинник подошел и снял с меня шапку. Спустя минуту я водрузил ее на место и тут же получил оплеуху. Привезли отцов, передали нас, в мою сторону лейтенант на прощание бросил:

– Этот далеко пойдет!

Все время в пути отец молчал, приехали домой, и я сразу же получил еще одну оплеуху. Ночью услышал обидные, даже страшные слова. «Все правильно», – признался себе.

Записался в аэроклубе к брату в парашютную секцию. Оказался младше всех, шестнадцать мне будет только летом. В феврале выехали на аэродром, сдали зачеты на тренажерах, и нам назначили день первого

прыжка, но не мне. Следующим утром вернулся, чтобы найти ключи, еще из Германии, которые, догадываясь, выпали, когда крутился на лопинге. Командир парашютного звена, не вникая в истинную причину моего появления, по-отечески еще раз успокоил – дождись лета.

Нашел ключи, вышел на шоссе голосовать. Увидел, впереди, накренившись, стоял бортовой газончик, а в кювете уже расставлены упавшие в снег бидоны с молоком. Водителю дальше одному не справиться, помахал мне рукой: не помогу ли, за что с удовольствием подвезет до Рязани. Вытащили из снега бидоны сначала на шоссе, затем подняли в кузов. Таким я себя еще не ощущал: пусть подросток, но на меня уже можно рассчитывать, как на взрослого.

В марте участвуем в юношеских соревнованиях. Первый бой: два раунда по две минуты. Противник начинает все атаки, я заканчиваю. Второй раунд – рисунок боя тот же. Свои хорошие удары вижу, сам вроде не пропускаю. Бой подходит к завершению. Противник уже не активен. Вяло наступаю, работая только левым джебом. За десять секунд до финального гонга пропускаю удар в подбородок, и от пяток до макушки тело пронзают тысячи иголок. Гонг! Рефери держит наши опущенные руки, наклоняется к противнику, слышу в ответ : «Фатюшин», затем наклоняется ко мне. Судья поднимает мою руку, как в тумане пролезаю под канатами, кто-то вкладывает в мой рот очищенный лимон, по пути в раздевалку шепчет на ухо:

– Он друзьям говорил, что тебя нокаутирует.

Завтра следующий бой, но сначала будут взвешивание и жеребьевка...

Потом не раз на пути к аэроклубу, проходя мимо ДК «Красное Знамя», встречал Сашу Фатюшина в компании его друзей, здоровались. В последний раз – в ДК профсоюзов на танцах. У меня на лацкане пиджака был значок первого разряда по парашютному спорту, у Саши – первого разряда по футболу. Пожали руки, он спросил, по какому виду мой. На значке – купол, похоже на ромашку, ну, я и пошутил – по цветоводству. Оба посмеялись, еще поболтали и разошлись по своим компаниям. Мы могли бы стать друзьями.

В следующий раз встретился с ним лет через пятнадцать. Я сидел в купе скорого, а Александр Фатюшин, улыбаясь, смотрел на меня со страницы журнала «Советский экран».

Прогулки в облаках

*Параютный спорт начинается с переноски парашютов
(инструктор Степан Михайлович Ануфриев, фронтовик)*

1. Первый прыжок

В свой официальный день рождения зашёл в районное отделение милиции за паспортом. Постучал в дверь кабинета начальника отдела, вошёл, за столом – майор. Робко объяснил, что сегодня, получив паспорт, смогу выполнить свой первый прыжок. Майор пожурил, мол, какой ты нетерпеливый, но дело и ему показалось стоящим, оставил меня в кабинете, скоро вернулся, поздравил и вручил паспорт гражданина Советского Союза. Я почувствовал крылья за спиной: каким чудесным должен стать этот день.

Собрались у здания аэроклуба, подъехала машина, и мы выехали в Протасово на аэродром. В широком поле в пятидесяти метрах от круга слежавшегося и поросшего травой серого песка разгрузили машину, среди ромашек разбили старт. Мне выдали парашют, подогнали с Валей подвесную систему. Со стоянки прикатил, покачивая крыльями, Ан-2.

До этого дня мне не приходилось бывать в небе. Инструктор, входя в самолет, подцепил носком сандалии красную стальную лесенку, на ноге внес ее в кабину и захлопнул дверь. Пилот проследил за этим, сел прямо, прижал ларингофоны к шее, что-то сбоку от себя двинул вперед, мотор натужено взревел, и самолет с заметным ускорением, от которого всех потянуло по сидениям к хвосту, начал, подпрыгивая, свой разбег. В ушах с этой минуты только гул двигателя и дребезжание металла. За окном, разгоняясь, побежала земля, тряску сменило плавное покачивание. Увидел, как убрались предкрылки, и мотор умерил свой рев, перейдя на другой режим. Земля стала уходить вниз, а панорама раздвигаться вширь... и вот уже мы под монотонный гул зависли под облаками. Все, что было за бортом, сияло великолепием и поражало масштабностью, представить, не увидев, не возможно. На вираже вжимает в сидение, и удивляет, как земля поворачивается и поднимается из-под тебя, стремительно унося горизонт к потолку кабины, и не надо смотреть вниз, чтоб увидеть поля, тени облаков, дороги, пруды, перелески, овраги: все это перед тобой. Завораживает, как облака, приближаясь к нам, по мере удаления к горизонту создают сплошное перевернутое заснеженное поле, и, кажется, что скоро оно, похожее на потолок, придавит нас.

Самолет выходит на курс, звучит сирена, открывается дверь, и в нее с нетерпением врывается свежий ветер, сметая мелкий мусор с резинового коврика. Замечаю знак подойти к двери. Поднимаюсь, ставлю ногу на обрез. Вижу, как дрожит на крыльях перкаль, покачивается над линией горизонта стабилизатор, чувствую, что вдоль борта проносится ураган, готовый принять меня в свои распахнутые объятия. Рядом, немного выше нас, – облака, а внизу под носком ботинка медленно проплывает земля. Понимаю, что стою над бездной, но панорама настолько прекрасна и лишена реальности, что пропадает ощущение большой высоты и страха перед ней.

Ревёт серена, следом – «Пошел!», – толчок в плечо, делаю шаг и проваливаюсь в тишину и вихри. Парашют раскрылся, сначала вытянувшись за мною, летящему за самолетом, и, немного покачавшись, застыл в безмолвии, и мы начали с ним, нет, не снижаться – парить! Вокруг много свежего воздуха, на многие десятки километров громадное небо и нарядная земля, а сам я большой и великий. Поднимаю голову: купол шевелит кромкой, шепчет, и это усиливает чувство тишины и покоя... Но вот краски тускнеют, земля ближе, ближе, заметно боковое движение, вызванное сносом по ветру. Внизу бежит Валя, он кричит и смеется. Разворачиваюсь, угадываю момент касания – легкий удар! Как это здорово!

Мчимся по шоссе в Рязань. Серебристая луна, смеркается, в овражки ложится туман, и, когда ныряем в низины, в машину проникает сырость и вечерняя прохлада. Кто-то уже дремлет и, как это всегда бывает, девушки потихоньку начинают напевать. Кому-то не терпится и он, пересев на лавку у заднего борта, закуривает «Север». В городе шофер знает, где остановить машину, кому надо спрыгивает через борт, машет рукой: «До завтра!», и водителю: «Пошел!» Мы – в центр, на площади сядем в троллейбус и поедем в Рошу, и до подъезда будут звучать разговоры с шутками и приколами о том, как «вот у меня сегодня...»

И папа с этого дня будет гордиться нашим увлечением, и признавать, что парашютный спорт вывел младшего сына из плохой компании. Похоже, что на этот раз Джокер проиграл окончательно...

2. Новые впечатления

Жизнь круто изменилась. Само собой получилось, что прекратил шляться по ночным кварталам и дворам в поиске адреналина. Теперь каждый день езжу на аэродром и получаю новые впечатления.

Первые прыжки с ручным раскрытием выполняем без секундомеров: три-пять секунд отсчитываем про себя. Главная задача – отделиться так,

чтобы за дверью не опрокинул встречный поток. Первый затяжной прыжок с задержкой в десять секунд выполняю с секундомером, закрепленном на запасном парашюте. К последним секундам справился с потоком, падаю вниз головой, подходит время, и... останавливаю секундомер, продолжая падение, но вовремя спохватился и кольцо выдернул. Оказалось, не я один так начинал.

В первых затяжных прыжках нравится все: оглянуться через плечо и увидеть, как, покачавшись на спине оранжевым пузырем, уходит в небо вытяжной парашют, как разворачивается из ранца, поднимаясь, оранжевый чехол и наполняется купол.

Чем пахнет облако, приплывшее со стороны Рязани, и сквозь которое должен пройти? Оно пахнет вокзалом.

Почему радуга на облаке, что вижу в окно самолета, имеет вид разноцветных концентрических окружностей, а в центре разместились тень от нашего самолёта?

Оказывается, в падении легче держаться на потоке, расслабившись, а не фанеркой, вытянув ноги и растопырив руки, уподобившись фигурке на языческих письменах.

Готовимся к выполнению в свободном падении комплекса акробатических фигур. Комплекс – это две спирали в противоположные стороны, сальто назад, еще две спирали и ещё одно сальто. Чтобы делать всё быстро и чисто, надо уметь группироваться на потоке, удерживая впереди крест как ориентир. Крест – это по старой традиции, на самом деле – песочный круг, рядом с которым располагается инструктор, наблюдающий за тобой в ТЗК.

Группируясь, следует собраться, колени поджать к груди, насколько позволит запасной парашют, руки убрать к бедрам. Начинается разгон, слышишь тонкий писк волоска у виска, вслед за ним шум ветра, вскоре переходящий под шлемом в сплошной грохот, иногда приходит тряска или рыскание, и с тем, и с другим учишься бороться. Если отвлечёшься и помотришь на колени, видимые на фоне неба, на трепещущую одежду или в сторону, можешь на какое-то время потерять ориентировку. Только крест, крест и крест, а когда же насладиться фантастическим миром, когда же можно расслабиться и получить удовольствие?

И вот где-то в начале этапа приобретения всех этих навыков и впечатлений после выдергивания кольца не почувствовал привычных ощущений, сопровождающих раскрытие ранца, выход купола в чехле, строп. Повернул голову и увидел почти на шее оранжевый вытяжной парашют, а за ним – разворачивающуюся дугу! Посмотрел вниз – здесь всё, как обычно: ласковая земля, по Куйбышевскому шоссе бегут машины. Меня начинает плавно поднимать и резко бросать вниз, раз, еще раз.

Хватаюсь за замки. Надо быстро нажать на гашетки и рвануть вниз! Наверное, не снял, жму, дергаю – никакого эффекта. Жуть! Здесь дуга смилостивилась и сама сошла – вытяжной отцепился, и без отклонений раскрылся основной парашют. Разворачиваюсь и иду на крест, оглядел замки и увидел, что с предохранителей все-таки снял. Быстро ставлю их на место, хотя прикасаться к замкам было страшновато...

3. Мечты сбываются

Август 69-го. Ранним утром вместе со спортсменами ЦСПК, Центрального спортивного парашютного клуба, выехал в сторону Чехова, в Волосово, где будут проходить соревнования на первенство Москвы.

Прошла жеребьевка. Личники от ЦСПК, т.е. спортсмены, участвующие в личном первенстве, составили свой подъём. Я попадаю в подъём личников ЦОЛТШ, Центральной объединенной летно-технической школы из Калуги. Капитан – курсант перворазрядник Смальгин. Прыгаю на УТ-2 впервые, все меня инструктируют, рассказывают об особенностях и прочее. На укладке мне помогает Датченко или просто Дуду – он, как и Валентин, герой Памира – впрочем, и другие не отказывались. «В то время как всё прогрессивное человечество» праздновало двухсотлетие со дня рождения Наполеона Бонапарта, мы штурмовали нормативы мастера спорта. Маленький, не очень приятный штрих – при выполнении затяжного прыжка после отделении от самолета меня перевернуло на спину, и славный парень, наш капитан, видел мой позор. Позже, как добрые старые знакомые, мы встречались с ним в Туле, в Омске, кажется, в Богородске или в Протвино, и везде Смальгин был свидетелем того, что со всех соревнований я привозил мастерские справки и подтверждал своё звание.

Отношу заработанные справки в областной комитет ДОСААФ. Ответственное лицо, занимающееся этим вопросом, предлагает пропустить подачу заявления на присвоение промежуточного звания «Кандидат в мастера спорта». Нет возражений: инициатива не моя, комитета. На этом остановились, документы ушли...

В сентябре едем в Тулу на межведомственные соревнования. Все прекрасно, заработал ещё одну справку. О тех днях впечатления неромантический, обыденные: из высоких облаков, закрывших все небо, моросит мерзкий дождик. Удивило, что в этих условиях нас отправили на «тридцатку», где мы в затяжном прыжке на тридцать секунд должны открутить комплекс. И не напрасно: теперь знаешь, что в падении ты создаешь и гонишь перед собой плотную воздушную подушку, а в ней трепещут, мечутся мелкие капельки дождя, ищут выход, а когда найдут,

обойдут сбоку и вырвутся на волю, а в это время их сестрёнки немилосердно секут твоё лицо...

На последних страницах журнала «Крылья Родины» ежемесячно публикуется список спортсменов, которым Федерация присвоила звание «Мастер спорта СССР». Просматриваю, нет и нет. Купив в мае 70-го в киоске на улице Гоголя очередной выпуск журнала, заглянул в конец и нашёл в списке свою фамилию. Документы и знак может получить либо виновник, либо официальный представитель организации. Едем в Москву вдвоём с Дедом: ему надо в Министерство решить вопросы, связанные с распределением супруги. В Тушино находим секретаря Федерации Пясецкую Галину Богдановну:

– У нас сегодня заседание, поприсутствуете, там и вручим.

– Но...

– Никаких «но», до Рязани электричек много.

Сидим с Валерой на заседании, слушаем. Обсуждаются вопросы, имеющие отношение к празднованию столетия со дня рождения В.И. Ленина и к организации соревнований Спартакиады народов России по военно-техническим видам спорта. Наконец, слышим, Гэ-Бэ объявляет, что у нас сегодня гости и т.д. и т.п. Приглашают к столу и торжественно вручают желанные корочки с маленькой коробочкой, где лежит тяжеленький знак. Вот и случилось! А ведь знала бы глазной врач Лапина, как бы она возмутилась – на протяжении всех этих лет её диагноз был «не годен»...

Вышли, прикрутили к лацкану пиджака знак, где сверху на лавровой ленте металлические буквы сложились в строчку «СССР», а в центре в красном эмалевом обрамлении – в две: «Мастер спорта». Добрались до Краснопресненской, спустились в кафе, чокнулись бокалами с белым вином и – домой...

4. Беззаботная юность

Беззаботная юность! Твои мысли только о небе, ты живёшь им... Отделившись, распластаться, гася скорость, заданную самолётом, бросить взгляд на лица товарищей, собравшихся у двери. Можно подуматься и сделать сальто, затем немного собираешься и плавно разворачиваешься на крест. Группируешься, по сторонам смотреть некогда, все непередаваемые красоты неба и земли сейчас не для тебя. Ураган, бьющий в шлем, не слышишь: привык. Приходит время, и начинаешь «лепить» комплекс, стараясь в промежутках сохранять направление на крест и не развалить группировку. Если хорошо разогнался, то в последние секунды замечаешь проходящие снизу вверх купола тех, кто покинул самолет перед тобой. Может остаться время, чтобы взглянуть на горизонт и почувствовать, как

погружаешься в громадную чашу, при этом с высоты в тысячу метров совсем невыразительным кажется коварное приближение земли навстречу. Чуть накренившись левым плечом, выдергиваешь кольцо, и вот он – оранжевый выстрел вытяжного в зенит, и тут же встречаешь раскрытие парашюта, во время которого можно, отдыхая, смотреть вверх и видеть, как распаивается виширь кромка оживающего купола. Ставишь кольцо на место, утираешь с висков слёзы, размазанные потоком, берёшь в руки клеванты и начинаешь обработку креста. Вновь слышишь и чувствуешь ветер. На высоте метров сто делаешь площадку, встав боком к кругу на малой скорости, затем, поймав глиссаду, разворачиваешься и идёшь на цель...

Получаю путёвку в Омск на финал Спартакиады народов России. В дороге двое суток. Сидя на подножке последнего вагона, любуюсь Поволжьем, красными отрогами и холмами Южного Урала, просторами Сибири.

На аэродроме в Марьяновке мы должны выполнить три прыжка на акробатику, четыре на точность. Лучшие пятнадцать мужчин и двенадцать женщин сформируют три российских команды, которые приступят к подготовке к первенству Союза.

На заключительной тридцатке, уходя после спирали на второе сальто, почувствовал срыв левой руки с потока и боль в плече, схватил руку в охапку, раскрыл парашют и направил его к судейской группе у ТЭК. Сбросил в траву систему, запасной и побежал к судьям, навстречу мне вышел один из них, встретились на середине, объясняю, мол, вывих, пожалуйста, не штрафуйте, если последнее сальто получилось грязным. Судья идёт к коллегам, возвращается, говорит, не беспокойся, всё чисто. На старте врач предсказал невесёлое будущее: такая травма не проходит бесследно: меня ждёт хронический подвывих с ущемлением нерва. Оставшиеся прыжки на точность выполнял с заморозкой и таблеточками, и в одном прыжке допустил досадный промах. По обоим упражнениям подтвердил звание «мс», занял четырнадцатое место, но в третью сборную России вошёл кто-то другой. Оспаривать решение не стал, ясно, что в этом году уже был не способен к серьёзной работе.

Начало сентября 70-го. Мы на старте ЦСПК в Житово. Меня поставили первым в группе с девушками, за мной покидала самолет Вера. Захожу на круг, уже на глиссаде, вдруг впереди справа и ниже (?) появляется купол Веры и вот-вот займет место передо мной, уже воздух забирает и скоро мой купол, а он уже вздрагивает, окажется без поддержки. В этой ситуации для меня нет места на прямой. С набором вертикальной скорости круто разворачиваю влево и со всей силы ударяюсь

об высохшую землю! Встал, и не надо мне объяснять, понял, что в этом году отпрыгался. Пытаюсь отстегнуть запасной, руки не слушаются, трясутся, пальцы не гнутся. Волков, начальник ЦСПК, крикнул спортсменам, чтобы помогли парашют снять, те подошли, молча сняли, понесли на старт. Стою, застыв: боюсь сделать первый шаг. Подзывает к себе врач, а это все пятьдесят. Как болгарин, иду по углям, подошёл, врач предлагает пройти к его ящичку с касторкой, а это еще два полотнища по девять или двенадцать метров. Сел, снял ботинки, смотрю, ноги, как ноги. Аполлоныч помял ступни и предположил сильную компрессию, это с его слов, не опасно. В автобусе на обратном пути сидел, поджав ноги, оберегая ступни от соприкосновения с полом, к подъезду подвезли, в квартиру вошёл сам, лег.

На следующее утро на ногах увидел гематомы до колен, как темно-синие-фиолетовые голфы. Сплю, выставив ноги за пределы постели, по делам – за спинку стула и так две недели. Лет через семь при проверке состояния связок на правом голеностопном суставе рентген показал старый перелом голени. А что с левой? Тогда в Житово с ней было то же самое.

В 71-ом мы прыгаем на своих УТ-2. Однажды в конце августа нахожусь в Протасово на старте ЦСПК. Жду появление в подъеме свободного места. Жарко, почти штиль. На круг заходит Надя Мещанинова, вдруг над пятидесятиметровой разметкой ее купол подхватывает смерч и по дуге обносит вокруг центра по линии этой разметки, а Надя только кричит тоненько: «Ой, мамочки!» Смерч бережно, как джин из своих ладоней птенца, опускает ее на противоположной стороне в круг на песок. Вокруг все веселятся, я же несусь за братом в самолет: есть место!

В том году спортсмены ЦСПК на затяжной прыжок готовили Т-4-4М, на точность УТ-2, мы же прыгаем реже: не более двух раз в день, если на сборах, то до пяти. Поэтому на тридцатку, на две тысячи, лезу со своим УТ-2 за спиной: мне каждый прыжок дорог. Знаю, этот парашют при раскрытии дерется беспощадно: удар вдавликает в систему, выбивает кровь из носа, остаются ссадины на лице от приборной доски на запасном, синяки на бицепсах и в подмышках.

Ушёл за борт Валентин, оставив в ушах шум прибора: короткую реакцию ветра на его появление в небе. Самолёт сразу же закладывает вираж, стою почти параллельно земле у обреза двери, много солнца, брата видно хорошо. Он разгоняется, крутит, закончил, пауза и раскрытие. Над ним желто-зеленый Т-4. Моя очередь... вылетаю, повторяю всё это, берушь за кольцо: «Э-э, погоди, погаси скорость». Разбрасываю в стороны ноги и руки, опять за кольцо, и вновь ожидание удара заставило меня собраться в комочек, снова: «Э...» Представляю, как тренер у ТЗК улыбается, но

купол Валентина рядом, не тяни! Выдергиваю кольцо... сильнейший удар, секунду в ушах от перегрузки тужится писк, и как только выдерживаю! Меня вытряхнуло из системы вниз, грудная перемычка ударила под подбородок. Сначала просто вишу, всего колотит, потом сколько-то секунд не могу кольцо в карман на лямке вставить: руки трясутся, не слушаются.

Решили отдохнуть от тридцатки и выпросили у командира тройную пирамиду. Мы, Валентин, Нина и я, должны у двери стать в шеренгу и, держась друг за друга, отделиться от самолета, лечь на поток, затем будем падать, любоваться друг другом, но потом, если захотим. Перед раскрытием разойдемся в разные стороны. По ходу изменили сценарий: договорились, что как только уляжемся, отцеплюсь и полетаю вокруг. Вывалились из двери, изрядно помучались, не найдя опоры на слабом ещё потоке, наконец, успокоились, я отцепился и сразу же провалился далеко вниз. Никакие мои старания так и не помогли мне подняться вверх. Развернулся, изобразил собой стрелу и потянул в сторону от сладкой парочки. Оглянулся и, не отворачиваясь, раскрыл парашют, вижу, наверху следом раскрыл Валентин. У него чехословацкий парашют ПТХ, вот он в чехле выходит из ранца... и всё! Валентин пролетает метрах в тридцати мимо и стремительно уходит вниз, становясь меньше и меньше на фоне курчавого леса, кажется, вот-вот скроется в его вершинах. Вспыхивает запасной, основной отваливает в сторону и раскрывается. Направляю свой парашют на Валентина и скоро приземляюсь рядом. Он всё с себя уже снял, улыбается, нервно курит а, когда подхожу, произносит: – В гробу я видел братскую технику!

Подъезжает машина, забрасываем все в кузов, а сами пешком возвращаемся на старт...

5. Первенство ВУЗов

Сентябрь 71-го. Выезжаем с Валентином на две недели в Алфёрово на базу авиаспортклуба МАИ, где скоро будет проводиться первенство ВУЗов страны. Руководство АСК разрешило до соревнований попрыгать с их сборной. Здесь мне посчастливилось еще раз встретиться с круговой радугой. Прыгали с тысячи метров над облаками. Пилот по известным ему признакам сам определял момент отделения. После раскрытия заметил внизу и в стороне на фоне облака радужное кольцо, а в центре – свою тень под куполом. Развернулся, но, к сожалению, войти в кольцо не успел: раньше ушел вниз.

Не обошлось и без неприятных встреч. Однажды мне определили место первым в групповом прыжке девушек МАИ с условием, что раскрою парашют как можно ниже и не буду им мешать. Выскочил,

пропадал, слежу за девушками. Их парашюты раскрыты, можно и мне. Запрокидываю голову и наблюдаю за раскрытием своего красно-оранжево-желтого УТ-2р. Но он не желает раскрываться, вид купола надо мной такой, каким он бывает после того, как сбросишь его с рук на укладочный стол – ворох цветной ткани и ни одного наполненного воздухом полотнища. Оглядел все вокруг: как бы зависли надо мной купола девчонок, земля, вроде, далеко, еще не приближается, на высотомере стрелка почти замерла. Отцеплять основной парашют так не хочется! Но надо что-то делать. Берусь за левый клевант и вытягиваю стропу управления до конца вниз. Началось вращение влево, отпускаю стропу, хочу прокатать купол, но в жгуте стропу заклинило, вращение продолжается. Ясно, давай тяни вторую, вытянул обе, начал на обеих стропках качаться, трясти. О! Показался кусочек наполненной воздухом ткани, еще один, еще... и – мне так повезло: рывками расправился купол и нехотя раскрутился жгут. Сразу же разворачиваюсь на круг, убрал хлопанье лобовой кромки и, до приземления не изменяя положения, на максимальной скорости пришел в круг, чуть ли не в ноль. На кругу стоит один Валентин, он за всем наблюдал:

– Кажется, никто не видел. А я всё смотрел, гадал, отцепишься ты или нет.

На земле стала понятна причина отказа – купол в чехле шёл за вытяжными медузами с вращением и закрутил в жгут выходящие из сот стропы и рифовку. Рифовка стягивает кромку купола и тормозит его наполнение, что приводит к снижению динамического удара при раскрытии, но сегодня по воле стихии она оказалась в тисках жгута.

Начинаются соревнования. Приехали Дед с Кузьмичом, привезли мой старенький песочного цвета лётный костюм – это своего рода визитка ЦСПК.

Первый прыжок на точность приземления. В голове крутится: «Ноль нужен, ноль, ноль!» Захожу на пяточек. Ноль проходит немного справа и сзади, бросаю в его сторону правую ногу и проваливаюсь на левое колено. Встаю, икру свело. Ко мне подходит седой дедушка в сером пиджачке и вручает яблочко, Белый налив. За что, спрашиваю, а он мне:

– За ноль – первый на этих соревнованиях!

Оказывается, половина уже отпрыгалась, а нолей не было, даже Моторин пролетел! Уходя с круга, спрашиваю судей, кто он, этот старичок, мне отвечают – это Белоусов, старейший парашютист Советского Союза. Прихожу на укладку, в начале стола кладу каску с яблочком, потом до него доберусь, сбрасываю купол, прохожу дальше, снимаю всё. Возвращаюсь к началу, закрепляю вершину, вытягиваю, расправляю, начинаю набрасывать. Вдоль столов прогуливается Сафьяненко из команды МАИ, останавливается напротив:

– Послушай, Вить, одолжи свою каску, может и мне повезет, тоже ноль дам.

Я на него не смотрю, занят:

– Бери, пожалуйста.

Он поднимает каску, и следом до меня доносится хруст заветного яблочка... Удаляясь, Сафьяненко, прожёвывая, шутит:

– Вы так маскировались с братом эти две недели, что мы и не догадывались, кого пригрели на своей груди.

Среди участников пошёл слух: Рязань привезла спортсменов из ЦСПК.

Наступает время акробатики. Мешает мне привычный подвывих плеча. Уже дома попробовал: не буду отрывать локоть от тела, и ладонь буду держать в кулаке, может быть, потихоньку и откручу.

Погода неустойчивая: мощная кучевая облачность с просветами. Нижняя ровная граница облаков расположилась метрах на восьмистах, верхняя неровная бугристая – выше двух с половиной, а мы должны прыгать с двух тысяч двухсот. Решили: будем работать в промежутках между облаками. Наша очередь. Самолет блуждает в узких фантастических ущельях. В небе безумно красиво. Созерцанием этих волшебных заоблачных пейзажей на простых прыжках никто бы нас баловать не стал. Только в местах, подобных этим, Рафаэль мог видеть свою Мадонну.

Наконец, с земли поступила команда заходить в появившийся в зоне выброски просвет. Стоишь на обресе двери, высовываешься, по щеке бегут волны, а по вискам – слезы, смотришь вниз, выбираешь момент... отделяешься, широко раскинув руки и ноги, ветер в лицо, видишь божественное величие не в окно и не в дверь – оно вокруг, кажется, можно дотронуться, восторг ничем не измерить, он рвется из груди! Впереди отвесная стена, сложенная из гигантских снежных глыб, она, угрожая поглотить, идет навстречу, но скоро стала вязнуть, а всё, что окружало, двинулось снизу вверх, выполняя команду «Ма-арш-Марш!», переходя на шаг, с шага на рысь, с рыси в галоп, с галопа в карьер. Грохот тысяч копыт нарастает и заполняет все пространство под шлемом. Но ты уже сгруппировался, забыл обо всём, видишь только секундомер и крест...

Закрытие соревнований. Вызывают к столу, вручают диплом и медаль за третье место в прыжках на точность приземления на первенстве ВУЗов страны. Общее – четвертое...

Возвращаюсь в Рязань, ложусь на операцию. Валентин Сусоколов, хирург, рассказал, как она проходила: открыли сустав, убрали оборванные волокна, по Бойчеву-2 взяли с лопатки сухожилие, перенесли на плечо,

добились максимальной подвижности, зашили. На всё ушёл один час двадцать минут под общим наркозом.

Эпилог

Сегодня утро для прогулки выдалось чудесное: не жарко, порывистый, свежий ветер и небольшая, низкая кучёвка. Иду полем, смотрю, как летят на меня облака, как играют с ветром быстрые ласточки и вспархивающие молодые жаворонки, слышу щелчки кузнечиков, отскакивающих от тропинки...

В лесу по-своему тихо. Поскрипывают вершины, вдруг шмякнется рядом на мох большая шишка. Бывает, что белка так встречает непрошенного гостя, если близко подрастает примеченный ею на зиму белый гриб...

Впереди в просветах замелькала большая вырубка. Вспомнил, что прошлой осенью с той стороны слышал крики, визг бензопил и тарактение трелёвочных тракторов. Перспектива потерять для себя этот уголок леса вызвала досаду. Иду вдоль делянки по «змейке», то приближаясь к опушке, то удаляясь, и всё отчётливее чувствую ветер, тот самый, свежий и упругий. При очередном повороте лицом к вырубке обратил внимание, как мимо пронеслось «шу-у-у, шу-у-у», и неожиданно оказался в далёком прошлом...

То был ветер, который сопровождал меня на каждом прыжке после того, как оставалась в высоком небе переполненная адреналином акробатика, когда под куполом идёшь на цель, и после каждого разворота парашют настраивается на новое положение, а в эти секунды в лицо и вокруг тебя – «шу-у-у, шу-у-у»...

Спасибо тебе, ветер.

Полковник Кобцев, или Страдания офицера запаса

Весна 74-го... Два месяца назад я прибыл к первому месту службы, в Армавирское высшее военное авиационное Краснознамённое училище лётчиков. Звание лейтенанта и специальность «инженер АСУ ПВО» нам присвоили на военной кафедре Рязанского радиотехнического института. И вот по рапорту, через полтора года после выпуска, я был призван в кадры СА.

По каким-то делам мы группой (два инструктора и преподаватель) прибыли в штаб. Проходим во внутренний дворик. Над ним – прямоугольник неба, с боков нависают белые стены старинной двухэтажной постройки. Замечаю то, на что раньше не обращал внимания: в стену напротив зарешеченной арки вбиты в ряд влево до угла на уровне пояса металлические кольца казачьих коновязей – наша история... Когда-то здесь клацали подковами подвязанные кони, позвякивали удила и шпоры, мелькали разноцветные черкески с газырями и наброшенными башлыками, папахи, буденовки, бренчали оружием то добровольцы Дроздовского, белые казаки Врангеля или Шкуро, то красные Одарюка, Кочубея или Подвойского... Спустя годы нашёл и свидетеля:

«...К штабу подводят две подводы с пленными. Красноармейцы очень грязные, заросшие, с длинными патлами волос на головах и одеты во что попало. Видно, что они всё время были в поле, в боях. Вид их отталкивающий. Подводы остановились, и конвоирующий их солдат ждёт распоряжений. На балконе второго этажа быстро появился молодой полковник лет 35 в пенсне, в гимнастёрке с расстегнутым воротником от жары, при аксельбантах, с энергичным лицом, без фуражки. В руках у него донесение о пленных.

– На кой чёрт их сюда привезли? – громко вопрошает он в пространство. – Это только обуза! Вахмистр! Убери их!.. – тем же энергичным тоном, не допускаемым слушания, произнес он коротко.

– Кто это? – спрашиваю я какого-то соседа.

– Начальник дивизии полковник Дроздовский, – отвечает он.

Высокий стройный текинец, вахмистр конвоя Дроздовского, завел подводы во двор и в тёмном сарае по очереди «убрал» их... Мне было страшно...»

(С Корниловским конным / Ф. И. Елисеев. ООО «Издательство АСТ», ООО «Издательство Астрель», 2003, с. 261-262)

Следуя за старшим, попадаем на второй этаж и в коридоре в тупике у окна ожидаем нужного офицера. По лестнице поднимается и нас замечает полковник Кобцев, заместитель начальника штаба. Можно не знать начштаба, но не знать Кобцева нельзя. Он вездесущ, его уважают, но все избегают встречи с ним, а кто-то просто боится, потому что он ничего не пропускает и вникает во всё. Кобцев внешне приятен, имеет облик строгого и требовательного мужчины, невысок, нетороплив, но собран, шаг короткий, скорый, говорит негромко, почти неуловимо окая, изредка переводя внимательный взгляд с собеседника на окружение. В отличие от офицеров-южан, которые носят фуражку на затылке, у Кобцева глаза смотрят на вас из-под козырька с прищуром, при этом он часто поводит

подбородком немного в сторону и вверх, как будто за воротник попала надоедливая коллочка.

Кобцев подошел к нам и стал задавать свои вопросы. Преподаватель отвечает, угодливо похихикивая в диалоге там, где, используя слух, отточенный в общении с начальством, можно угадать крошечный намек на шутку. Сразу почувствовал, как при очередном обзоре я попал в поле зрения Кобцева, и в первой же паузе слышим:

– А это что за казак?

Кобцев попросил у меня фуражку, проверил козырек, заглянул под тулю и, обращаясь к преподавателю, закончил разговор:

– Все это исправить и проверить лично.

Редкие встречи с Кобцевым были для меня поучительны и интересны. Он не был самодуром, он был всегда прав. Сегодня жаркий майский денек, мы в парадной форме на взлетной полосе, на рулежке и в карманах готовимся к параду, что пройдет скоро в центре города в честь Дня Победы, для меня пройдет впервые. Уже не раз проходим торжественным маршем перед командирами и оркестром. Мне трудно научиться идти в шеренге строевым, руки в положении «по швам», повернув голову и держа равнение. Вася подсказывает:

– Ты слушай барабан: бум – бум – бум, значит, левой – левой – левой. Левым глазом коси на того, кто перед тобой, а правым – на того, кто справа. И локти растопыривай.

Вот мы в очередной раз приближаемся к импровизированной трибуне. Назначенный в нашей коробочке офицер выкрикнул для нас вначале протяжно: «и-и-и» и сразу же, как отрубил: «раз!» Все прижали руки, исполнили «равнение на право» и зашевелили локтями в поиске друг друга. Через десяток шагов я зацепил каблук переднего, тот – дальше, а сзади – меня, строй закачался, запрыгал. Прошли мимо командиров, прозвучала команда «Вольно», через полсотни метров выполнили «правое плечо вперед», сошли с бетонки на траву, развернулись лицом к взлетке и встали. От группы командиров отделился Кобцев и направился в нашу сторону, не спеша, походкой эскадронного командира, жаль, ногайки не было для колорита. Оглядел строй, выделил меня и обратился негромко, он никогда не тыкал:

– Это из-за вас, товарищ лейтенант. Вы поняли? На сегодня вы свободны.

Я вышел из строя, и было очень стыдно мне одинокому стоять на траве и видеть заключительную часть тренировки без меня. Вот это наказание! В старой Русской армии в какие-то времена тоже так было: провинившемуся офицеру определяли место на марше не в колонне своей роты, а в хвосте с обозом.

Пройдет немного времени, и сами парады, и подготовка к ним, также как и строевые смотры перестанут вызывать трудности и смятение. Будет интересно, находясь относительно свободным в последних шеренгах колонны, уходить в себя и разглядывать в дымке рассыпанные по громадному аэродрому многочисленные синие и зеленые коробочки и колонны, слышать далекие команды и воображать, что примерно так было под Аустерлицем или Бородино, что я частица этого мощного единого организма. Или, когда мы идем по улице, несем на себе перезвон медалей, а на тротуарах улыбаются нам люди с детьми и цветами, но придет время, будут и слезы расставания... но это позже, в Прибалтике. А когда мы проходим торжественным маршем по площади под гром оркестра, шаг сливается в один, и, наконец, слышим знакомый и нужный нам крик: «И-и – раз!», и вот она – главная минута!

И всегда хотелось соответствовать.

И на разводах караулов и внутреннего наряда перед застывшим строем четко пройти с рукой у виска и весь ритуал соблюсти, чтоб не увидеть в строю улыбок у офицеров и солдат.

И при проверке снаряжения и готовности не оставить без внимания уместную шутку и ответить в тон так, чтоб ночью в караульном помещении или на посту и мысли у бойцов или курсантов не было подобной этой: «Не спится ему, притащился, м-дак».

И прибытие генерала утром встретить, команду громко и не петушиным голосом подать, подойти и рапортовать, глядя прямо в глаза без подобострастия и страха.

И никогда приветствие младшего по званию не пропустить и с достоинством ответить.

И никогда без оснований не «тыкать».

И никогда не хихикать, выслушивая речевые упражнения начальства...

Почему всё не так

Конец 1983-го. Навсегда покидаю Армавир, обескровив эмоции ёмким и тяжелым понятием «надо». И только тогда, когда пройдет более двадцати лет, он станет напоминать о себе во снах: меня разжаловали, отправили в Армавир, и надо вернуть всё то, чего добился, а времени в обрез... А пока меня одного встретил Даугавпилс, наш старый русский Двинск, и его Крепость.

Недели три прошло, даже больше, как занят поисками частной квартиры. В выходные, каждый вечер в будни, иногда днём мотаюсь по городу, читаю объявления, ищу с кем поговорить во дворах, у подъездов. Прихожу утром на службу, если появляется свободное время, начальник напоминает:

– Можешь идти искать жилье – это сейчас главное.

Вот и сегодня иду и, не перебивая, слушаю монолог своей спутницы:

– Приехали мы с мужем в Даугавпилс после войны. Он был офицером НКВД. Умер рано... И все это время я одна, нет никого, так вот осталась и живу в этой квартире, что нам дали.

Рассказ прерывается паузой, а минуты через две переходит на другую тему:

– Вы думаете, они со всем смирились? Нет, они затаились, ждут своего часа.

Тогда эта оценка мне показалась необоснованной: сказывалась память о красных латышских стрелках. Но позже, побывав в окрестностях города на местах массовых казней евреев, привозимых со всей Европы, военнопленных, партизан, советских граждан, к уничтожению около двух сотен тысяч которых здесь приложили угодливую руку айзсарги и прочая местная мразь, стал понимать, что их идеи не могли просто так исчезнуть. А с началом «перестройки» по каналам СМИ стала просачиваться неприязнь к нам, например: «Русским не обязательно знать латышский, им достаточно уметь произносить просьбы об оказании услуги». Или: «Наша беда в том, что Латвию оккупировало отсталое государство». Но это после, а сейчас, не спеша, разговаривая, идем мы с одинокой немолодой женщиной по улице Вентспилс, я и не заметил, как мы завернули во дворик одноэтажного дома...

Летнее утро года за два до «парада суверенитетов». Мы с Юрой Пресновым, как обычно, выбежали из Крепости через Западные (Константиновские) ворота, свернули в сторону Французского вала, миновали неприметное болотце, где в годы войны в лагере для советских военнопленных томился Мусса Джалиль, повернули на Междиемс и от него лесом справа от рижского шоссе потрусили к озеру Светлое. Там нас ожидает желанная короткая передышка в середине тринадцатикилометрового кросса. Бежим, вдыхая аромат хвои, молчим, думаем каждый о своём, иногда, быстро наклонившись, подхватываем вызывающе алые ягоды земляники. Скоро на бегу снимаем футболки и вытираем пот со лба...

Мелькает в просветах сонная гладь озера в тени окружающих его деревьев. Прыжками, взбивая белый песок, спускаемся из-под сосен к берегу на солнечной стороне, одежду с себя сбрасываем и ныряем сквозь лёгкий туман в тёмные прозрачные воды. Чувствую прикосновение

прохладных ласковых струй там, где горячее тело было сжато плавками, глотаю чистую сладковатую воду. Разворачиваюсь и, погружая лицо, расслабившись, плыву к берегу. Остановился, начинаю медленно опускаться, не отрывая глаз от освещённых утренним солнцем берёз, и вот уже смотрю на них из-под воды... красота какая!

На песке Юра, отдышавшись, произносит, глядя на облака:

– Меня не покидает ощущение, что я оккупант... особенно сейчас, когда мне хорошо... Наверное, потому что не наше, чужое всё то, от чего так хорошо... Есть предчувствие – добром это не закончится...

Союза больше нет. Командировки в Москву не запрещены. Возвращаюсь, как правило, ночным Калининградским с Белорусского вокзала. И каждый раз оказываюсь свидетелем печальной картины. Мороз за двадцать. Кучками там и сям расположились, ждут неизвестно чего беженцы из Средней Азии: старцы, женщины и дети. Они ещё не успели одеться в псевдоевропейский ширпотреб: на них пёстрые халаты, тюбетейки, часто – тапочки. Они бегут от войн, они приехали за защитой, за спасением к «старшему брату», которого защищали когда-то, проливая свою кровь.

Девятое мая 92-го. Последний парад. Сбор в сквере Славы. Построились, сформировали парадный расчёт, двинулись через весь город по Красноармейской улице в район площади Ленина. Иду в первой колонне. На тротуарах наши соотечественники: слёзы, цветы. На площади громко:

– К торжественному маршу... Равнение направо!.. Шагом марш!

Проходим трибуну, и тут же перед нами опускаются флаги независимой Латвии с траурными лентами...

Октябрь 92-го. Из Латвии русских просто выдавливают. «Россия, собирай свое разбросанное серое дерьмо!» – это о нас, военных. Плакат на все случаи: «Чемодан – вокзал – Россия!»

Бросаю квартиру и на КамАЗе перевожу вещи и жену в Россию к новому месту службы. Ночью на шоссе авария: разрушилась цилиндрическая группа. Мне надо вернуться. Остановил МАЗ. В кабине два молодых литовца. Посадили и все время в пути даже между собой говорят только по-русски. В городе перед мостом выхожу, протягиваю деньги, в ответ:

– Что ты, друг, ты же в беде, счастливо!

Ускоряя время, где-то бегом, добрался до части, для которой успел стать чужим. Помочь не могут или не хотят, находят причины для отказа:

– Аварийка сухая. Ну, не заправлена. А заправить – так водитель не обучен. И, вообще, неисправна.

Рад был, что дали машину вернуться в соседний полк. В полку помог прапорщик, так и не увидев под лётной кожаной курткой мои погоны, взял дежурную машину для заправки самолетов кислородом, и мы до рассвета поставили КамАЗ в Крепости у наших мастерских.

Утром возникают новые проблемы: в автослужбе нет таких запчастей. Подсказывают:

– На дальних чужих складах работает московская комиссия с высокими полномочиями, можешь воспользоваться случаем.

Сделал круг и вернулся с промасленным свертком. Механики-отставники удивились и с юношеским задором: «Витёк!» пообещали к пятнадцати ноль-ноль машину подготовить. В назначенное время, радуя слух бодрым урчанием, из гаража выкатил выздоревший КамАЗ, мы распрощались с соотечественниками, даже не пытавшимися скрыть в своих глазах грусть и зависть, бросили последний взгляд на нашу русскую Крепость, на наш советский боевой Т-34 и выехали в новую Россию.

События ГКЧП ушли в прошлое. У мусорных контейнеров бледные лица, залепленные пищевыми отбросами. Страна оделась в камуфляж: торговцы, пенсионеры, дачники, бомжи... И военные, не получавшие в срок ни денежного, ни вещевого довольствия, растворились в этой толпе и стали более походить на строителей-молдаван. Вспоминается анекдот того времени: «Армии НАТО без войны оккупировали Россию. Что делать с военными? Спросили у замполита, тот предложил отрезать воротники и зашить карманы – сами вымрут».

В «Известиях» обширная статья «Последний диссидент», в ней интервью и, кроме прочего, соучастие:

– Теперь, после освобождения, Вы сможете, наконец, выехать из России?

На что «Последний» отвечает:

– А как тогда я посмотрю в глаза бабушке у колодца?

В известном шоу Вили Токарев с чувством исполняет послевоенную песню «Летят перелетные птицы». Прослушав, судьи дают оценку: заказная, отвратительный марш, лживая, все мечтали выехать за рубеж. Токарев задет за живое, он парирует:

– А вам такой патриотизм и не снился!

Последнее воскресенье сентября 1993-го. С понедельника командировка.

– Пойду, попрошу у Александра Владимировича пулемет. – С этой неудачной шуткой провожаю обеспокоенную жену с Ленинградского вокзала домой.

Спускаюсь в метро, но на станции «Улица 1905-го года» выхожу вслед за двумя бойкими старушкам, догадываясь, куда они меня приведут: они несут одеяла защитникам Белого Дома, одна из них рассказывает другой, какие им вкусные блинчики напекла. Перед входом в парк имени Павлика Морозова – шеренга дзержинцев в шинелях, каски у ремней, оружия нет. Справа на баррикаде – сухой и сморщенный пожилой мужчина в штатском, на голове стальной шлем, в руках чёрно-желто-белый флаг. Не удержался, поднимаюсь, спрашиваю, почему «это» у него в руках. Говорит, что под этими знаменами Суворов и Кутузов вели полки к победам. Хочу поправить, но, заметив фотовспышки, спускаюсь и свободно прохожу в парк. В парке броуновское движение, но беспокойства нет. Кругами ходит, ссутулившись, мужчина с мегафоном и монотонно повторяет:

– Запись добровольцев производится у восьмого подъезда.

Не успела сложиться картинка, как начинается сутолока, передо мной появляется кольцо парней в чёрной униформе, кто-то произносит:

– Приднестровский ОМОН!

В центре Руцкой с мегафоном, рядом мужчины в штатском. Всё очень близко, запоминаются пышные усы Руцкого цвета светлого хаки, и что курит он непрерывно. Становится тесно, стихийно формируются шеренги, я оказываюсь в центре третьей от кольца, все сцеплены локтями, мне уже не выбраться. Руцкой начинает говорить. Коротко – он русский генерал, просит солдат не совершать ошибку и пропустить колонну. Начинается марш, я – то в полутора метрах от ОМОН, то в пяти. Впереди меня молодой донской казак, на нём белая пожелтевшая баранья папаха, защитная гимнастерка, синие шаровары, стоптанные сапоги, шашки, ногойки нет. Перед казаком священник в бедном чёрном, ниже мелькают такие же сапоги. Обращения в шеренгах – «братишка», и так бережно, доверительно. Скандируются лозунги: «Банду Ельцина – под суд!», «Руцкой – президент!». Смотрю влево – по тротуару колонну сопровождает в плащ-пальто майор ВВС, с виноватой улыбкой он заглядывает нам в лица. На подходе к американскому посольству колонна загудела, оглянулся – много как нас. По набережной обошли Белый Дом и вернулись в парк, где должны выступить лидеры. Через пять минут ожидания выбрался из толпы и пошёл к метро, сзади донеслось, что запись производится у 8-го подъезда.

Через неделю утром, проходя по коридору, слышу возбужденные голоса, захожу, идёт прямой репортаж CNN: Белый Дом, мэрия, набережная, мост, танки, генералы, штатские. У Белого Дома и мэрии многочисленные толпы сторонников Верховного Совета. Вереница БРДМД проезжает по набережной, дула их скорострельных пушек направлены на Парламент и они начинают стрелять! Начинают стрельбу

танки с моста, приседая и покачиваясь после каждого выстрела. Все это сопровождается далеким сплошным «горохом» автоматных очередей. Толпа заметалась... Так же как при обрушении в прямом эфире башен Близнецов, возникает ощущение нереальности, но рассудок подсказывает, что на твоих глазах с чёрным дымом души уходят в небо. В кадре врачи у мэрии, они оказывают первую помощь и нервно, с болью говорят, что поражения, в основном, в шею и в голову, по-видимому, ведется снайперская стрельба, что среди убитых много казаков. Вскоре всё заканчивается. Из Белого Дома выходят люди и среди них тот самый майор ВВС и с той же улыбкой.

В первые дни в прессе можно было увидеть фотографии – свидетельства событий того дня: на одной у остановки – тела пяти-шести молодых людей в джинсах, кроссовках, курточках; вот снайпер на чердаке дома напротив, нога поставлена на низкий подоконник, в руках СВД, его цели где-то внизу, за рекой. Можно было прочитать и о жёсткой фильтрации в московских дворах.

Через неделю опять командировка. Когда завершили работу, офицеры предлагают проводить их к Белому Дому. Холодные сумерки, тишина, гарь на стенах, битое стекло, мусор, пустота. Поднимаю девичью туфельку на шпильке, подержав немного и не найдя разумного решения, ставлю на крышу чёрной иномарки.

На стене дома появляется граффити: «Таманцы – поганцы». В гордом интервью президента ключевая фраза: «С советской властью покончено!..» Невольно вспоминаешь, что за пять лет до этого в «Комсомольской Правде» была напечатана карикатура с картины Перова «Охотники на привале», где бывалый произносит:

– Уверяю Вас, перестройку начала КПСС!

Проходят дни. На совещании командир предлагает всем тем, кто не согласен, подать рапорта на увольнение, но я не в школе, когда легко и свободно реагировал на провокацию классного руководителя: «Кому не нравится, может выйти из класса!»

На Ленинском проспекте на нашем пути останавливается хорошо одетая дама преклонных лет:

– Молодые люди, дайте, пожалуйста, немного денег.

Нам жутко неудобно, мы отводим взгляды: у нас нет свободных денег!

Узнали, что некий агроном разрешил на пройденных комбайнами полях подбирать картофель. Сели на последний катер, приплыли, бегом

наверх, набрали и быстро назад: с высокого берега виден идущий к нам от конечной пристани катер. Разместились, отдышались, товарищ толкает меня в плечо:

– Смотрите, а на борту только военные и бомжи!

Босой бегу по набережной за двумя балбесами, ограбившими в зелёной зоне у пляжа женщину. Догоню, а что делать буду, не знаю! Догнал... задержали. Спустился к Волге смыть кровь. Начинаю ощущать появление признаков самоуважения за то, что не смалодушничал, заставил себя всё сделать правильно.

Вернулся. Незнакомая женщина спрашивает супругу:

– Ваш муж, наверное, военный?.. А-а... Ну, тогда понятно. Гражданский подумал бы, а эти все – ненормальные...

«Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые...» Если следовать логике этого привлекательного высказывания, мы должны быть благодарны судьбе за то, что она опустила нас на эту красную планету в период расцвета и упадка её цивилизации.

Да, перед нами были открыты двери всех ВУЗов, мы могли заниматься любимыми видами спорта, нам были доступны природные богатства нашей земли, мы были равны и никогда более не испытывали таких чувств братства, бескорыстия, пусть ограниченной, но свободы. Мы гордились Историей своей Родины, Армией, мы были патриотами. Мы верили, что всё образуется и состоится... должен состояться Новый Человек!

Но случилось так, что наша планета потеряла свой цвет и уменьшилась в размерах. Спираль, по которой она вращается, изменила свое направление, сама же планета смиренно удаляется в холодную пустоту... Поверхность её сжимается, покрывается пустынями и кратерами, не оставляя никаких шансов осколкам былой цивилизации. Навстречу ей, к звезде, начала движение новая красная планета невероятного размера. Нет других альтернатив последствиям их неизбежного сближения: либо столкновение остывающего амбициозного карлика с гигантом, либо превращение в его спутника.

ПУБЛИЦИСТИКА

Старая фотография

Папа получил очередной отпуск, и мы приехали в Союз из Германии, где он служил в то время. По пути в его родное село Половское мы задержались на недельку в Москве у дяди Коли на Воздвиженке, тогда улица Калинина, в доме номер семь, рядом с Библиотекой, за углом – Манеж, Исторический Музей и Кремль.

Не зря тому, что мы в эти дни будем в Москве, откровенно позавидовал немец-парикмахер, обслуживший нас перед отъездом в своём крошечном салоне по соседству со школой, куда я этой осенью пойду в первый класс. На работу парикмахер приезжал на велосипеде, он припадал на одну ногу: след тяжелого ранения на Волге под Сталинградом. А позавидовал потому, что в столице в те дни шумно проходил грандиозный праздник: Фестиваль молодёжи и студентов! И мы успели! Успели увидеть танцы и гуляния на Манежной площади (и сам манеж с кавалергардскими шлемами на огромных дверях-воротах), разноцветные толпы иностранцев на улицах, в магазинах, на ВДНХ и в парке Горького и, конечно, салют в вечернем небе. Много нового, необычного, чудного. Например, один из весёлых гостей одет был в ярко-красный трикотажный костюм, на голове шапочка, и вся одежда его увешана значками, пожалуй, кроме того места, на которое он присел на прилавок в магазине на Тверской, где я тоже отдыхал от стояния в очередях..

Наконец, мы в деревне. Утром отправились в гости к родственникам, к Кирюхиным. Между станцией и переездом – небольшой дом под яблонями. Входим, просторная первая комната, у окна напротив – стол, скамья... тишина, прохлада. Маленький худенький старичок поднялся навстречу. Папа нас, т.е. меня с братом, с ним познакомил – это дедушка Проня, он всё время улыбается и покашливает. На столе – фуражка с чистым васильковым околышем. Это уже поинтереснее: недавно смотрели фильм «Пролог», запомнились brave царские солдаты в таких же фуражках, но без козырьков. Спрашиваю дедушку Проню, служил ли он в царской армии. Конечно, нет, и улыбается. Наш-то служил и воевал, а

дедушка Проня, на мой взгляд, оказался прост, без загадочности, без намёка на героизм. Досадно стало, но так, чуть-чуть.

Папа попросил посмотреть направо. На стене выделялся одинокий портрет. Обычно в домах с деревенским жизненным укладом, как и в доме нашего дедушки Андрея, на стенах вывешивали фотографии близких, часто – под одной рамкой.

– Это Николай, мой двоюродный брат. Он с 21-го, на год постарше. Мы дружили... Двадцать второго июня мы на Тырнице рыбачили с ночёвкой... Как началась война, так с тех пор о нём ничего не известно... лейтенант... пропал без вести... У дедушки Прони три сына, два не вернулись с войны. Старший, Георгий – лётчик. Когда средний – весь в орденах, это наш дядя Володя – вернулся, семья старшего брата стала его семьёй. Это его Зоя и Люда (дочь Георгия), вы ж знаете, они – ваши троюродные сёстры.

На довоенной карточке с затуманенной косою садовой решёткой по краям – шаблон, применяемый в тридцатых многими фотоателье – грудной портрет молодого красного командира в пол-оборота. На нём, как положено, гимнастёрка, португепя, по паре кубиков в каждой петлице, фуражка... Он смотрел мне в глаза... я почувствовал: оттуда, из того времени.

Не так уж и велика беда, если бы в памяти моей эта встреча заняла бы такой уголок, что вспомнил бы и о дедушке Проне, и о Николае, разве только тогда, когда подсказал бы кто, напомнил. Но нет... признаюсь, помню о них с лета того 57-го. Как мало надо, как просто: не пропустить, не опоздать, показать и сказать вовремя, пока душа ребёнка к этому готова, когда отец – твой самый главный авторитет.

Прошло время, учился, работал в КБ, ушёл в Советскую Армию, в запас, в отставку. А мысли часто: «Как он испил свою чашу?.. Залпом?.. А может, по глоточку, долго, мучительно?.. А успел ли?..»

Однажды по чьей-то подсказке оказался на сайте «Мемориал»: много чего должен был узнать о близких. Набрал: Кирюхин Николай Прокофьевич, место рождения. Подождал несколько секунд. Торопяся, нажал ещё одну кнопочку и – вот она: страница донесения о безвозвратных потерях 107-й стрелковой дивизии. Скупо и ответственно – «убит в бою» 01.09.1941-го, место гибели – деревня Садки Ельнинского района Смоленской области. Адрес, куда ушла похоронка, но так и не дошла – село Половское Спасского района Рязанской области. Отец – Кирюхин П.

Начал копаться в Интернете: боевой путь дивизии, характер боев. Дивизия формировалась в Барнауле, но погибли в один день с Николаем бойцы и командиры не только с Алтая, но и из Тамбова, Челябинска, Горького, Новосибирска... да мало ли. Выхожу на сайт дивизии – тишина,

но воспоминания ветеранов доступны. Читаю... они все вспоминают бои за Садки?! В конце августа деревню взяли, впереди, недалеко, станция Нежда – рубеж. Садки удержали, пошли на Нежоду и в первых числах сентября замкнули кольцо внутреннего фронта и окружили немцев под Ельней. А Николай погиб первого сентября. Но погиб Победителем, как и товарищи его. А до Дня Победы нашим бойцам надо было ещё топтать и топтать целых три с половиной года.

Искренне жаль: ушли из жизни и дедушка Проня, и дядя Володя, племянник нашего деда Андрея, ушёл мой отец... Звоню Зое. Слышу её голос, называю себя, понемногу начинаю раскрывать причину, вдруг:

– Как?! Ты нашёл дядю Колю?!

Вздрыгнул... Вот так, ребята... все эти годы Николай – в той семье...

P.S. Состоялось открытие мемориального военного кладбища в Мытищах. Первым упокоился прах Неизвестного Солдата, воина 107-й стрелковой дивизии. Погиб в боях под Смоленском. Говорят, он с Алтая. Но пали в тех боях – подтверждают это записи о безвозвратных потерях дивизии – воины, представлявшие всю нашу страну, зрелые мужчины и совсем ещё пацаны. Где похоронен Николай, точно неизвестно, но пал он под Смоленском.

Ты можешь быть им

Мне за шестьдесят, тебе всё те же восемнадцать, а узнал я о тебе только в прошлом году. Вот уже более семидесяти лет лежишь ты с девчонками среди лесных просторов между озерами Селигер и Ильмень. Что оборвало твою жизнь: осколок немецкой гранаты, пуля, снаряд, а может быть, штык или выстрел в лицо раненому красноармейцу, как и тем девчатам-дружинницам, на заснеженном поле, оставленном врагу после ночного боя?

Вы рядом: ты, Иван, тебе 18 лет, москвичка Таня, ей 17-18, две Маши из Подмосковья, одной 21-22, другой 19-20 лет. Ты мог быть знаком с Татьяной, вы перед уходом на фронт жили недалеко друг от друга, в одном районе Москвы. Еще вчера, быть может, вы бродили по Лихоборскому переулку (Л-му проезду, набережной Л-го канала), а в это же время на платформе станции Отдых или в Крюково могла ждать свой пригородный Маша в легком платьице... Но война безжалостно вторглась в ваш мир, и вы остались навечно все вместе у деревни Островня и на листке донесения о безвозвратных потерях 371-го стрелкового полка.

В шестой колонке этого скупого документа ни у одного из вас не указано место призыва. Но если полистать, то поймешь, что павшие, занесенные в эти списки, пришли не по повестке, а по зову сердца в

коридоры комитетов ВКП(б) Бауманского, Кировского и Красногвардейского районов. Чтобы записаться в свой батальон, теснились в очереди сосредоточенные или, нервно смеясь, соседи, друзья, близкие, коллеги, студенты, школьники – Родина в опасности! Среди них могли быть и Сережка с Малой Бронной, и Витька с Моховой. Потом, зимой 41-го, они, стоя в окопе и разглядывая звезды в морозном небе, выдыхая над собой пар, смешанный с табачным дымом, просто, чтобы посмотреть, откуда ветер, тихо рассмеются, догадавшись, что пересказывают один и тот же концерт, виденный ими в Парке Культуры. Затем начнут шепотом спорить, где наливают пиво повкуснее... Старая русская армия обладала небывалой стойкостью: ее полки состояли из бойцов, крещеных в одной или в соседних церквях, пахавших землю, которую может омыть дождем одна гроза, имеющих общую межу и общих предков. В 41-м страна надеялась, верила, что и ее добровольцы будут также стоять до конца.

Вам, Иван и Татьяна, осенью не было 18-ти, и если вы получили отказ в райкомах, то могли присоединиться к дивизии позже, на марше, в окопах, где было уже не до формальностей. И вы обе, Маша и та Маша, возможно, добились включения в списки полка, когда дивизия уже громила врага недалеко от вашего дома. Потому и пуста 6-я графа. Вы все в 41-м – добровольцы 3-й Московской коммунистической дивизии, вставшей на защиту Москвы, в 42-м – воины 130 стрелковой дивизии, сформированной из 3-й МКД и брошенной на ликвидацию Демянского котла.

Этот листок передо мной потому, что ты, Иван – Вознюк, Данилович, родом из Винницкой области, молод и можешь быть младшим братом моей мамы, ты – единственный с такими данными, найденный на сайте «Мемориал». Как мне тебя называть: дядя Ваня или Иван Данилович. Мама 22-го июня 41-го добровольцем ушла на фронт, была зенитчицей (Одесса, Севастополь, Кавказ), ранена, после войны не нашла родных, и не подскажет: вот уже сорок лет нет её рядом. Нет ответа с её родины. Пришли ответы из Центрального Архива МО, из архивов Москвы, из военкоматов Северного АО Москвы, от райкомов ВКП(б), где проводилась запись добровольцев в три батальона твоего полка, из военкомата Коврова, где в 42-м формировалась 130 СД, но нет среди них новых, уточняющих данных. И ещё – всматриваясь в список, невольно спрашиваешь: Кто вы, «дружин.», и почему столько девчат?

Месяц назад мне стали известны воспоминания Гарри Горчакова-Баграйс, начавшего войну шестнадцатилетним снайпером. Ссылкой на страничку «Рядовой Родины» (*) поделился со мной его сын, Андрей. Он – внук русского офицера 67-й пехотной дивизии в Первую мировую, а я – внук русского солдата той же дивизии. Но то, что отец Андрея и ты, Иван, тоже воевали в одной дивизии, явилось полной неожиданностью для нас

обоих. И эти воспоминания юноши, еще мальчика, добавили боли и горечи. Теперь мне известен путь твой от Москвы к Маревским лесам и к тому белому полю, и я могу видеть и слышать этот последний бой.

Из воспоминаний Гарри

Осенью 41-го районные комитеты ВКП(б), по батальону от каждого, приступили к формированию 3-й Московской коммунистической дивизии. Добровольцев приодели, выдали винтовки и отправили на Волоколамское шоссе. Дивизия заняла оборону за Тушинским аэродромом во втором эшелоне, ополченцы начали рыть окопы, им завезли гранаты, бутылки с зажигательной смесью. Затем последовали бои у Сходни, где в полосе дивизии, на участке фронта в 4 километра наступали 7 пехотных и 4 танковых немецких дивизий. Ополченцы должны были закрыть собою брешь в обороне, если бы она была прорвана. И так было, и не раз. Стоявшую впереди Панфиловскую дивизию, состоявшую из казаков и жителей Средней Азии, немцы «буквально смешали с землей», а прорывавшиеся танки встречали и уничтожали уже ополченцы.

Когда началось наше наступление, 3-я МКД стремительно дошла до Манихино Истринского района. Здесь ополченцев отозвали с передовой, привезли на Савеловский вокзал, погрузили в эшелоны и перебрали на Северо-Западный фронт. В районе станции Бологое дали немного отдохнуть, одели в теплое байковое белье, свитер, телогрейку (поддевку), шинель, маскхалат и валенки. В таком наряде особо не разбежишься, но он спасал от обморожений, когда пришлось позже спать на снегу, подложив под себя лишь еловые лапы.

В феврале 1942 года с полной выкладкой (лыжи на плечах, винтовка, запас патронов, гранаты и продукты на три дня) бойцы дивизии за трое суток прошли двести километров по глубокому снегу, причем лыжи несли на себе, чтобы походные колонны не растянулись на километры. Слабые на марше не выдерживали, падали замертво. Бойцы во время коротких привалов научились спать стоя: расставят ноги, схватятся за ствол винтовки, обопрутся подбородком и мгновенно засыпают. Если засыпали на ходу, то падали, как подкошенные, а сверху лыжи и винтовка били по голове... Завершив марш-бросок, дивизия вышла в район Новой Руссы. Начались «жуткие» бои с окруженной немецкой 16-й армией... Осталась позади освобожденная Новая Русса, начались бои за Великушу, в километре от которой к югу – та самая Островня.

И вот, 1-го марта, ночью, полку, в котором воевал Гарри, предстояло брать Антаново. Бойцы поползли по бороздам в снегу, оставленным другими, теми, кто уже впереди... Кончился лес, пошло поле, за ним по склону вниз – к деревне. Когда, казалось, оставалось сделать только один бросок, начался сильный обстрел, соседи отступили, «...а мы – нет, пока нас всех не перебили. Лёся тоже тогда погиб. А меня в ногу ранило осколком и контузило. Когда я утром пришел в себя, слышу, как немцы кричат «коммунист, большевик» (у них тоже ведь разведка работает [знают, против них бывшая 3-я МКД]) и стреляют очередями: добивают раненых. Они [немцы] выскочили из ближайших домов, до которых было метров 150... А метрах в семи Зина Алешина лежит, сандружинница, ранена в обе ноги и руку. Чуть дальше – Яна. Зина плачет, зовет на помощь. Вдруг слышу, как рядом немец дышит, кричит «большевик», и – очередь. По моей спине что-то простучало – ну, думаю, пули меня перерезали. Потом чувствую, что живой, а это оказались [отлетевшие] мозги раненого бойца, который, видимо, присел, ничего не осознавая от боли и контузии. Немец дал ему очередь прямо в голову... весь маскхалат у меня был в крови... немец подумал, что я убит. Они потом переключились на девушек, стали их колоть штыками, издеваться. Через какое-то время, когда немцы отделились, я повернул голову и вижу, что они начали валенки снимать с убитых и опять движутся ко мне. Понял, что снимут с меня и увидят, что я живой. Выхода нет, дай, думаю, поползу. И по той же бороздке, что оставил, пополз к лесу... Только отполз пару метров, слышу, немцы смеются над чем-то. Я замер. Потом пополз дальше. Что-то их опять развеселило. Так было трижды. Как я дополз до леса, до которого было метров триста, не знаю...»

Для тебя не имеет значения, кто ты мне: дядя Ваня или Иван Данилович, не это главное, ты можешь им и не быть. Мне знаком Тушинский аэродром, часто проезжаю Сходню и Бологое, теперь знаю, я должен прийти к тебе. Это только одно прикосновение к прошлому, а сколько их было, помимо меня, и сколько еще будет.

Не удержался, на сайте «Мемориал» сделал запрос на поиск данных на имя «Зинаида Алешина». В итоге получил доступ к документу 528-го стрелкового полка 130 СД, адресованному в Центральное бюро по учету персональных потерь в действующей армии, гриф «Секретно», вх. № 17340с от 25.07.42. Документ содержит сведения о воинах 528-го сп, «ранее числившихся в списках без вести пропавших и выявленных по документам и свидетельским данным как убитые в период боевых

действий полка». Здесь на листе № 2 указаны и Зинаида Алешина, санинструктор, 1922 г.р., и Леонид Гриневский (Лёсик), сержант, командир отделения, 1924 г.р. и многие другие павшие в конце зимы 42-го. Почти у каждого в адресе, куда ушла похоронка – Москва.

По другим источникам известно также, что Гарри из всей роты вышел из боя один, что 528 полк вскоре попал в окружение.

Ознакомившись с этими данными, можно сделать выводы:

1. Деревня Антаново так и не была взята. Известно, что операция по ликвидации 16-й армии вермахта в Демянском котле была unsuccessful: торопились и не умели еще. Павшие 1.03.42, очевидно, были захоронены не ранее посевной и, скорее всего, местными жителями.

2. Вопреки расхожему мнению, документ доказывает, что и в военное время государство занималось выяснением судеб без вести пропавших воинов. Найденный окоп со следами боя, скорбные останки, медальон – не всегда «открытие».

3. За атакующей пехотой, не прячась, шли санитары, в основном, девушки. Вечная им память.

(*) «Рядовой Родины» см.: <http://www.ves.lv/article/124920>

Фиолетовый дурман

«Мне все фиолетово» - кредо пофигиста.

Даугавпилс, или Двинск, кем он был в Российской империи. Около часа на катере вверх по Западной Двине или Даугаве – и мы поднимаемся к развалинам Динабургского замка. Проходит время, экскурсия завершена – возвращаемся в город. Когда на правом траверзе оказалось местечко Науены, увидел, что по склону зелёного высокого берега выстроилась волнистая шеренга детдомовских ребятишек в одинаковых белых рубашечках и кофточках. Дети из иного мира усердно машут нам руками, рады: мы их друзья, добрые дяди и тети. Зацепило сильно: я не заслуживаю их внимания и тепла, никогда не оправдаю их надежд.

В Крепости, в ДВВАИУ, военном инженерном училище, идёт подготовка к последнему для меня выпуску. Утром разговаривал со знакомым дежурным, от него узнал, что ночью в одном из кубриков общежития выпускники разбили купленный вскладчину телевизор: себе оставить не получается, значит, не достанься ж ты никому! Подумалось мне о детишках... И Вы вспомнили?!

Парад выпускников. У каждого молодого лейтенанта в кулаке мелочью отмерен год выпуска. Четыре колонны проходят мимо трибуны, и по сигналу четыре раза ввысь взлетает и звонко падает серебристый дождь... Снова вспомнили детишек?

На протяжении нескольких последних лет в телевизионных программах всей стране показывают красочное зрелище: то в одном городе, то в другом – парад выпускников и знакомый серебристый дождь. Вот мы и откусили от наливного яблочка, скрывающего в себе дурман... Если бы мог сказочный пёс вовремя пролаять: "Не смей!", может, выпускники и не разбили бы телевизор.

У каждого есть свои летние маршруты: а я сегодня утром сошёл на станции Тверца и направился за малиной. Вот уже поле осталось позади, за ним и впереди – лес, иду по дороге, справа небольшая деревня Олбово, вытянувшаяся по моему берегу вдоль Кавы, малой быстрой речки. Немного погода замечаю, чего раньше не было: у обочины поставлен из чёрного гранита невысокий крест и памятная плита со списком павших односельчан. Остановился. Деревенька маленькая, а список большой, и покоятся останки этих героев не у дома родного, а на всём бескрайнем пространстве от Волги до Эльбы и от Заполярья до Кавказа и Балкан. Ещё раз оглядел поле и лес, всматриваюсь в список. Мечтал и он, и он, и они все вернуться, взглядом охватить милые просторы, почувствовать ласковый ветер, жадно втянуть ноздрями дымок, в лесу и на поле поохотиться, пособирать грибы и ягоды, порыбачить одному или с сыновьями позади меня на камушках. Непременно так и должно было быть с ним во снах и наяву между боями, или когда метался он на госпитальной койке в бреду либо на израненной земле, преодолевая боль, пока сознание не покинет его. А сегодня эти лес, поле и речку могу видеть я, случайный прохожий, а он так хотел, ему так нужно было, но он – нет... Вот и подумалось, что самая благодарная, верная и дорогая память ему – наш мир, который нас с ним объединил, к которому прикасались его глаза и руки.

На первый взгляд «Георгиевская Ленточка» – важная патриотическая акция. Только руку протяни – на, получи и пристегивай, привязывай, покажи всем, что ты солидарен со страной и тоже не забыл, помнишь. А можешь на стекле написать: «Спасибо деду за Победу»: машина бегаёт – дань отдал, долг исполнил. Нет, ты ему об этом сам тихо скажи, если он жив, если нет, то у надгробья, у Вечного Огня или, глядя в Небо, скажи только губами и не стесняйся слезы. А лента священна! Место её там, где подвиг и кровь: на планках орденов и медалей, на древках знамен, на эфесах холодного оружия, на груди ветерана. Даже одна она – высокая награда. Теперь же мы видим её на антеннах авто, дворниках, ручках,

зеркала, радиаторах и как итог – жалкую, истерзанную, усыпанную табачным пеплом, а то и на асфальте, в грязи, под колёсами иномарок униженную. Вам не показалось, что мы ещё раз откусили от того яблочка?.. Дальше – сон, забвение.

*Ещё закон не отвердел, / Страна шумит, как непогода.
Хлестнула дерзко, за предел / Нас отравившая свобода...*

Всё правильно, всё соответствует сегодняшнему дню, кроме, пожалуй, определения ситуации как «страна шумит». Ближе к нему – «народ безмолвствует...» А впрочем, в милом крае и вечера уже не те: теперь они «упоительные», с «хрустом французской булки», с «лакеями». В СМИ дежурный набор фраз: ...всемирная поддержка; ...просят нас об этом простые люди; ...нельзя лишать россиян права выбора. Умелые руки старательно лепят очередное яблочко. Обывателю приятно: о нём вспомнили. О нём, о простом, на ком Россия держится! Можно успокоиться и поспать ещё немного... Ну, а мы вспомним следующие две строчки:

Россия! Сердцу милый край! / Душа сжимается от боли...